

1

63

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1878.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1878

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1878.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасовича, Вас. Остр. 2 л., 7.

1878,

Rec. May 13, 1905.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

	Стран.
I. Узаконенія и распоряженія правительства	I—XX
II. О проектѣ правилъ гражданскаго судопроизводства для мировыхъ судебныхъ учрежденій прибалтійскаго края. С. Платонова	1
III. Институтъ государственныхъ обвинителей въ новомъ австрійскомъ процессѣ. Н. Сергѣевскаго	84
IV. Семейственныя и гражданскія права женщинъ по русскимъ и польскимъ законамъ. (Окончаніе). П. Юрнева	103
V. Обзоръ кассационныхъ рѣшеній по вопросамъ уголовного судопроизводства за 1874 годъ. А. фонъ-Резона.	132
VI. Юридическая хроника.—Обзоръ вышедшихъ въ 1877 г. законовъ, относящихся къ судебному дѣлу.—Осуществленіе сенатской реформы 10 іюня 1877 г.—Что слѣдуетъ читать нашимъ юристамъ-практикамъ и что они читаютъ. П. С.	185
VII. Библіографія. — Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ Михаила Малинина. П. Гедримовича.	204
 ПРИЛОЖЕНІЯ:	
VIII. Протоколы засѣданія уголовного отдѣленія юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ 30-го апрѣля, 21 мая и 22 октября 1877 года	1—35
IX. Судебная практика по дѣламъ о несостоятельности. Т. Андреева	145—176

1. The first step in the process of the investigation is the identification of the problem. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the problem by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

2. The second step in the process of the investigation is the identification of the variables. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the variables by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

3. The third step in the process of the investigation is the identification of the hypotheses. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the hypotheses by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

4. The fourth step in the process of the investigation is the identification of the methods. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the methods by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

5. The fifth step in the process of the investigation is the identification of the results. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the results by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

6. The sixth step in the process of the investigation is the identification of the conclusions. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the conclusions by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

7. The seventh step in the process of the investigation is the identification of the implications. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the implications by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

8. The eighth step in the process of the investigation is the identification of the limitations. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the limitations by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

9. The ninth step in the process of the investigation is the identification of the future research. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the future research by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

10. The tenth step in the process of the investigation is the identification of the conclusions. This is done by the investigator, who is usually a member of the research team. The investigator will identify the conclusions by looking at the data and trying to find out what is going on. This is done by looking at the data and trying to find out what is going on.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ОТДѢЛЪ I.

А. Высочайшія повелѣнія.

1.

О порядкѣ удостовѣренія подписей на совершаемыхъ или свѣдѣтельствуемыхъ въ округѣ варшавской судебной палаты актахъ, подлежащихъ исполненію за границу. Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о порядкѣ засвидѣтельствованія нотаріальныхъ актовъ, совершенныхъ въ округѣ варшавской судебной палаты и подлежащихъ исполненію за границу, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ министра, *мнѣніемъ положила* постановить:

Удостовереніе въ подлинности подписей лицъ, коимъ представлено совершеніе или засвидѣтельствованіе актовъ въ предѣлахъ округа варшавской судебной палаты (высочайше утвержденныя, 19-го февраля 1875 г., правила о примѣненіи къ варшавскому судебному округу положенія о нотаріальной части, ст. 1—3), въ тѣхъ случаяхъ, когда акты эти подлежатъ исполненію за границею, дѣлается предсѣдателями окружныхъ судовъ и мировыхъ сѣздовъ округа означенной палаты, по принадлежности; подлинность же подписи предсѣдателя суда или сѣзда удостоверяется чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, состоящимъ при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ.

Его Императорское Величество послѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта, 12-го ноября 1877 года, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

2.

О временномъ усиленіи штата архива при варшавскомъ окружномъ судѣ. Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о временномъ усиленіи штата архива при варшавскомъ окружномъ судѣ, мнѣніемъ полагаетъ:

I. Высочайше утвержденный штатъ архива при варшавскомъ окружномъ судѣ дополнить временно, на два года, двумя штатными должностями помощника архиваріуса.

II. Содержаніе означеннымъ лицамъ назначить по 600 р. въ годъ каждому (въ томъ числѣ: жалованья 300 р., столовыхъ 150 р. и квартирныхъ 150 р.), сравнивъ ихъ, въ отношеніи прочихъ служебныхъ преимуществъ, съ должностью помощника секретаря при окружныхъ судахъ.

III. Въ дополненіе къ отпускаемой нынѣ, на основаніи высочайше утвержденного, 27-го апрѣля 1876 г., мнѣнія государственнаго совѣта, на канцелярскіе расходы архива при варшавскомъ окружномъ судѣ суммѣ (въ 500 руб.), ассигновать на означенные расходы также временно, на 2 года, по 2,000 р. въ годъ.

IV. Потребный на сей предметъ расходъ въ суммѣ *трехъ тысячъ двухсотъ* рублей (2,000 р. на канцелярскіе расходы и 1,200 р. на содержаніе двухъ помощниковъ архиваріуса) вносить, съ 1-го января 1878 г., въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства юстиціи; въ текущемъ же году расходъ сей, со дня его разрѣшенія, отнести на общіе остатки отъ заключенныхъ смѣтъ, въ росписи непоказанные.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе государственнаго совѣта, 12-го ноября сего года, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

3.

Объ объявленіяхъ въ ходъ гражданскихъ дѣлъ для чинаго въста войскъ, приведенныхъ въ военное положеніе въ настоящую войну.

Въ именномъ Его Императорскаго Величества высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату въ С.-Петербургѣ, 14-го декабря 1877 года, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: „По случаю настоящей войны съ Турціею, признавъ за благо даровать нѣкоторыя облегченія въ ходѣ гражданскихъ дѣлъ всѣмъ участвующимъ въ сей войнѣ чинамъ сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, всеимпериальнѣе повелѣваемъ: Для чиновъ всѣхъ войскъ, приведенныхъ въ военное положеніе, объявить въ гражданскихъ дѣлахъ отсрочку на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Производство тяжёбныхъ и исковыхъ дѣлъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, находящихся въ составѣ войскъ, приведенныхъ въ военное положеніе, если они не оставили повѣренныхъ — приостанавливается по просьбамъ ихъ до прекращенія военного положенія. Тѣ же дѣла, по которымъ имѣются со стороны ихъ полномочіи, съ надлежатию на ходатайство, апелляцію и кассацию довѣренностями, а также дѣла, по которымъ не поступить отъ тяжущихся просьбъ о приостановленіи оныхъ — производятся, рѣшаются и исполняются такъ точно, какъ если бы тяжущіеся налицо состояли. 2) На все время военного положенія, теченіе земской давности для означенныхъ въ пунктѣ 1-мъ чиновъ приостанавливается. 3) Установленный въ ст. 1,868 т. X зак. гражд., свод. изд. 1867 г., срокъ для выкупа родовыхъ имѣній продолжается для упомянутыхъ въ пунктѣ первомъ чиновъ, сверхъ установленныхъ трехъ лѣтъ, еще на одинъ годъ. 4) Состоящіе при войскахъ тяжущіеся имѣютъ право, немедленно по объявленіи сего, обратиться въ судебныя установленія какъ прежняго устройства, такъ и образованныя по уставамъ 20-го ноября 1864 года, съ просьбами о приостановленіи ихъ дѣлъ, съ представленіемъ удостовѣреній ихъ начальства о времени объявленія войска, къ составу коего они принадлежатъ, въ военномъ положеніи, каковое время и должно служить началомъ для исчисленія объявляемой нынѣ отсрочки. 5) Въ отношеніи ко всѣмъ производимымъ въ судебныхъ мѣстахъ дѣламъ, по коимъ рѣшенія не вошли въ окончательную законную силу до времени приведенія въ военное положеніе того войска, къ составу коего принадлежитъ тяжущійся — установленныя въ законѣ сроки для представленія составительныхъ бумагъ, отзывовъ, частныхъ и апелляціонныхъ жалобъ, просьбъ объ отменѣ рѣшеній, и т. п., считаются для упомянутыхъ тяжущихся со времени прекращенія военного положенія или уволь-

ненія тяжущагося изъ состава войска, приведеннаго въ военное положеніе. 6) Въ случаѣ смерти тяжущагося, на коего распространяется дѣйствіе настоящаго указа, наследникамъ его, а за малолѣтнихъ—опекунамъ ихъ, упомянутые въ пунктѣ 5-мъ сроки считаются со времени полученія ими официальнымъ или другимъ несомнѣннымъ путемъ подлиннаго о смерти его извѣщенія. 7) Передача повѣстоу и всякаго рода судебныхъ бумагъ тѣмъ изъ означенныхъ въ пунктѣ 1-мъ тяжущихся, кои находятся въ составѣ войскъ внѣ предѣловъ имперіи, приостанавливается впродол до возвращенія подлежащихъ частей войскъ, въ составѣ коихъ лица сіи находятся, въ мѣста расквартированія въ предѣлахъ имперіи. 8) Съ приостановленіемъ, на основаніи настоящаго указа, производства дѣла, судъ можетъ принимать по просьбамъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ установленныя закономъ мѣры къ обезпеченію иска. 9) Межеваніе земель владѣльцевъ, состоящихъ въ составѣ войскъ, приведенныхъ въ военное положеніе, не останавливается; но присемъ старшій членъ межевой канцеляріи и вторые члены межевыхъ конторъ, а въ губерніяхъ черниговской и полтавской члены межевыхъ палатъ исправляютъ должностъ опекуновъ означенныхъ лицъ (т. X ч. III зак. меж., свод. нѣх. 1857 г. ст. 357, по прод. 1863 г.). 10) Настоящій указъ публиковать повсемѣстно, и, впрямѣ того, поставить объ ономъ въ извѣстность, чрезъ военное министерство, чиновъ всѣхъ войскъ, въ военное положеніе приведенныхъ. Правительствующій сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе“.

4.

Объ усиленіи штатовъ судебныхъ установленій варшавскаго судебного округа. Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ юстиціи объ усиленіи штатовъ судебныхъ установленій варшавскаго судебного округа, *мнѣніемъ положила:*

I. Высочайше утвержденнаго, 19-го февраля 1875 года, штаты судебныхъ установленій варшавскаго судебного округа усилить съ 1-го января 1878 года: а) семнадцатью должностями товарищей прокурора (для округовъ: варшавскаго окружнаго суда—шесть, калишскаго, радомскаго, вѣлецкаго и ломжинскаго — по два въ

каждый, и пюцкаго, люблинскаго и петровскаго—по одному въ каждый), и б) семнадцатью должностями судебных слѣдователей (въ округѣ: варшавскаго окружнаго суда—семь, калинскаго, радомскаго и петровскаго—по два въ каждомъ, и кѣлецкаго, ломжинскаго, люблинскаго и пюцкаго—по одному въ каждомъ).

II. Потребный на содержаніе означенныхъ въ ст. I товарищей прокуроровъ и судебных слѣдователей расходъ, всего въ количествѣ *восемьдесятъ тысячъ трихсотъ* рублей въ годъ, вносить установленнымъ порядкомъ въ смѣты министерства юстиціи, начиная со смѣты на 1878 годъ.

Его Императорское Величество наложенное мнѣніе государственнаго совѣта, 19-го ноября сего года, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

5.

О порядкѣ прекращенія обязательныхъ отношеній между собственниками и владельцами поземельныхъ имуществъ въ городѣ Варшавѣ. Комитетъ по дѣламъ царства польскаго, въ засѣданіи 16-го ноября 1877 г., рассмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу о примѣненіи высочайшаго указа 28-го октября 1866 г. къ городу Варшавѣ, полагалъ: въ разрѣшеніе возбужденнаго вопроса постановить, что дѣйствіе высочайшаго указа 28-го октября 1866 г. объ упраздненіи вотчинныхъ отношеній въ городахъ царства польскаго на гор. Варшаву не распространяется; установившіяся же въ семь городѣ безсрочно-чиншевыя, эмфитевтическія и тому подобныхъ наименованій отношенія между собственниками и владельцами поземельныхъ имуществъ могутъ быть прекращаемы на основаніи установленныхъ, въ силу ст. 12 означеннаго указа, особыхъ правилъ 5-го февраля 1869 и 4-го іюня 1870 г. о выкупѣ безсрочныхъ чиншей и другихъ повинностей, лежащихъ на поземельныхъ имуществѣхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе указовъ 19-го февраля 1864 и 28-го октября 1866 г.

Государь Императоръ положеніе комитета высочайше соизволилъ утвердить.

6.

О подсудности дѣлъ по преступленіямъ должности телеграфныхъ чиновъ въ великомъ княжествѣ финляндскомъ и о порядкѣ

производства слѣдствій по сими дѣламъ. Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ юстиціи о подсудности дѣлъ по преступленіямъ должности телеграфныхъ чиновъ въ великомъ княжествѣ финляндскомъ и порядкѣ производства слѣдствій по сими дѣламъ, и соглашась съ заключеніемъ управлявшаго министерствомъ, *мнѣніемъ положилъ:* въ дополненіе подлежащихъ статей устава уголовнаго судопроизводства 20-го ноября 1864 года, постановить слѣдующее:

„Дѣла о преступленіяхъ должности, совершаемыхъ въ великомъ княжествѣ финляндскомъ чинами телеграфнаго вѣдомства, разсматриваются въ судебныхъ мѣстахъ с.-петербургскаго судебного округа (ст. 1,072 и 1,073 уст. угол. судопр.). Производство предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ сего рода (ст. 1,089) поручается, чрезъ подлежащаго губернатора, мѣстной полиціи великаго княжества финляндскаго, которая соблюдаетъ въ этомъ отношеніи установленныя мѣстными законами правила“.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе государственнаго совѣта, 20-го декабря 1877 года, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

В. Распоряженія правительства.

1.

По вопросу объ исключеніи изъ очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей лицъ немущихъ. Правительствующій сенатъ слушая: предложеніе оберъ-прокурора 1-го департамента правительствующаго сената за № 1160, коимъ, по порученію управлявшаго министерствомъ юстиціи, предлагается на разсмотрѣніе и законное постановленіе правительствующаго сената возникшій въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на практикѣ вопросъ о томъ: имѣютъ ли уѣздныя комиссіи, на которыхъ возложено закономъ составленіе очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, право исключать изъ этихъ списковъ лицъ, не имѣющихъ средствъ содержать себя во время сессій. Рассмотрѣвъ означенный вопросъ, правительствующій сенатъ нашелъ, что онъ разрѣшается прямымъ смысломъ подлежащихъ узаконеній. На осно-

ваши 83 ст. учр. суд. уст., для избранія присяжныхъ засѣдателей составляются общіе и очередные списки. Въ первые вносятся всѣ лица, удовлетворяющія условіямъ, опредѣленнымъ въ послѣдующихъ 81—88 ст. Въ очередные же списки вносятся только тѣ изъ выгнанныхъ въ общіе, которые въ продолженіе наступающаго года должны быть призываемы для участія въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ. Выборъ такихъ лицъ временная коммисія, по ст. 99 учр. суд. уст., производитъ по своему усмотрѣнію и по внимательномъ обсужденіи, въ какой мѣрѣ, каждое лицо изъ внесенныхъ въ общіе списки засѣдателей способно, по своимъ нравственнымъ качествамъ и другимъ причинамъ, извѣстнымъ коммисіи, къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя; причемъ жалобы на постановленія коммисіи по этому предмету не допускаются, исключая случая, указанного въ 106 ст. того же учр. Такъ какъ въ приложенной 99 ст. не указаны въ частности тѣ причины, на основаніи коихъ временныя коммисіи могутъ не включать въ очередные списки лицъ, удовлетворяющихъ необходимымъ для присяжнаго засѣдателя условіямъ, и, въ то же время, сказано, что выборъ такихъ лицъ производится окончательно по усмотрѣнію означенныхъ коммисій, то изъ этого слѣдуетъ прийти къ прямому заключенію, что временныя коммисіи вправѣ не включать въ очередные списки такихъ лицъ, которыя не имѣютъ средствъ содержать себя во время участія въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что подобная причина представляется не противорѣчающею общему началу, проведенному закономъ при опредѣленіи вообще правъ лицъ на внесеніе въ общіе списки присяжныхъ. Къ этому слѣдуетъ, впрочемъ, присовокупить, что временныя коммисіи въ своихъ распоряженіяхъ по сему предмету должны соблюдать крайнюю осмотрительность и сообразоваться съ мѣстными обстоятельствами. Вслѣдствіе сего правительствующій сенатъ опредѣляетъ: въ разрѣшеніе встрѣтавшихся недоразумѣній по изъясненному вопросу и въ предупрежденіе могущихъ возникнуть въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, дать знать о настрояннѣмъ разъясненіи губернаторамъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ введены судебныя уставы въ полномъ объемѣ, и припечатать въ установленномъ порядкѣ.

2.

По вопросу о призываніи къ лицамъ, командированнымъ окружными судами къ исполненію должности судебныхъ слѣдователей,

закона 9 (21-го) іюня 1873 года. Правительствующій сенатъ слушалъ рапортъ товарища министра финансовъ отъ 29-го іюля 1877 года за № 2.660-мъ, по вопросу о примѣненіи къ лицамъ, командируемымъ окружными судами къ исправленію должности судебныхъ слѣдователей, закона 9-го (21-го) іюня 1873 года, относительно сбора съ получаемаго на службѣ содержанія при увеличеніи оного. Въ означенномъ рапортѣ своимъ правительствующему сенату товарищъ министра финансовъ объяснилъ, что при примѣненіи высочайше утвержденного, 9-го іюня 1873 года, мѣнія государственнаго совѣта о сборѣ съ содержанія при увеличеніи оного и при поступленіи на государственную службу возбужденъ вопросъ о томъ, подлежатъ ли вычету изъ содержанія лица, командируемыя окружными судами къ исправленію должности судебныхъ слѣдователей. По вышеизложенному вопросу министерство финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролемъ и министерствомъ юстиціи, нашло, что назначеніе окружными судами лицъ къ исправленію должности судебныхъ слѣдователей должно считаться временною командировкою, потому что подобныя назначенія дѣлаются въ большинствѣ случаевъ изъ среды состоящихъ при окружныхъ судахъ или прокурорахъ кандидатовъ на судебныя должности и лишь при временномъ отсутствіи (не болѣзни или увольненіи въ отпускъ) лицъ, занимающихъ означенныя должности, а потому лица, командируемыя къ временному исправленію должности судебныхъ слѣдователей, хотя бы и получали во время командировки содержаніе по означенной должности, за силою п. 3 и 8 ст. 1 закона 9-го іюня 1873 г., не подлежатъ установленному симъ закономъ вычету. О вышеизложенномъ товарищъ министра финансовъ, на основаніи 52 ст. т. I осн. зак., представилъ правительствующему сенату для разъясненія означеннаго вопроса, въ видахъ единообразнаго примѣненія закона 9-го іюня 1873 года о сборѣ при увеличеніи содержанія состоящихъ въ государственной службѣ лицамъ. Признавая послѣдовавшее по сему вопросу со стороны министерства финансовъ разъясненіе совершенно согласнымъ съ 3 и 8 п. закона 9-го (21-го) іюня 1873 г., правительствующій сенатъ, руководствуясь 52 ст. I т. основ. зак., опредѣлилъ: о таковомъ разъясненіи, для единообразнаго примѣненія приведеннаго закона всѣми мѣстами и лицами, напечатать въ установленномъ порядкѣ въ „собраніи узаконеній и распоряженій правительства“.

3.

Циркуляръ министра юстиціи предсѣдателямъ сѣздовъ мировыхъ судей (декабря 21-го дня 1877 года, № 22,946) о зачисленіи въ недоимку денежныхъ взысканій, наложенныхъ въ пользу казны судебными установленіями. Министръ финансовъ увѣдомилъ меня, что несообщеніе казеннымъ палатамъ или несвоевременное увѣдомленіе ихъ нѣкоторыми общими и мировыми судебными учрежденіями о зачисленіи въ недоимку наложенныхъ ими учрежденіями въ пользу казны штрафовъ, пошлинъ и другихъ сборовъ, по неизвѣстности палатамъ о таковыхъ взысканіяхъ и по непринятію, вслѣдствіе того, мѣръ къ пополненію ихъ, нерѣдко имѣетъ своимъ послѣдствіемъ безнадѣжность къ поступленію части оныхъ.

Принимая во вниманіе, что согласно ст. 1,043 т. II ч. 1 общ. губ. учр. (по прод. 1863 и 1868 годовъ), наблюденіе за своевременнымъ и правильнымъ поступленіемъ всѣхъ слѣдующихъ въ пользу казны платежей и сборовъ возложено на казенныя палаты, и что судебныя установленія лишены возможности соблюдать предписанный счетнымъ уставомъ порядокъ сложенія со счетовъ казенныхъ недоимокъ,—я, по соглашенію съ министромъ финансовъ, нахожу, что судебныя учрежденія, при наложеніи штрафовъ, пошлинъ и иныхъ сборовъ въ пользу казны, должны, одновременно съ симъ, увѣдомлять о томъ надлежащія казенныя палаты для зачисленія упомянутыхъ денежныхъ суммъ въ недоимку, независимо отъ доставленія симъ палатамъ срочныхъ по означенному предмету свѣдѣній, согласно циркулярному указу общаго собранія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената отъ 4-го ноября 1875 года.

Такіе же циркуляры: предсѣдателямъ и прокурорамъ окружныхъ судовъ.

4.

Циркуляръ министра юстиціи губернаторамъ (30-го ноября 1877 года № 21,707). Изъ имѣющагося въ министерствѣ юстиціи свѣдѣній видно, что крайне неравномѣрный призывъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей преподавателей учебныхъ заведеній нерѣдко ставитъ послѣднія въ весьма затруднительное положеніе и неоднократно вызывалъ со стороны учебнаго

вѣдомства ходатайство о назначеніи учителей присяжными засѣдателями не въ одну сессію и не по нѣсколько человѣкъ за разъ, для того, чтобы въ одно и тоже время они не были отвлекаемы отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей.

Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе: 1) что одновременный призывъ къ исполненію указанныхъ выше обязанностей значительнаго числа преподавателей, — иногда до одной трети всего числа ихъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, — не можетъ не отразиться вреднымъ образомъ на ходѣ преподаванія; 2) что, на основаніи 89 и 97 ст. учрежд. суд. установленій, составленіе какъ общихъ, такъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей возложено на временныя комиссіи, назначаемыя для сей дѣли ежегодно уѣздными земскими собраніями, а въ столицахъ соединенными засѣданіями общинъ городскихъ думъ и мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить означеннымъ комиссіямъ о принятіи надлежащихъ мѣръ къ болѣе правильному и равномерному призыву преподавателей къ исполненію обязанностей присяжныхъ.

5.

Циркуляръ министра юстиціи председателямъ служебныхъ судовъ (30-го ноября 1877 года № 21,706). Изъ имѣющихся въ министерствѣ юстиціи свѣдѣній видно, что крайне неравномѣрный призывъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей преподавателей учебныхъ заведеній нерѣдко ставитъ послѣдніе въ весьма затруднительное положеніе и неоднократно вызываетъ со стороны учебнаго вѣдомства ходатайство о назначеніи учителей присяжными засѣдателями не въ одну сессію и не по нѣсколько человѣкъ за разъ, для того, чтобы въ одно и то же время они не были отвлекаемы отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей.

Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что одновременное отвлеченіе значительнаго числа преподавателей къ исполненію указанныхъ выше обязанностей, — иногда до одной трети всего числа ихъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, — не можетъ не отразиться вреднымъ образомъ на ходѣ преподаванія, и просить всѣхъ губернаторовъ предложить временнымъ комиссіямъ, составляющимъ списки присяжныхъ засѣдателей, о принятіи над-

лежащихъ мѣръ къ болѣе равномѣрному призыву преподавателей къ исполненію обязанностей присяжныхъ.

Сообщая объ этомъ вашему превосходительству, для свѣдѣнія, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, нахожу, что, независимо отъ упомянутыхъ мѣръ, неудобства, представляющіяся для учебнаго вѣдомства, могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ устранены расторженіями самихъ судебныхъ мѣстъ и ихъ предсѣдателей, на основаніи ст. 108 учр. суд. уст. и 650 уст. угол. судопр., а именно перенесеніемъ очереди присяжнаго засѣдателя, по его просьбѣ, изъ одной четверти года въ другую или даже увольненіемъ его отъ исполненія сказанной обязанности въ случаѣ возмощенія на него особыхъ по службѣ порученій, удостовѣренныхъ свидѣтельствомъ о семъ учебнаго начальства. Поэтому обращаюсь къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою оказать возможное, съ вашей стороны, содѣйствіе, въ предѣлахъ предоставленной вамъ власти, къ устраненію упомянутыхъ затрудненій, происходящихъ отъ одновременнаго призыва въ судъ нѣсколькихъ преподавателей одного и того же учебнаго заведенія въ качествѣ присяжныхъ.

ОТДѢЛЪ II.

Личный составъ.

А. Награды.

1-го января Всемилостивѣйше пожаловано: *Св. благовѣрнаго князя Александра Невского*—сенатору тайному совѣтнику Петерсу. *Св. равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени*: сенаторамъ, тайнымъ совѣтникамъ: Давыдовскому, Семенову, Пребстину, Шульцу, барону Штапельбергу и Половцову. *Св. Анны 1-й степени*—сенатору, тайному совѣтнику Татлинскому. **ПРОИЗВЕДЕНЪ за отличіе въ дѣйствительные тайные совѣтники**, сенаторъ, тайный совѣтникъ Ремеръ.

5-го января: **ПРОИЗВЕДЕННЫ за отличіе**: въ тайные совѣтники: предсѣдатель департамента московской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Люминарскій; въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: предсѣдатель пензенскаго окружнаго суда Мисофидовъ и членъ московской судебной палаты Михлеръ; за усилу и отличіе: въ дѣйст-

вытисленные статские советники: членъ московской судебной палаты, коллежскій совѣтникъ Березниковъ; председатель симбирскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Крейтеръ; коллежскіе ассессоры: членъ московской судебной палаты Глазгоу и товарищъ председателя московскаго окружнаго суда Сумбулъ и председатель кашинскаго окружнаго суда, губернской секретарь Головинъ; *за отличие, въ статские советники:* председатель рыбинскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ Томсенъ; *за выслугу лѣтъ и отличие, въ статские советники:* судебный слѣдователь по важѣйшимъ дѣламъ въ округѣ новгородскаго окружнаго суда, коллежскій ассессоръ Дюковъ; титулярные совѣтники: членъ харьковской судебной палаты Филевскій и товарищъ председателя псковскаго окружнаго суда Буликовъ; товарищъ председателя полтавскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Филипповъ и товарищъ прокурора варшавскаго окружнаго суда, кандидатъ императорскаго с.-петербургскаго университета Помяловскій; *въ коллежскіе советники:* коллежскіе секретари: членъ саратовской судебной палаты Третьяковскій и товарищъ председателя с.-петербургскаго окружнаго суда Пухановъ; *въ надворные советники:* товарищъ председателя курскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Евреиновъ и членъ вѣжинскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь баронъ Ропшъ. Государь Императоръ ОБЪЯВЛЯЕТЪ Монаршее благоволеніе товарищу оберъ-прокурора уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената, коллежскому совѣтнику Де-Росси; состоящему за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената и исправляющему должность юрисконсульта консултации, при министерствѣ юстиціи учрежденной, коллежскому ассессору Булгакову; редакторамъ департамента министерства юстиціи: коллежскому совѣтнику Щителескому, надворнымъ совѣтникамъ: Яфѣ и графу Толю и титулярному совѣтнику Масляникову и секретарю канцеляріи министерства юстиціи, коллежскому ассессору, Шамраю—за отлично-усердную службу и примѣрное исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей. Государь Императоръ объявляетъ высочайшее благоволеніе товарищу председателя полтавскаго окружнаго суда Тонину и членамъ того суда: Дуначарскому, Зелескому, Оникшо и Шостаку—за быстрое и усѣбное во всѣхъ отношеніяхъ веденіе дѣлъ и особо полезную ихъ дѣятельность.

18-го января: ПРОИЗВЕДЕНЫ, *за отличие* изъ статскихъ въ действительные статскіе советники: товарищъ прокурора казанской судебной палаты, въ званіи камеръ-юнкера, Кавемъ-Векъ; состояще за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 1-мъ департаментѣ: Розенпильтъ-Паулинъ и сверхъ компетента исправляющій должность оберъ-секретаря въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи Ратьковъ-Рожновъ и председатели палатъ уголовнаго и гражданскаго суда: ковенской—баронъ Клейотъ и могилевской—Врюхачевъ; изъ коллежскихъ въ статскіе советники: исправляющій должность прокурора казанской судебной палаты Гончаровъ; исправляющій должность оберъ-прокурора 2-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената Рейтернъ; товарищъ прокурора одесской судебной палаты Непорожневъ и товарищъ прокурора кишиневскаго окружнаго суда Куликовскій; изъ надворныхъ въ коллежскіе советники: исправ-

люющій должность юрисконсульта консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, и управляющій отдѣленіемъ департамента сего министерства Дюксъ; товарищъ предсѣдателя волынской палаты уголовного и гражданского суда Давыдовъ; товарищъ прокурора херсонскаго окружнаго суда Мерзляковъ и редакторъ департамента министерства юстиціи Поликовъ со старшинствомъ: Дюксъ—съ 8-го ноября, Давыдовъ—съ 21-го сентября, Мерзляковъ—съ 16-го октября и Поликовъ—съ 7-го октября 1877 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники оберъ-секретарь уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената Вѣловъ, товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ: винническаго—Лабунченко и черниговскаго—Филипповъ и старшій секретарь 1-го отдѣленія 6-го департамента правительствующаго сената Рыбалтовскій, со старшинствомъ: Вѣловъ—съ 17-го октября, Лабунченко—съ 12-го іюля, Филипповъ—съ 3-го іюня, а Рыбалтовскій—съ 25-го іюля 1877 г.

1-го февраля ПРОИЗВЕДЕНЪ *за отличіе*, изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники, прокуроръ херсонскаго окружнаго суда Волковъ, съ 28-го января 1878 года.

Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію министра юстиціи обь отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ нижепоименованныхъ лицъ вѣдомства министерства юстиціи, согласно удостоенію комитета министровъ, всеимпериальнѣе соизволилъ, 18-го минувшаго января, пожаловать ордена: *Св. Анны 3-й степени*: коллежскимъ совѣтникамъ: прокурору вятскаго окружнаго суда Сениавину; товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ: с.-петербургскаго — Жуковскому, тульскаго — Любонидскому, и полтавскаго — Хрулеву; надворнымъ совѣтникамъ: прокурорамъ окружныхъ судовъ: псковскаго—Вильямсону, и одесскаго—Смирнову; товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ: с.-петербургскаго—Жижиленко, и новгородскаго—Покровскому; коллежскимъ ассессорамъ: прокурору острожскаго окружнаго суда—Онопко; товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ: псковскаго — Петрову и тамбовскаго—Ворткевичу.

Св. Станислава 2-й степени: надворнымъ совѣтникамъ: товарищу прокурора казанской судебной палаты—Карновичу; прокурору саратовскаго окружнаго суда — Дмитріеву; исправляющему должность предсѣдателя уфимской палаты уголовного и гражданского суда—Якимовичу; товарищу прокурора московскаго окружнаго суда—Герике; коллежскимъ ассессорамъ: прокурорамъ окружныхъ судовъ: харьковскаго — Башкирову, и вѣннскаго—Роговичу. *Св. Станислава 3-й степени*: надворнымъ совѣтникамъ: товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ: бѣлозерскаго—Головинскому, владимірскаго—Есбылкину, нижегородскаго — Львову, кашинскаго—Вѣлову, тульскаго—Бряхову, вологодскаго—Круковскому, новочеркаскаго—Строгонову и Вѣлосорову, пензенскаго—Лякубу, и полтавскаго—Трухановичу—Ходановичу; коллежскимъ ассессорамъ: товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ: петроковскаго — Чаплину, кѣмпецкаго—Постовскому, саратовскаго—Покровскому и Гофману, усть-медвѣдцкаго—Часовникову, лубенскаго—Левашеву, елецкаго—Вагтовуту, орловскаго—Деменко, вологодскаго—Каржавину, костромскаго—Лебедеву, смоленскаго — Шварц-

пильгу и Крафту, рыбинскаго—Игнатьеву, Ярославскаго — Богомоловскому, ржевскаго—Лебедеву, тверскаго—Иванову, рязанскаго—Колонтаеву и Шленко, нижегородскаго—Беленецкому, владимирскаго—Контеву, московскаго—Фуксу, и устюжскаго—Ирену, титулярнымъ совѣтникамъ: товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ: петрововскаго — Гонзаго-Павличенскому, саранульскаго—Мѣданикову, кѣлецкаго — Амалищеву, варшавскаго—Римскому-Нордскому и Манасенику, одесскаго—Добрининскому и орловскаго—Иогансону; губернскимъ секретарямъ: товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ: сидѣцкаго—Кубитовичу, радомскаго—Рѣшникову и изюмскаго—Дубинскому.

Измѣненія въ личномъ составѣ.

Именнымъ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 15 декабря: НАЗНАЧЕНЫ: первоприсутствующій въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ и общемъ собраніи кассационныхъ департаментовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Черноглазовъ—первоприсутствующимъ общимъ собраніи: кассационныхъ департаментовъ, и перваго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената; дѣйствительные статскіе совѣтники: обер-прокуроры правительствующаго сената: межеваго департамента—Савоневъ, 1-го отдѣленія 2-го департамента — баронъ Штапельбергъ, прокуроры судебныхъ палатъ: с.-петербургской — Фуксъ, харьковской — Цисаревъ, казанской — Гуляевичъ, и саратовской — Жихаревъ — къ присутствію въ правительствующемъ сенатѣ, съ производствомъ въ тайные совѣтники; прокуроръ московской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Манасеникъ — директоромъ департамента министерства юстиціи, съ производствомъ въ тайные совѣтники; председатели окружныхъ судовъ: с.-петербургскаго, въ званіи камергера высочайшаго двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ломухинъ, и югласкаго — статскій совѣтникъ Мечниковъ—прокурорамъ судебныхъ палатъ: Ломухинъ — с.-петербургской, съ оставленіемъ въ придворномъ званіи, а Мечниковъ — харьковской, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; управляющій канцеляріею министерства юстиціи, коллежскій совѣтникъ графъ Кашицкій, председатель орловскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ князь Сонцовъ-Засѣкинъ и председатель кievской соединенной палаты уголовного и гражданскаго суда, коллежскій совѣтникъ Гончаровъ — исправляющими должности прокуроровъ судебныхъ палатъ: графъ Кашицкій—московской, съ производствомъ въ статскіе совѣтники, князь Сонцовъ-Засѣкинъ — саратовской, а Гончаровъ — казанской; инспекторъ воспитанниковъ императорскаго училища правовѣдѣнія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аллопеусъ—директоромъ сего училища.

18-го декабря 1877 года НАЗНАЧЕНЫ: членъ консулѣціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительный статскій совѣтникъ, баронъ

Гоинингенъ-Гюне; старшій предсѣдатель казанской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Орловъ; старшій предсѣдатель харьковской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ланге; предсѣдатель департамента московской судебной палаты дѣйствительный статскій совѣтникъ Ивоньскій; предсѣдатель департамента харьковской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Приицъ; предсѣдатель департамента казанской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильиненко; предсѣдатель московскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дежеръ, предсѣдатель смоленскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ароеньевъ; членъ с.-петербургской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Маркевичъ,—присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, съ производствомъ въ тайные совѣтники.

24-го декабря 1877 года: НАЗНАЧЕНЫ: товарищъ оберъ-прокурора святѣйнаго синода, тайный совѣтникъ Толстой и статсъ-секретарь государственнаго совѣта, тайный совѣтникъ Есиковичъ — къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ, изъ нихъ—Толстой съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, а Есиковичъ—съ 18-го декабря 1877 года;—присовѣщать консулѣтціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ирановъ — оберъ-прокуроромъ межеваго департамента правительствующаго сената; чиновникъ особыхъ порученій 4 класса при министрѣ юстиціи, коллежскій совѣтникъ Слѣпковский — исправляющимъ должность оберъ-прокурора 2-го отдѣленія 3-го департамента правительствующаго сената, съ производствомъ въ статскіе совѣтники; предсѣдатель екатеринославскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ Веселовскій и товарищъ прокурора московской судебной палаты, статскій совѣтникъ Постельниковъ—предсѣдателями департаментовъ судебныхъ палатъ: Веселовскій—харьковской, а Постельниковъ — московской, съ производствомъ обоихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; предсѣдатель елисаветградскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ Аристовъ; введиректоръ департамента министерства юстиціи, коллежскій совѣтникъ Кони; товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лавровъ, и прокуроръ орловскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ Фененко—предсѣдателями окружныхъ судовъ: Аристовъ—одесскаго, Кони—с.-петербургскаго, съ производствомъ въ статскіе совѣтники, Лавровъ—московскаго, а Фененко—орловскаго.

12-го января НАЗНАЧЕНЫ: севаторъ, тайный совѣтникъ Ковалевскій—первоприсутствующимъ уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената.

Приказомъ по министерству юстиціи отъ 21-го ноября: УМЕРШИЙ исключенъ изъ списковъ, членъ казанской судебной палаты Елагинъ.

29-го ноября: ПРИЧИСЛЕНЪ къ министерству: бывшій членъ пензенскаго окружнаго суда Обловъ, съ 23-го октября 1877 года.

15-го декабря НАЗНАЧЕНЫ: состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената, въ званіи камеръ-юнкера высочайшаго двора, статскій совѣтникъ баронъ Борфъ — управляющимъ канцелярією министерства юстиціи, съ производствомъ въ дѣй-

статские советники; товарищ прокурора одесской судебной палаты, коллежский советник Денпъ—товарищем оберъ-прокурора общаго собранія и соединеннаго присутствія кассационныхъ департаментовъ и 1-го департамента правительствующаго сената; товарищи председателей с.-петербургскаго окружнаго суда: дѣйствительный статскій советникъ Грумъ-Гржимайло и коллежскій советникъ графъ Тизенгаузенъ; состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 4-мъ департаментѣ правительствующаго сената, сверхъ комплекта, въ званіи камеръ-юнкера высочайшаго двора, коллежскій советникъ Карницкій и членъ одесской судебной палаты, титулярный советникъ Александровъ—товарищами оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената, съ оставленіемъ Карницкаго въ придворномъ званіи; товарищи председателей окружныхъ судовъ: с.-петербургскаго—дѣйствительный статскій советникъ Якоби и владимірскаго — дѣйствительный статскій советникъ Арцимовичъ и товарищ прокурора харьковской судебной палаты, надворный советникъ Гинпиусъ — товарищами оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената; воспитатель императорскаго училища правовѣдѣнія, статскій советникъ Шульцъ—инспекторомъ воспитанниковъ того же училища; состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, исправляющій должность судебного слѣдователя валковского уѣзда, округа харьковскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Высоковичъ—товарищемъ прокурора стародубскаго окружнаго суда.

24-го декабря НАЗНАЧЕНЫ: юрисконсультъ консулѳаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительный статскій советникъ Венкендорфъ—вице-директоромъ департамента министерства юстиціи, съ 22-го декабря 1877 года; прокуроръ с.-петербургскаго окружнаго суда, коллежскій советникъ Валадинъ — товарищемъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената, съ 22-го декабря 1877 года; председатели палатъ уголовного и гражданскаго суда: подольской—статскій советникъ Безъ-Карниловичъ; волынской—коллежскій ассессоръ Неклюдовъ, и членъ воронежскаго окружнаго суда Студенцовъ—членами судебныхъ палатъ: Безъ-Карниловичъ—одесской, а Неклюдовъ и Студенцовъ—харьковской, съ 22-го декабря 1877 года; члены окружныхъ судовъ: с.-петербургскаго: графъ Гейденъ, Крестьяновъ и баронъ Бистромъ; владимірскаго—Ненарковъ; московскаго: Киселевъ и Бѣлюстинъ, и товарищъ-прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, коллежскій советникъ Случевскій—товарищами председателей окружныхъ судовъ: графъ Гейденъ, Крестьяновъ, баронъ Бистромъ и Случевскій—с.-петербургскаго, Ненарковъ—владимірскаго, Киселевъ—саранпульскаго, а Бѣлюстинъ—тверскаго, съ 22-го декабря 1877 года; товарищъ прокурора московскаго окружнаго суда, коллежскій ассессоръ Муравьевъ—прокуроромъ ярославскаго окружнаго суда, съ 22 декабря 1877 года; состоящій при министерствѣ юстиціи, коллежскій советникъ Корсаковъ; товарищъ волынскаго губернскаго прокурора, коллежскій ассессоръ Верезовскій, членъ ковенской палаты уголовного и гражданскаго суда, коллежскій ассессоръ Денгеймъ; состоящій при департаментѣ министерства юстиціи и исправляющій должность судебного слѣдователя 1-го участка города Таганрога, округа таганрогскаго окружнаго суда,

коллежскій секретарь Зеленой; почетный мировой судья мокшанскаго уѣзда, пензенской губерніи, Зачинскій; оставшіяся за штатомъ, бывшій прокуроръ варшавскаго гражданскаго трибунала Мазуркевичъ, и секретарь варшавской судебной палаты, титулярный совѣтникъ Рейнке—членами окружныхъ судовъ: тверскаго — Березовскій, вострогскаго — Денгеймъ, Берскаго — полтавскаго, Зеленой — херсонскаго, Зачинскій — пензенскаго, а Мазуркевичъ и Рейнке — варшавскаго, съ 22-го декабря 1877 года. ПЕРЕВЕДЕНЫ: товарищъ прокурора харьковской судебной палаты, коллежскій секретарь Ковалевскій—товарищемъ прокурора московской судебной палаты; прокуроръ пензенскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Обатуровъ—прокуроромъ с.-петербургскаго окружнаго суда, и членъ лубенскаго окружнаго суда Агджимовъ — членомъ полтавскаго окружнаго суда, съ 22-го декабря 1877 года. УВОЛЕНЫ: *согласно промежутокъ*: членъ консултанціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, и исполняющій обязанности товарища оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената, статскій совѣтникъ Роде—отъ исполненія обязанностей товарища оберъ-прокурора, съ оставленіемъ членомъ консултанціи при министерствѣ юстиціи учрежденной; *отъ службы*, по болѣзни, членъ варшавскаго окружнаго суда Отахурскій, съ 22-го декабря 1877 года.

— 29-го декабря 1877 года НАЗНАЧЕНЫ: дѣйствительные статскіе совѣтники председатели окружныхъ судовъ: ярославскаго—Окуловъ и пермскаго—Лебедевъ, первый—старшимъ председателемъ, а второй—председателемъ департамента казанской судебной палаты; членъ сибирскаго окружнаго суда Орловъ—членомъ казанской судебной палаты; товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Платоновъ—товарищемъ прокурора одесской судебной палаты. УТВЕРЖДЕНЪ *по выборамъ*, старшій по избранію купеческаго общества кандидатъ, состоящій при департаментѣ министерства юстиціи и командированный въ с.-петербургскій коммерческій судъ, для участія въ разрѣшеніи дѣлъ на правахъ члена, надворный совѣтникъ Гувидъ—товарищемъ председателя означеннаго суда на шесть лѣтъ, съ 14-го декабря 1877 года. УМЕРШІЙ *пожелаетъ изъ списковъ*, председатель департамента казанской судебной палаты, тайный совѣтникъ Лазаревъ.

12-го января НАЗНАЧЕНЫ: председатели окружныхъ судовъ: радомскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Христіановичъ; петровскаго въ званіи камеръ-юнкера высочайшаго двора, статскій совѣтникъ Веселкинъ, и прокуроръ варшавскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Лопухинъ—председателями окружныхъ судовъ: Христіановичъ—полтавскаго, Веселкинъ—омоложенскаго, съ производствомъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*, а Лопухинъ—ярославскаго; состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента правительствующаго сената, сверхъ комплекта, и исправляющій должность оберъ-секретаря того же департамента, коллежскій совѣтникъ Дорогинъ и прокуроръ одесскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Омировъ, первый—членомъ, а второй—товарищемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты; состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента правительствующаго сената, сверхъ комплекта, и исправляющій

должность минскаго губернскаго прокурора, надворный совѣтникъ Стремоуховъ, и подольскій губернский прокуроръ, коллежскій совѣтникъ Крестяновъ—товарищами прокурора харьковской судебной палаты; члены окружныхъ судовъ: пензенскаго—титularный совѣтникъ Сабуровъ и орловскаго—надворный совѣтникъ Ижовъ—предсѣдателями палатъ уголовного и гражданскаго суда: первый—киевской, а второй—подольской; членъ московскаго окружнаго суда Перфиловъ—товарищемъ предсѣдателя того же суда; секретарь московской судебной палаты, надворный совѣтникъ Протопоповъ, и состоящій при министерствѣ юстиціи, коллежскій секретарь Вукановъ, первый—членомъ, а второй—старшимъ нотаріусомъ московскаго окружнаго суда; состоящій при департаментѣ министерства юстиціи и командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 1-го участка гор. С.-Петербурга, округа с.-петербургскаго окружнаго суда, коллежскій ассессоръ Ивановичъ, и состоящій при министерствѣ юстиціи, губернский секретарь Рыдинъ, первый—членомъ, а второй—старшимъ нотаріусомъ с.-петербургскаго окружнаго суда; членъ кievской палаты уголовного и гражданскаго суда, коллежскій совѣтникъ Лукомскій; товарищ могилевскаго губернскаго прокурора, надворный совѣтникъ Сидорскій; участковый мировой судья и предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей тетюшскаго уѣзда, казанской губерніи, Горемыкинъ; участковый мировой судья гродненскаго мирового округа Петропавловскій; состоящій при департаментѣ министерства юстиціи и командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ въ округѣ пермскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Самофаловъ, и товарищ прокурора екатеринбургскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Львовъ—членами окружныхъ судовъ: Лукомскій—дубенскаго, Сидорскій—воронежскаго, Горемыкинъ и Петропавловскій—казанскаго, Самофаловъ и Львовъ—екатеринбургскаго; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ въ окружные суды: варшавскій—титularный совѣтникъ Штенгеръ, острожскій—коллежскій секретарь Григорашъ, и сумскій—титularный совѣтникъ Толкачъ—судебными слѣдователями при тѣхъ же окружныхъ судахъ. ПЕРЕВЕДЕННЫ: члены окружныхъ судовъ: псковскаго—Игнатьевъ и одесскаго—Лажечниковъ—членами окружныхъ судовъ: Игнатьевъ—с.-петербургскаго, а Лажечниковъ—московскаго. УВОЛЕНЪ, *согласно прошенію, отъ должности членъ подольскаго окружнаго суда* Говдаво-Голомбевскій, по случаю причисленія къ министерству юстиціи.

19-го минувшаго января, НАЗНАЧЕННЫ: товарищ прокурора варшавской судебной палаты, надворный совѣтникъ Варваринъ, и прокуроръ тульскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ Шепелевъ, предсѣдателями окружныхъ судовъ: Варваринъ—петровскаго, а Шепелевъ—екатеринславскаго; товарищ прокурора тульскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ Любимидскій—товарищемъ предсѣдателя казанскаго окружнаго суда; наловскій, воронежской губерніи, уѣздный предводитель дворянства и почетный мировой судья наловскаго мирового округа Горяиновъ—членомъ с.-петербургскаго окружнаго суда. ПЕРЕВЕДЕННЫ: надворные совѣтники, прокуроры окружныхъ судовъ: валидскаго—Марковъ и сум-

скаго—Буктамовъ, прокурорами окружныхъ судовъ: первый—варшавскаго, а второй—орловскаго.

20-го января по губернскимъ учреждениямъ **НАЗНАЧЕНЫ**: оберъ-секретарь 4-го департамента правительствующаго сената, коллежскій ассессоръ Гивекти — председателемъ волынской палаты уголовного и гражданскаго суда; редакторъ канцеляріи министерства юстиціи, въ званіи камеръ-юнкера, титулярный совѣтникъ графъ Барановъ; столоначальникъ департамента министерства юстиціи, въ званіи камеръ-юнкера, губернской секретарь графъ Несельроде; товарищи губернскихъ прокуроровъ: подольскаго—коллежскій ассессоръ Камышанскій и кіевскаго — коллежскій секретарь Богдановичъ; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и исправляющіе должности судебныхъ слѣдователей: по особо важнымъ дѣламъ, въ округѣ петроковскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Бекетовъ и въ округѣ суwalkскаго окружнаго суда, губернский секретарь Потеруха; города Радомъ по особо важнымъ дѣламъ, округа радомскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Вехтерштейнъ; сандомирскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Красовскій и 1-го участка ворховскаго уѣзда, округа псковскаго окружнаго суда, коллежскій ассессоръ Сидоровъ; исправляющій должность временнаго судебного слѣдователя по ковенской губерніи, титулярный совѣтникъ Чановъ; оставшіеся за штатомъ, бывшій секретарь 2-го департамента правительствующаго сената, коллежскій ассессоръ Жандръ; помощникъ секретаря одесской судебной палаты, студентъ лицей князя Безбородко Кульчицкій; и кандидаты на судебныя должности при прокурорѣ варшавской судебной палаты: коллежскій ассессоръ Янкуліо и губернский секретарь Богдзевичъ—товарищами прокуроровъ окружныхъ судовъ: графъ Барановъ — московскаго, графъ Несельроде—с.-петербургскаго, Камышанскій, Богдановичъ, Жандръ и Янкуліо—варшавскаго, Бекетовъ — петроковскаго, Потеруха — калишскаго, Вехтерштейнъ и Кульчицкій — радомскаго, Красовскій — люблинскаго, Сидоровъ и Богдзевичъ—кѣлецкаго, а Чановъ—ломжинскаго. **ПЕРЕВЕДЕНЫ**: товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ: варшавскаго — князь Урусовъ, нѣжинскаго—коллежскій ассессоръ Жедринскій, симбирскаго—коллежскій ассессоръ Князевъ, самарскаго—титулярный совѣтникъ Горбуновъ, курскаго—титулярный совѣтникъ Штранге, таганрогскаго — губернский секретарь Гавриленко и владимірскаго—титулярный совѣтникъ Мясново—товарищами прокуроровъ окружныхъ судовъ: князь Урусовъ — с.-петербургскаго, Жедринскій и Князевъ — варшавскаго, Горбуновъ — казанскаго, Штранге — таганрогскаго, Гавриленко — курскаго, а Мясново — калишскаго. **ОПРЕДѢЛЕНЪ** *въ службу* присяжный повѣренный округа варшавской судебной палаты, кандидатъ императорскаго варшавскаго университета Кроненбергъ—юварщикомъ прокурора петроковскаго окружнаго суда.

22-го января **ПРИЧИСЛЕНЪ** *въ министерству*: товарищъ прокурора пензенскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Гейдатель.

26-го января **НАЗНАЧЕНЫ**: председатель костромскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ридманъ — председателемъ департамента казанской судебной палаты; товарищъ прокурора пензенскаго окружнаго суда, коллежскій ассессоръ Онгирскій—прокуроромъ сумскаго

окружного суда; старшій секретарь 2-го отдѣленія 3-го департамента правительствующаго сената, надворный совѣтникъ Мининъ—членомъ московскаго окружнаго суда. ПЕРЕВЕДЕННЫ: прокуроры окружныхъ судовъ: влоцкаго — коллежскій ассессоръ Давыдовъ и сувальскаго — надворный совѣтникъ Турау—прокурорами окружныхъ судовъ: первый—тульскаго, а второй — калишскаго; членъ сибирскаго окружнаго суда Диллонъ — членомъ казанскаго окружнаго суда.

1-го февраля НАЗНАЧЕННЫ: товарищъ прокурора саратовской судебной палаты, коллежскій совѣтникъ Негребецкій—предсѣдателемъ востронскаго окружнаго суда; товарищъ предсѣдателя одесскаго окружнаго суда Борейша — членомъ одесской судебной палаты; члены окружныхъ судовъ: московскаго — Лашечниковъ и владимирскаго — Шахурскій, товарищами предсѣдателей окружныхъ судовъ: первый—одесскаго, а второй—екатеринбургскаго; прокуроръ новочеркасскаго окружнаго суда, коллежскій ассессоръ Тимофѣевскій—товарищемъ прокурора саратовской судебной палаты; товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ: нижегородскаго—надворный совѣтникъ Львовъ, воронежскаго — коллежскій ассессоръ Москалевъ и ярославскаго—коллежскій ассессоръ Пушкинъ—прокурорами окружныхъ судовъ: Львовъ — новочеркасскаго, Москалевъ — пензенскаго и Пушкинъ — сувальскаго; надворные совѣтники: товарищъ предсѣдателя гражданскаго суда Осомовъ, товарищъ прокурора сибирскаго окружнаго суда Побѣдашъ и старшій секретарь 1-го отдѣленія 3-го департамента правительствующаго сената Домбровский — членами окружныхъ судовъ: Осомовъ — владимирскаго, Побѣдашъ — сибирскаго, а Домбровский — пензенскаго.

О проектѣ правилъ гражданскаго судопроизводства для мировыхъ судебныхъ учрежденийъ прибалтійскаго края.

Читателямъ «Журнала Гражд. и Уголовн. Права» извѣстно уже, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ предполагается ввести почти безъ измѣненій «учрежденіе судебныхъ установленій», въ чемъ оно касается мировыхъ судей и ихъ сѣздовъ, а также общія положенія и первую книгу уст. угол. судопр., т. е. тѣ части этого устава, которыми опредѣляется порядокъ производства дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Что же касается судопроизводства гражданскаго, то въ этомъ отношеніи общій уставъ признанъ для остзейскаго края совершенно непригоднымъ. Предполагается замѣнить этотъ уставъ пока особыми «правилами гражданскаго судопроизводства для мировыхъ учрежденийъ прибалтійскаго края», а затѣмъ особымъ же уставомъ для этого края.

Проектъ названныхъ сейчасъ «правилъ», принадлежащій въ окончательной редакціи министерству юстиціи, представляетъ значительный, чисто практическій интересъ, и притомъ не только для мѣстныхъ жителей, но — какъ мы объяснимъ въ своемъ мѣстѣ—и для жителей имперіи вообще. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ, по возможности подробно, познакомить читателей «Журнала» съ содержаніемъ какъ самаго проекта, такъ

и объяснительной къ нему записки, и высказать нѣсколько замѣчаній на этотъ проектъ. Мы не имѣемъ, разумѣется, никакой претензіи полагать при этомъ, что наши личные замѣчанія могутъ въ какой бы то ни было мѣрѣ повліять на дальнѣйшую судьбу проекта, и цѣль нашей работы совсѣмъ иная: весьма возможно, что подробное изложеніе нами проекта, — проекта нигдѣ не опубликованнаго, — вызоветъ вѣскія замѣчанія на него со стороны какъ столичной, такъ, и въ особенности, мѣстной печати; въ пользѣ же и необходимости такихъ замѣчаній едвали можно сомнѣваться.

Имѣя въ виду такую цѣль, мы считаемъ необходимымъ совершенно отдѣлить въ нашей статьѣ изложеніе проекта и объяснительныхъ къ нему записокъ отъ нашихъ замѣчаній на этотъ проектъ, такъ какъ для большинства читателей, которыхъ мы имѣемъ въ виду, по всей вѣроятности, самый проектъ будетъ представлять гораздо болѣе интересъ, чѣмъ замѣчанія на него со стороны частнаго лица, а между тѣмъ замѣчанія эти — если ими пересыпать самое изложеніе проекта — будутъ до нѣкоторой степени затруднять чтеніе послѣдняго. Съ другой стороны, для тѣхъ немногихъ, которые имѣли уже возможность ознакомиться съ содержаніемъ проекта по официальнымъ источникамъ, могутъ представлять интересъ только замѣчанія на проектъ, и съ этими замѣчаніями — при предположенной нами системѣ изложенія — они могутъ ознакомиться, не тратя напрасно времени на чтеніе извѣстнаго уже имъ содержанія проекта.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Излагать здѣсь весь проектъ цѣликомъ не представляется ни возможности, ни надобности. При всемъ различіи этого проекта отъ общаго устава, въ немъ есть значительное число статей, перенесенныхъ, безъ всякаго измѣненія, изъ этого послѣдняго устава, и эти-то статьи, а равно и тѣ, которыя подверглись лишь незначительнымъ, чисто редакціоннымъ измѣненіямъ, мы приводить здѣсь не будемъ, а только назовемъ.

I.

Проектъ «правилъ» открывается, какъ и уставъ гражд. судопр. 20 ноября, «общими положеніями», которыя суть ничто иное, какъ буквальный повтореніе первыхъ 13 статей устава гражд. судопр. Исключеніе составляетъ лишь ст. 9-я, которая гласитъ въ проектѣ: «мировыя судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ; въ примѣненіи и толкованіи ихъ они руководствуются правилами, изложенными во введеніи къ III ч. св. мѣстн. узак. губ. остз.» ¹⁾.

¹⁾ Правила свода мѣстныхъ узаконеній остзейскаго края о примѣненіи и толкованіи законовъ основаны почти исключительно на постановленіяхъ римскаго права и выводахъ западной науки по этому предмету; но эти источники весьма мало извѣстны нашимъ юристамъ-практикамъ; а между тѣмъ усвоеніе судьями научныхъ пріемовъ толкованія законовъ составляетъ одну изъ самыхъ насущныхъ потребностей современнаго суда. Въ виду этого, а также въ виду чрезвычайной слабой распространенности въ средѣ нашихъ юристовъ самаго свода мѣстн. узак., мы считаемъ не безцельнымъ привести здѣсь важнѣйшія изъ постановленій этого свода какъ о толкованіи мѣстныхъ законовъ, такъ и о примѣненіи въ остзейскомъ край законовъ иностранныхъ. Вотъ эти правила. При толкованіи постановленій свода должно прежде всего обращать вниманіе на значеніе употребленныхъ словъ. Если они имѣютъ нѣсколько значеній, то слѣдуетъ давать предпочтеніе значенію общему передъ особеннымъ, и обыкновенному передъ переноснымъ, кромѣ лишь того случая, когда значеніе общее или обыкновенное не можетъ быть прямо согласено съ высказаннымъ или несомнѣнно предполагаемымъ основаніемъ закона, или съ его цѣлью. Изъ нѣсколькихъ значеній слова, одинаково подходящихъ, должно предпочитать то, которое даетъ фразѣ лучшій смыслъ. Въ случаѣ сомнѣнія, значеніе слова, болѣе клонящееся къ снисходительности и справедливости, предпочтается болѣе строгому. Привилегіи и льготы, предоставляемыя отдѣльнымъ лицамъ, сословіямъ и установленіямъ, должны, въ случаѣ сомнѣнія, быть истолковываемы въ томъ смыслѣ, который наименѣе отличается отъ правъ, дѣйствующихъ для другихъ лицъ. При сомнѣніи не слѣдуетъ предполагать противорѣчій между отдѣльными статьями свода, и постановленія, будто бы другъ другу противорѣчащія, должно истолковывать такимъ образомъ, что или одно изъ нихъ ближе опредѣляетъ и ограничиваетъ другое, или одно содержитъ въ себѣ самое правило, а другое—изъясненіе изъ оного. Когда въ сводѣ не найдется по извѣстному вопросу никакого постановленія, то такой вопросъ разрѣшается тѣми постановленіями, съ которыми оно имѣетъ общее основаніе и воздѣйствіе того ближайшее внутреннее средство. Правило это не примѣняется къ такимъ

Въ проектѣ, составленномъ комисіею, бывшею подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго генераль-губернатора (кн. Багратіона), въ ряду «общихъ положеній» были еще двѣ статьи, которыя не вошли въ проектъ министерства юстиціи, но о которыхъ здѣсь нельзя не упомянуть. Статьями этими разрѣшался весьма важный вопросъ объ обязательной силѣ приговора уголовного суда для суда гражданскаго, — и разрѣшался слѣдующимъ образомъ: «Состоявшійся по уголовному дѣлу *приговоръ, которымъ обвиняемый признанъ виновнымъ въ какомъ-либо проступкѣ, обязательнъ для судьи при рѣшеніи возникшаго, вслѣдствіе*

привилегій и особенныхъ правъ, которыя присвоены отдѣльнымъ лицамъ, сословіямъ или установленіямъ. Когда правила, изложенныя выше, окажутся недостаточными для устраненія сомнѣній относительно смысла содержащихся въ настоящемъ сводѣ постановленій, то слѣдуетъ прибѣгать къ истолкованію аутентическому, на основаніи свода законовъ имперіи. Право обычное не можетъ ни отбѣлывать, ни измѣнять постановленій свода. Случаи, въ которыхъ мѣстными обычаями предоставлена предпочтительная, въ видѣ изыатія, сила, приведены въ самомъ сводѣ. Послѣдовавшія по отдѣльнымъ случаямъ рѣшенія, хотя бы даже высшихъ судебныхъ мѣстъ, не имѣютъ силы закона, а потому не могутъ служить примѣромъ для другихъ случаевъ. Но какъ судьи обязаны, въ рѣшеніяхъ своихъ, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, быть послѣдовательны, то тажущимся не запрещается, въ подтвержденіе своихъ правъ, ссылаться на состоявшіеся прежде того, согласныя между собою и вступившія въ законную силу, судебныя рѣшенія. Что касается, затѣмъ, правилъ о *примѣненіи законовъ постороннихъ*, то они заключаются въ слѣдующемъ: а) Каждое судебное мѣсто обязано руководствоваться дѣйствующими въ подвѣдомственной ему территоріи узаконеніями, даже и въ случаяхъ участія въ дѣлѣ иностранцевъ, лишь бы приисношенія лица были по ихъ мѣстожительству и званію подчинены вѣдомству этого суда. Если же участвовать въ дѣлѣ лица, не имѣющія мѣсто жительства въ семъ вѣдомствѣ, проживаютъ ли они въ другихъ территоріяхъ остзейскихъ губерній, или во внутреннихъ губерніяхъ имперіи, или въ чужихъ краяхъ, а также если дѣло касается недвижимостей, лежащихъ внѣ предѣловъ вѣдомства того судебного мѣста, то, на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ, къ такимъ лицамъ и недвижимостямъ должны быть примѣняемы надлежащіе посторонніе узаконенія. б) Правоспособность каждаго определяется правами, дѣйствующими, въ его мѣсто жительства, для лицъ того званія, въ которому онъ принадлежитъ. в) Права супруговъ по имуществу подлежатъ тѣмъ узаконеніямъ, которыми мужъ былъ подчиненъ, во время вступленія въ бракъ, по мѣстожительству и званію. Если вполнѣдствіи наступитъ переимѣна въ мѣсто жительства или въ званіи мужа, то и права по имуществу супруговъ подлежатъ соотвѣтственной переимѣнѣ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы отъ сего не былъ нанесенъ ущербъ приобретеннымъ до тѣхъ поръ правамъ постороннихъ лицъ. г) Отношенія, происходящія отъ избѣрачнаго сожитія, рассматриваются по постановленіямъ того права, которому подвѣдомственъ обстоятель, по личной своей

этого проступка, гражданского иска въ той мѣрѣ, въ какой совершеніе обвиняемымъ проступка приговоромъ признано доказаннымъ. Представленіе доказательствъ къ опроверженію приговора не допускается» (ст. 7 мѣстн. проекта). И далѣе: «Состоявшійся по уголовному дѣлу приговоръ, которымъ или производство сего дѣла прекращено, или обвиняемый признанъ невиновнымъ или не подлежащимъ наказанію, не имѣетъ никакого вліянія на гражданскій искъ» (ст. 8).

По этому предмету коммисія, учрежденная при II отдѣленіи, прежде всего единогласно рѣшила, что приведенная

подсудности. Законы, дѣйствующіе въ мѣстѣ, гдѣ блудодѣяніе совершено, въ соображеніе не принимаются. Если, впрочемъ, обвиненная принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то дѣло вершится на основаніи мѣстнаго крестьянскаго права.

д) Отношенія, возникающія изъ родительской власти, подлежатъ законамъ, дѣйствующимъ въ мѣстожителѣства отца, и по его званію. е) Опекунскія дѣла обсуждаются по законамъ, дѣйствующимъ въ мѣстожитѣства того суда, которому подсудны состоящія подъ опекою. ж) Права на вещи недвижимыя, а также владѣніе такими вещами, подлежатъ законамъ той территоріи, въ которой недвижимости находятся; а права на вещи движимыя и владѣніе ими — законамъ той территоріи, которую лично подсуденъ собственникъ или владѣлецъ. з) Привлеченіе къ наслѣдованію и приобрѣтеніе наслѣдства обсуждаются по законамъ той территоріи, къ которой наслѣдодатель принадлежалъ въ послѣднее время жизни, по мѣстожитѣлѣству и по званію. Когда онъ имѣлъ нѣсколько мѣстожитѣлѣствъ, то принимается во вниманіе то, въ которомъ онъ находился въ послѣднее время. Въ Лифляндіи изъ сего правила исключаются недвижимости, которыя, хотя бы онъ и принадлежалъ къ наслѣдству, подлежатъ законамъ той мѣстности, въ которой находятся. Такимъ же образомъ недвижимости, находящіяся во внутреннихъ губерніяхъ имперіи, подлежатъ законамъ имперіи и въ томъ случаѣ, когда онъ составляютъ часть наслѣдства, оставшагося послѣ лица, имѣвшаго мѣстожитѣлѣство въ губерніяхъ острѣвскихъ. и) Относительно требованій, истекающихъ изъ договоровъ, должно принимать въ соображеніе, прежде всего, не было ли между сторонами соглашенія о томъ, по какимъ законамъ слѣдуетъ обсуждать взаимныя ихъ отношенія. Такое соглашеніе сохраняетъ свою силу, покуда оно не противно положительнымъ или запретительнымъ законамъ. Если же соглашенія не послѣдовало, то должно предполагать, что стороны подчинились дѣйствію законовъ того судебного округа, въ которомъ истекающее изъ сдѣлки обязательство должно быть приведено въ дѣйствіе. По этимъ же законамъ опредѣляется и вопросъ о дѣйствительности сдѣлки въ отношеніи къ самому содержанію оной и къ ея послѣдствіямъ.

і) Изъ формъ сдѣлокъ (договоровъ, а равно и предсмертныхъ распоряженій) могутъ быть примѣняемы законы, дѣйствующіе какъ въ томъ судебномъ округѣ, въ которомъ сдѣлка должна быть приведена въ дѣйствіе, такъ и въ той мѣстности, въ которой сдѣлка состоялась.

сейчасъ 7-я статья мѣстнаго проекта, по самому содержанию своему, не можетъ не относиться и до судопроизводства уголовнаго, а потому, по примѣру устава 1864 г. (ст. 30), должна быть помѣщена въ издаваемыхъ для прибалтійскихъ губерній правилахъ мирового разбирательства по дѣламъ уголовнымъ. Что же касается, насимъ, существа устанавливаемого этою статьею правила, то въ этомъ отношеніи мнѣнія раздѣлялись. *Меньшинство* членовъ полагало, что допущенное мѣстнымъ проектомъ отступленіе отъ общаго устава могло бы быть одобрено на томъ основаніи, что по дѣйствующему въ краѣ закону ¹⁾ уголовный приговоръ для гражданскаго судьи вовсе не обязателенъ и что рѣшеніе этого послѣдняго судьи должно быть постановляемо вполне самостоятельно. Кромѣ того, обвиняемый можетъ быть освобожденъ отъ уголовного суда потому, что дѣяніе его не могло быть доказано допускаемыми въ уголовномъ судопроизводствѣ способами. Но было бы несправедливо лишить на этомъ основаніи гражданскаго истца всякой возможности доказать совершеніе того дѣянія другими способами, допускаемыми въ судопроизводствѣ гражданскомъ; а такіе доказательства, недопускаемые въ уголовномъ процессѣ, именно установлены въ проектѣ устава гражданскаго судопроизводства, напр., присяга.

Большинство же членовъ находило, что допущенное мѣстнымъ проектомъ измѣненіе 30 ст. уст. угол. суд. могло бы имѣть то послѣдствіе, что недоказанное уголовнымъ порядкомъ совершеніе дѣянія будетъ доказываемо путемъ гражданскаго иска о вознагражденіи за ущербъ и убытки, а это было бы прямо противно установившемуся въ наукѣ и принятому законодательствами коренному правилу, что уголовному приговору, какъ имѣющему общественный интересъ, всегда дается преимущество передъ гражданскимъ рѣшеніемъ по всѣмъ обстоятельствамъ, подлежащимъ сужденію суда уголовнаго, въ томъ числѣ и по вопросу о томъ, считать ли событіе совершившимся или нѣтъ. Допустить противное, значить — предоставить граждан-

¹⁾ С. un. Cod., IX, 31.

скому суду право вводить въ законную силу приговоры уголовного суда. Далѣе: въ настоящее время въ порядкѣ судопроизводства въ прибалтійскихъ губерніяхъ дѣйствительно руководствуются приведеннымъ выше правиломъ, уваженнымъ меньшинствомъ членовъ. Но это обстоятельство едва ли можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для предположеннаго въ мѣстномъ проектѣ измѣненія 30 ст. уст. угол. суд., тѣмъ болѣе, что примѣненіе этой статьи въ остзейскомъ край не въ чемъ не нарушаетъ и не можетъ нарушать матеріальнаго гражданскаго права, дѣйствующаго въ этомъ край. Если даже отнести постановленія о доказательствахъ въ системѣ опредѣлительнаго гражданскаго права, а не въ процессу, то правило ст. 30 уст. угол. суд. займетъ въ этой системѣ лишь то мѣсто, которое въ ней отведено для *auctoritas rei judicatae*, и будетъ имѣть примѣненіе на основаніи тѣхъ началъ о силѣ судебного рѣшенія, которыя установлены въ процессѣ, такъ какъ по системѣ мѣстныхъ прибалтійскихъ гражд. законовъ (примѣч. къ ст. 3617 ч. II св. мѣстн. узак.) общее правило о силѣ судебного рѣшенія должно заключаться въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, а не въ опредѣлительномъ гражданскомъ правѣ. Независимо отъ этого, слѣдуетъ замѣтить, что правильность примѣненія, въ видѣ общаго начала, упомянутаго выше постановленія кодекса (*C. civ. Cod. IX, 31*) можетъ быть оспариваема: 1) въ виду того, что постановленіе это находится въ неразрывной связи съ другими подобнаго рода положеніями римскаго права, въ которыхъ заключаются указанія на преимущество уголовного приговора передъ гражданскимъ рѣшеніемъ и обязательность въ судѣ гражданскомъ сего приговора, какъ *rei judicatae*, а во-2-хъ, что съ того времени, какъ публичный искъ (уголовное преслѣдованіе) строго отдѣленъ отъ иска частнаго и составляетъ право и обязанность правительства, постановленіе, указанное въ кодексѣ, необходимо должно ограничиться только тѣми немногими случаями, когда уголовный искъ принадлежитъ лицу частному.

Министерство юстиціи, не останавливаясь на теоретическихъ соображеніяхъ, приводимыхъ какъ въ пользу, такъ и противъ

проектируемаго отступленія отъ ст. 30 уст. угол. суд., нашло, что противъ правила, изложеннаго въ ст. 7 мѣстн. проекта, и въ пользу ст. 30 уст. угол. суд. говорятъ практическія соображенія, состоящія въ томъ, что нельзя допустить столь рѣзкаго разнорѣчія между уголовнымъ и гражданскимъ судами одного и того же государства, чтобы въ одной части онаго было дозволено, а въ другой воспрещено доказывать въ гражданскомъ порядкѣ дѣйствительность событія преступленія тогда, когда уголовный судъ уже призналъ, что событія не было, или доказывать въ гражданскомъ порядкѣ виновность подсудимаго, оправданнаго уголовнымъ судомъ. На этомъ основаніи, и согласно мнѣнію комисіи II отдѣленія о *мѣстѣ*, какое должно занять правило, опредѣляющее обязательность для суда гражданского уголовного приговора, 7 и 8 ст. мѣстнаго проекта не вошли въ налагаемый нами проектъ министерства.

Первая глава проекта, носящая заглавіе: «о предметахъ вѣдомства мировыхъ судей, о подсудности, о тяжущихся сторонахъ», — содержитъ въ себѣ три отдѣленія, изъ коихъ въ первомъ помѣщены постановленія о предметахъ вѣдомства мировыхъ судей, во второмъ — о подсудности, и въ третьемъ — о тяжущихся сторонахъ. Такимъ образомъ, въ проектѣ признано необходимымъ постановленія о подсудности по роду дѣлъ (*sachliche Zuständigkeit der Gerichte*) или о кругѣ вѣдомства судебныхъ установленій (*Gerichtsbарkeit*) отдѣлить отъ правилъ о личной подсудности или о подсудности въ тѣсномъ смыслѣ (*Gerichtsstand*), между тѣмъ какъ въ уставѣ гражд. судопр. 20 ноября постановленія эти, какъ извѣстно, изложены рядомъ, въ одной главѣ (первой), носящей общее заглавіе: «о подсудности». Такое отступленіе отъ устава мотивируется въ объяснительной запискѣ въ проекту тѣмъ, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ принято отличать постановленія о *Gerichtsbарkeit* отъ постановленій о *Gerichtsstand*. Насколько такое отступленіе отъ принятой въ уставѣ системы изложенія было необходимо, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ; теперь же, согласно первоначаль-

ному своему плану, приступимъ въ изложенію самаго содержания первой главы проекта.

Изъ числа семи статей *перваго отдѣленія* (о предметахъ вѣдомства мировыхъ учреждений) четыре заимствованы изъ устава 20 ноября, причѣмъ три изъ нихъ (15, 17 и 20) составляютъ букввальное повтореніе статей 30, 55 и 56 этого устава, а одна (18) только нѣсколько измѣняется въ редакціонномъ отношеніи ст. 273 того же устава (о способахъ опредѣленія цѣны иска). Существенное же различіе отъ соответственныхъ статей устава представляютъ 14, 16 и 19 статьи проекта.

«Вѣдомству мирового судьи» — говорится въ 14 ст. проекта — «подлежать: 1) иски по личнымъ обязательствамъ всякаго рода и вещнымъ правамъ на движимости, когда цѣна иска не превышаетъ 500 руб.; 2) иски о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ; 3) иски о нарушенномъ или потерянномъ владѣніи; 4) иски о показаніи движимой вещи; 5) иски о наложеніи ареста на движимыя вещи, на какія-либо требованія, на паспорта и виды, равно и о запрещеніи выѣзда». Не подлежащими же вѣдомству мирового судьи признаются, по 16 ст. проекта, «иски: 1) по вещнымъ правамъ на недвижимости; 2) иски, сопряженные съ интересомъ казенныхъ управленій или съ интересомъ юридическихъ лицъ, защищаемыхъ на правахъ казны, за исключеніемъ исковъ о защитѣ нарушеннаго или восстановленіи потеряннаго владѣнія; 3) иски между членами волостныхъ обществъ, подлежащіе вѣдомству ихъ собственныхъ судовъ, развѣ на предоставленіе такого рода исковъ разбору мирового судьи послѣдовало взаимное между истцомъ и отвѣтчикомъ соглашеніе, и 4) (въ проектѣ примѣчаніе къ 16 ст.) споры о привилегіяхъ на открытія или изобрѣтенія». Наконецъ, 19 ст. проекта гласитъ: «когда цѣна иска не можетъ быть исчислена на деньги, то искъ подлежитъ вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ, за исключеніемъ исковъ, проистекающихъ изъ нарушенія договора личныхъ услугъ (ст. 4172—4191 ч. III св. мѣстн. узак.) и найма слугъ и договоровъ объ арендѣ крестьянскихъ поземельныхъ участковъ. Иски эти

подлежать вѣдомству мирового судьи, даже если бы цѣна ихъ и не могла быть опредѣлена».

Первые пункты приведенныхъ сейчасъ 14 и 16 ст. проекта въ существѣ своемъ вполне согласны съ соответствующими пунктами 29 и 31 ст. уст. гражд. суд. Но послѣдніе, по объясненію составителей проекта, не могли быть прямо перенесены въ проектъ, съ сохраненіемъ нынѣшней своей редакціи, такъ какъ перечисляемые этими статьями роды исковъ не соответствуютъ тѣмъ ихъ названіямъ, какія усвоены терминологіею гражданскаго права прибалтійскихъ губерній; измѣнять же эту терминологію въ настоящемъ случаѣ не представляется особенной надобности.

Далѣе. По терминологіи мѣстнаго права подъ понятіе личныхъ обязательствъ подходят не только договорныя обязательства, но и тѣ, которыя возникаютъ изъ нанесенія вреда или убытковъ (изъ недовольственныхъ дѣйствій); поэтому — говорятъ составители проекта — не оказывается вовсе нужнымъ упоминать для прибалтійскихъ губерній особо объ искахъ «о вознагражденіи вреда и убытковъ», и ц. 2 ст. 29 устава въ проектъ не внесены.

Пунктъ 4-й той же статьи, говорящій объ искахъ «о возстановленіи нарушеннаго владѣнія», также подвергся значительному измѣненію въ редакціонномъ отношеніи, и вотъ чѣмъ объясняютъ это измѣненіе составители проекта. Владѣльческіе иски — говорятъ они — по мѣстному праву остзейскихъ губерній могутъ быть двухъ родовъ, именно они представляются или исками *объ охраненіи существующаго владѣнія отъ угрожаемаго нарушенія* (Klagen wegen Störung des Besitzes) или же исками *о возстановленіи потеряннаго владѣнія* (Spolienklagen). Относя оба эти рода исковъ къ компетенціи мировыхъ судей, надлежало, очевидно, ихъ обозначить тѣми самыми названіями, какія усвоены имъ въ мѣстномъ сводѣ гражданскихъ законовъ, такъ какъ терминъ устава «возстановленіе нарушеннаго владѣнія», не соответствуя ни одному изъ упомянутыхъ родовъ владѣльческихъ исковъ въ частности, не обнимаетъ собою ихъ и въ совокупности. Кромѣ того, на основаніи ст. 698 ч. III

определеннаго срока, всѣ владѣльческіе иски могутъ быть предъявлены въ продолженіе одного года; въ виду этого проектъ не ограничиваетъ мировыхъ судей въ разборѣ исковъ по охраненію владѣнія только тѣми изъ нихъ, которые будутъ предъявлены до истеченія 6 мѣсяцевъ со времени возникновенія права на нихъ.

Пунктъ 5 ст. 29, опредѣляющій подсудность мировымъ учрежденіямъ исковъ о правѣ участія частнаго, не внесенъ въ проектъ потому, что право это, по мѣстной терминологіи, должно быть отнесено въ сервитутамъ въ недвижимыхъ имѣніяхъ; владѣніе же сервитутными правами, въ силу 184, 691 и 692 ст. III ч. св. мѣстн. узак., защищается тѣми же самыми исками, какъ и владѣніе физическими вещами; а слѣдовательно, подсудность такихъ исковъ достаточно опредѣляется 1 и 3 пп. 14 ст. проекта.

Причины, по которымъ подчиняются вѣдомству мировыхъ судей иски о показаніи движимой вещи (4 п. 14 ст. проекта), не объясняются составителями проекта вовсе, а подчиненіе этимъ же судьямъ исковъ о наложеніи ареста на движимыя вещи, требованія, паспорта и т. д. (п. 5 той же статьи) объясняется «сущностью самаго дѣла, такъ какъ принятіе мѣръ въ обезпеченію исковъ можетъ имѣть успѣхъ лишь при условіи, чтобы должникъ не имѣлъ возможности скрыть или растратить свое имущество, а послѣднее достигается только въ томъ случаѣ, когда право наложить арестъ предоставлено ближайшему судѣ».

Наконецъ, ст. 19 проекта, какъ мы видѣли, постановляетъ, что иски о нарушеніи договоровъ личнаго найма или послугъ (терминъ, употребленный въ III ч. св. мѣстн. узак.), а также иски о нарушеніи договоровъ по арендѣ крестьянскихъ земельныхъ участковъ, подлежатъ вѣдомству мировыхъ судей даже и въ томъ случаѣ, когда цѣна иска не можетъ быть опредѣлена.

Такое отступленіе отъ общаго устава признано необходимымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: цѣна этихъ исковъ, говорится въ объяснительной запискѣ, въ большинствѣ случаевъ

незначительна и поэтому только въ рѣдкихъ случаяхъ пре-
зойдетъ степень предоставленной мировымъ судьямъ власти.
Правда, иски о владѣніи недвижимостію, утвержденномъ на
формальномъ актѣ, слѣдовательно, въ томъ числѣ и иски объ
уничтоженіи арендныхъ контрактовъ и споры объ ихъ дѣй-
ствительности, изъяты во внутреннихъ губерніяхъ изъ подсуд-
ности мировымъ учрежденіямъ; но изъ дѣлъ министерства юсти-
ціи видно, что нѣкоторые земскія собранія, находя необходимъ-
мымъ отнести къ вѣдомству мировыхъ судей разборъ всѣхъ
дѣлъ по арендѣ недвижимыхъ имуществъ, возбудили уже хо-
датайство о расширеніи въ этомъ смыслѣ компетенціи миро-
выхъ учреждений. Что же касается до прибалтійскаго края, то
относительно его представляются еще особые основанія къ от-
несенію разбора исковъ по арендѣ крестьянскихъ поземельныхъ
участковъ къ вѣдѣнію мировыхъ учреждений. Во внутреннихъ
губерніяхъ поземельныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ
земель основаны на утвержденныхъ установленнымъ порядкомъ
уставныхъ грамотахъ, которыя только въ исключительныхъ слу-
чаяхъ могутъ дать поводъ къ возбужденію спора судебного свой-
ства. Напротивъ того, въ прибалтійскихъ губерніяхъ отношенія
эти устанавливаются періодически возобновляемыми контрактами,
требующими постоянной и строгой охраны суда, который дол-
женъ быть близоко и доступенъ одинаково для обѣихъ дого-
ворившихся сторонъ; а этимъ именно условіямъ соответствуютъ
вполнѣ мировыя судебныя учрежденія, которыя, независимо отъ
сего, состоятъ изъ судей, избираемыхъ какъ помѣщиками, такъ
и крестьянами.

Второе отдѣленіе первой главы — о подсудности (въ тѣс-
номъ смыслѣ) содержитъ въ себѣ правила: а) о подсудности
обыкновенной (ст. 21—27); б) объ изыятіяхъ изъ обыкновен-
ной подсудности (ст. 28—36); в) о подсудности по взаимному
соглашенію сторонъ (ст. 37—39); д) объ отношеніи различ-
ныхъ подсудностей между собою (ст. 40—42), и г) о прере-
каніяхъ о подсудности (ст. 43—46).

«Обыкновенная подсудность», какъ и по уставу, «опредѣляется мѣстомъ жительства отвѣтчика во время врученія ему повѣстки о вызовѣ къ суду или сообщенія исковаго прошенія; если же отвѣтчикъ имѣетъ мѣсто жительства въ участкѣ нѣсколькихъ судей, то истцу предоставляется предъявить искъ одному изъ сихъ судей. Обыкновенное мѣстопробываніе лица считается его мѣстомъ жительства до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное» (ст. 21). Этою статьею открываются правила объ обыкновенной подсудности. Затѣмъ слѣдующія три статьи (22—24) составляютъ буквальное повтореніе 224; 206 и 210 ст. уст. гражд. суд.; статья 26-я проекта буквально повторяетъ ст. 33 устава. Нововведеніемъ же оказываются только ст. 25 и 27 проекта, въ которыхъ значится: «жены подсудны тому же суду, которому подсудны ихъ мужья. Законныя дѣти, а также сравненныя съ законными, въ томъ числѣ усыновленныя, до тѣхъ поръ, пока они находятся подъ родительскою властію, подсудны тому же суду, которому подсудны ихъ родители. Незаконнорожденныя дѣти, во время несовершеннолѣтія, подсудны суду, которому подсудны ихъ матери; если же они отданы на воспитаніе, то тому суду, которому подсудны ихъ воспитатели» (ст. 25). И далѣе: «обыкновенная подсудность юридическихъ лицъ, если она не опредѣлена инымъ образомъ, опредѣляется мѣстомъ нахождения ихъ управленій, а, за неимѣніемъ таковыхъ, обыкновеннымъ мѣстомъ собранія ихъ представителей. Правило это распространяется и на тѣ общества и товарищества, которымъ не присвоено юридической личности» (ст. 27).

Первая изъ этихъ статей проекта основана, по объясненію составителей его, на ст. 187, 208 и 3070 ч. III св. мѣстн. узак., изъ коихъ въ послѣдней опредѣлено: жена слѣдуетъ мѣстожительству мужа, а дѣти, состоящія подъ родительскою властію, слѣдуютъ мѣстожительству родителей; рожденныя же вне брака, пока они не изберутъ другаго мѣстожительства, или имъ не будетъ таковое назначено—мѣстожительству матери; въ первыхъ же двухъ опредѣляются вообще личныя отношенія

родителей въ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, какъ роднымъ, такъ и усыновленнымъ.

Что же касается ст. 27 проекта (о подсудности юридическихъ лицъ), то она въ существѣ согласна съ ст. 35 устава, измѣненъ же въ редакціи въ видахъ согласованія ея къ этому отношенію съ ст. 718, 1692 и 2913 ч. III св. мѣстн. узак.

Изъясненія изъ обыкновенной подсудности установлены проектомъ слѣдующія: а) иски о владѣніи недвижимостію предъявляются по мѣсту нахождения недвижимости (ст. 28); б) «когда при торговомъ или промышленномъ заведеніи или фабрикѣ имѣется контора, которая непосредственно заключаетъ сделки, то всѣ иски, относящіеся къ этой конторѣ, предъявляются по мѣсту ея нахождения. По мѣсту же нахождения конторы предъявляются иски противъ лицъ, кои, въ качествѣ собственниковъ, заставодержателей, польвователей или арендаторовъ, управляютъ сами или чрезъ другихъ имѣніемъ, снабженнымъ жилыми помещеніями или хозяйственными строеніями, если иски эти касаются хозяйственнаго управленія имѣніемъ» (ст. 30); в) «встрѣчный искъ можетъ быть предъявленъ судѣ, которому предъявленъ первоначальный искъ, если въ немъ заключается возраженіе противъ первоначальнаго иска, или если онъ, находясь въ соотношеніи (Connexität) съ первоначальнымъ искомъ, предъявленъ вмѣстѣ съ отвѣтомъ на искъ (Klagebeantwortung), и касается такого предмета, который, по добровольному соглашенію сторонъ, можетъ подлежать вѣдомству того судьи, которому предъявленъ первоначальный искъ» (ст. 33); г) судѣ, которому подсуденъ главный искъ, подсудны и находящіеся съ нимъ въ связѣ побочные иски: о судебныхъ издержкахъ, объ удовлетвореніи повѣренныхъ, защитниковъ, свидѣтелей людей, свидѣтелей и т. д., а также о вознагражденіи за убытки, понесенныя тяжущимися отъ нарушенія повѣренными своихъ обязанностей (ст. 34); д) «возникающіе изъ означенныхъ въ ст. 3391 ч. III св. мѣстн. узак. недозволенныхъ дѣйствій гражданскіе иски, равно иски по поврежденіямъ, причиненнымъ животными (ст. 3367 и слѣд. того же свода), предъявляются тому судѣ, въ участіе котораго совершены были эти

дѣйствія или былъ причиненъ вредъ. Если дѣйствіе было совершено на границѣ двухъ участковъ или было начато въ одномъ участкѣ и окончено въ другомъ участкѣ, то истецъ можетъ предъявить искъ, по своему усмотрѣнію, судѣ того или другаго участка» (ст. 35); ж) «предъявленіе иска по мѣсту наложенія ареста допускается въ такомъ случаѣ, когда отвѣтчикъ неподсуденъ другому какому-либо судѣ въ той же губерніи» (ст. 36). Наконецъ, въ числу изъятій изъ обыкновенной подсудности отнесены проектомъ случаи, предусмотрѣнные 209, 221 и 222 ст. уст. гражд. суд., которыя и перенесены буквально въ проектъ въ видѣ 29, 31 и 32 статей оного.

Подсудность по взаимному соглашенію сторонъ опредѣляется въ проектѣ слѣдующими правилами:

«По взаимному, прямо выраженному или безмолвному согласію, стороны могутъ избрать для разрѣшенія спора и того судью, разсмотрѣнію всего дѣла не подлежало бы *въ обыкновенномъ порядкѣ подсудности*. Согласіи на то судьи не требуется. По взаимному согласію сторонъ искъ не можетъ быть предъявленъ прямо въ мировомъ свѣздѣ. Безмолвнымъ согласіемъ считается, когда отвѣтчикъ вступаетъ въ отвѣтъ по иску, не возражая противъ вѣдомства того судьи, который избранъ предъявленіемъ иска» (ст. 37). «Избраніе судьи по взаимному соглашенію сторонъ не допускается: 1) когда дѣло подлежитъ исключительному вѣдомству какого-либо опредѣленнаго суда или по стоимости спорнаго предмета превышаетъ предѣлъ власти избраннаго судьи, и 2) когда дѣло, по роду своему, изъято изъ вѣдомства судьи, которому предполагается предъявить искъ. Въ этихъ случаяхъ судья обязанъ отказать въ разсмотрѣніи дѣла. Если сіе имъ не сдѣлано при предъявленіи иска, то можетъ быть учинено и во время производства дѣла, и затѣмъ имѣвшееся уже производство считается недействительнымъ» (ст. 38). «Подсудность, установленная взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ, можетъ быть отмѣнена во всякомъ положеніи дѣла, если обѣ стороны будутъ просить объ этомъ. Подсудность эта не даетъ судѣ права лично совершать судебныя дѣйствія въ другомъ мировомъ участкѣ» (ст. 39).

Всѣ эти правила (37—39 ст.) заимствованы, по объясненію составителей проекта, изъ нынѣ дѣйствующаго въ прибалтійскихъ губерніяхъ процесса и ими пользуются весьма часто договаривающіяся стороны, почему министерство юстиціи признало полезнымъ сохранить эти правила и въ проектѣ, хотя они и не вполне согласны съ 37 ст. устава, ограничивающею договорную подсудность такими дѣлами, подсудность которыхъ зависитъ отъ мѣстожительста отвѣтчика, и притомъ прямо не разрѣшающею устанавливать напередъ въ самомъ договорѣ тотъ судъ, разбирательству коего должны подлежать могущіе со временемъ возникнуть споры изъ такого договора.

Отношеніе различныхъ подсудностей между собою. «Подсудность по взаимному соглашенію сторонъ имѣетъ преимущество предъ видами подсудности, означенными въ ст. 29—36. Выборъ между особенною и обыкновенною подсудностію предоставляется истцу, за исключеніемъ случаевъ, показанныхъ въ ст. 28 и 34 проекта», т. е. исковъ о владѣніи недвижимостію и встрѣчныхъ (ст. 40). «Когда по какому-либо дѣлу каждая изъ тяжущихся сторонъ вправе предъявить искъ, и когда иски эти предъявлены у различныхъ, но надлежащихъ судей, то преимущество дается тому судѣ, у котораго искъ былъ прежде предъявленъ» (ст. 41). «Судѣ, который сообщилъ отвѣтчику исковое прошеніе, искъ подсуденъ до окончанія его, даже и въ случаѣ, еслибы отвѣтчикъ пріобрѣлъ другую подсудность, или хотя бы его преемникъ въ тяжбѣ былъ подсуденъ другому судѣ» (ст. 42). Всѣ эти три статьи проекта показаны «новыми», заимствованными изъ «правилъ мѣстнаго судопроизводства»; а почему признано необходимымъ сохранить ихъ въ проектѣ—въ объяснительной запискѣ свидѣній нѣтъ.

Въ заключеніе втораго отдѣленія 1-й главы проекта изложены правила о разрѣшеніи *пререканій о подсудности*. Въ правилахъ этихъ буквально повторяется содержаніе ст. 40—43 уст. гражд. суд., съ тою лишь разницею, что пререканія между мировыми съѣздами, а также между мировыми учрежденіями, съ одной стороны, и нынѣ существующими общими судебными мѣстами—съ другой, разрѣшаются, впредь до учрежденія су-

дебныхъ палатъ, особымъ присутствіемъ, установленнымъ правилами уголовного судопроизводства ¹⁾).

Постановленія, изложенныя въ *третьемъ отдѣленіи* 1 главы проекта, содержатъ въ себѣ правила по слѣдующимъ предметамъ: 1) о правѣ искать и отвѣчать на судѣ; 2) объ участіи нѣсколькихъ лицъ въ дѣлѣ; 3) о вступленіи третьихъ лицъ въ дѣло (Intervention); 4) о приглашеніи третьяго лица къ участию въ дѣлѣ, и 5) объ указаніи надлежащаго отвѣтчика.

Уже при первомъ взглядѣ на эти подраздѣленія обнаруживается, что въ III отдѣленіи 1 главы должно быть весьма немного статей, прямо взятыхъ изъ устава 20 ноября. И дѣйствительно, изъ числа 23 статей, составляющихъ это отдѣленіе, только одна (61) составляетъ буквальное повтореніе статьи устава (655). Всѣ же остальные статьи этого отдѣленія *показаны* новыми, составленными на основаніи или III ч. св. мѣстн. узав., или правилъ мѣстнаго судопроизводства.

Обстоятельство это объясняется въ запискѣ тѣмъ, что постановленія отдѣла «о тяжущихся сторонахъ» стоятъ въ непосредственной зависимости отъ мѣстнаго гражданского права, — «фактъ каковой зависимости заявленъ былъ уже составителями судебныхъ уставовъ 64 г. и подтверждается наблюденіемъ юридическаго быта другихъ народовъ»... Министръ же юстиціи «не могъ не отнестись къ тѣмъ нормамъ процесса, которыя находятся въ неразрывной связи съ мѣстными гражданскими правами, нѣсколько иначе, нежели къ тѣмъ постановленіямъ, которыя носятъ на себѣ характеръ государственнаго права или затрогиваютъ общіе экономическіе интересы, выходящіе за предѣлы трехъ прибалтійскихъ губерній. Если въ послѣдняго рода

¹⁾ Присутствіе это составляется въ лифляндской губерніи, подъ предсѣдательствомъ президента или вице-президента гофгерихта, изъ одного члена гофгерихта, первенствующаго бургомистра рижскаго магистрата и предсѣдателей рижскихъ уѣзднаго и городскаго сѣздовъ мировыхъ судей; въ остальныхъ же двухъ губерніяхъ изъ предсѣдателей: двухъ сѣздовъ, магистратовъ и судовъ 2 степеней.

постановленіяхъ министръ юстиціи старался достигъ, если не единообразія, то по крайней мѣрѣ возможнаго сближенія съ соотвѣствующими постановленіями судебныхъ уставовъ 20 ноября, то онъ не могъ допустить, съ другой стороны, гораздо большую степень отступленія отъ устава въ тѣхъ правилахъ, которыя подходятъ, по своему характеру, весьма близко къ нормамъ частнаго права. Исходя изъ этой точки зрѣнія, министръ юстиціи проектируетъ слѣдующія постановленія «о тяжущихся сторонахъ»:

1) *О правѣ искать и отвѣчать на судѣ.* Лично искать и отвѣчать на судѣ можетъ всякій, кто, на основаніи III ч. св. мѣстн. уз. остз. губ., признается способнымъ заключать юридическія сдѣлки (ст. 47). За не имѣющихъ правоспособности лично отыскивать и защищать на судѣ свои права, а также за юридическихъ лицъ, дѣйствуютъ ихъ законные представители. Право на представительство должно быть доказано, если оно не извѣстно судѣ (48). Судья обязанъ обращать вниманіе на недостатокъ правоспособности искать и отвѣчать на судѣ, а также на отсутствіе доказательствъ на право представительства; недостатки эти могутъ быть доказаны участвующими въ тяжбѣ во всякомъ положеніи дѣла. По устраненіи этихъ недостатковъ, имѣвшееся уже производство можетъ быть признано тяжущимся дѣйствительнымъ (ст. 49). Тяжущійся, не имѣющій правоспособности искать и отвѣчать на судѣ, можетъ быть допущенъ къ самостоятельному судебному дѣйствію, если промедленіе въ допущеніи сего дѣйствія сопряжено со вредомъ для него. Но судья обязанъ заботиться, чтобы на сіе было изъявлено согласіе со стороны законныхъ представителей тяжущагося и чтобы немедленно было потребовано отъ нихъ объясненіе по сему предмету (ст. 50).

2. *Участіе нѣсколькихъ лицъ въ дѣлѣ.* Нѣсколько лицъ могутъ, какъ соучастники въ тяжбѣ, предъявлять иски и отвѣчать по нимъ совмѣстно, если права ихъ и обязанности вытекаютъ изъ одного и того же фактическаго и юридическаго основанія или касаются одного и того же предмета. Совмѣстныя преслѣдованіе и защита правъ нѣсколькими истцами или

отвѣтчиками, въ качествѣ соучастниковъ, допускаются и тогда, когда предметъ иска составляютъ такіа однородныя требованія и обязательства, которыя происходятъ изъ существенно однороднаго, фактическаго и юридическаго основанія. Если же такое совмѣстное участіе затрудняетъ совокупность, въ какомъ либо отношеніи, разрѣшеніе дѣла ¹⁾, то судья во всякое время вправе распорядиться о раздѣленіи сего производства (ст. 51).

3. *Вступленіе третьихъ лицъ въ дѣло.* Кто полагаетъ, что имѣетъ на вещь или на право, о коихъ производится судебное дѣло, требованіе, устраняющее вовсе или отчасти обѣ тяжущіяся стороны, тотъ можетъ во всякомъ положеніи дѣла, даже во время исполненія рѣшенія, предъявить искъ противъ нихъ у того судьи, у котораго тяжба ведется или была ведена въ первой инстанціи (Hauptintervention) (ст. 52). Если обѣ стороны оспариваютъ право третьяго лица, то онѣ могутъ соединиться противъ него въ качествѣ соучастниковъ. Въ такомъ случаѣ, и если по положенію дѣла окажется удобнымъ, первоначальное дѣло, по просьбѣ сторонъ или по усмотрѣнію судьи, приостанавливается впредъ до дальнѣйшаго распоряженія или до окончательнаго рѣшенія вопроса о вступленіи третьяго лица въ дѣло (ст. 53). Если вступившее въ дѣло 3-е лицо удостовѣритъ, что исполненіемъ рѣшенія, состоявшимся по первоначальному дѣлу, требованіе его уничтожается, или что значительно затрудняется отысканіе его правъ, то судья обязанъ постановить, что исполненіе допускается лишь по представленіи надлежащаго обезпеченія, а въ случаѣ надобности можетъ распорядиться и о приостановленіи исполненія рѣшенія (54). Третье лицо, которое утверждаетъ, а въ потребномъ случаѣ удостовѣритъ, что принадлежащее ему право зависить отъ рѣшенія дѣла въ пользу одной изъ сторонъ, или что нарушается потеряю оною иска, или, наконецъ, что рѣшеніе дѣла въ пользу противника подвергаетъ его обязанности

1) Въ этой статьѣ проекта допущена, очевидно, корректурная ошибка: слово „совокупность“ надо, по всей вѣроятности, избросить, — иначе въ послѣдней части статьи совсѣмъ не будетъ даже и грамматическаго смысла.

представить очистку или вознаградить за убытки, может, во всякомъ положеніи дѣла, принять въ немъ участіе совокупно съ этою стороною (Nebenintervention) (ст. 55). Вступившее такимъ образомъ 3-е лицо (Nebenintervenient) обязано принять тяжбу въ томъ положеніи, въ какомъ она находится во время его вступленія, и затѣмъ вести ее далѣе. Оно вправе во всякомъ положеніи дѣла предпринимать дѣйствія, соответствующія его интересу, а въ особенности пользоваться всѣми способами обжалованія (ст. 56). Дѣйствія, предпринятые въ дѣлѣ третьимъ лицомъ (Nebenintervenient), имѣютъ силу и для стороны, къ которой оно присоединилось, если только дѣйствія эти не противорѣчатъ прежнимъ или послѣдующимъ заявленіямъ этой стороны. Третье лицо (Nebenintervenient) можетъ принять на одного себя тяжбу, съ разрѣшенія стороны, къ которой оно присоединилось; въ такомъ случаѣ, лицо это обязано, вмѣстѣ съ тѣмъ, защищать интересы этой стороны, въ качествѣ ея повѣреннаго (ст. 57). Рѣшеніе дѣла, вступившее въ законную силу, во всякомъ случаѣ обязательно въ той же мѣрѣ для 3-го лица, какъ и для стороны, къ которой оно присоединилось (58).

4. *Приглашеніе третьяго лица къ участію въ дѣлѣ.* Каждая сторона, имѣющая право требовать, въ случаѣ рѣшенія дѣла не въ ея пользу, очистки или вознагражденія убытковъ отъ третьяго лица, можетъ просить судью о приглашеніи этого третьяго лица къ участію въ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы оно оказывало ей содѣйствіе. Если третье лицо имѣетъ, съ своей стороны, къ другому лицу такое же требованіе, то оно можетъ, въ свою очередь, просить о приглашеніи его къ дѣлу (ст. 59). Приглашеніе 3-го лица къ дѣлу допускается въ продолженіе всего производства до тѣхъ поръ, пока, по положенію дѣла, приглашаемое лицо будетъ въ состояніи оказывать приглашающему свое содѣйствіе (61). Если приглашенное къ дѣлу третье лицо приметъ участіе въ тяжбѣ, то отношеніе его къ главнымъ сторонамъ опредѣляется по правиламъ, изложеннымъ выше о вступленіи третьяго лица въ дѣло. Въ случаѣ же отказа приглашаемаго лица отъ участія въ дѣлѣ, или въ случаѣ

непредставленія имъ объясненія, дѣлу дается дальнѣйшій ходъ между тяжущимися сторонами, но безъ послѣдствій, сопряженныхъ съ постановленіемъ заочнаго рѣшенія (62). Приглашеніе 3-го лица въ дѣлу производится чрезъ посредство судьи. О заявленномъ приглашеннымъ лицомъ несогласіи принять участіе въ дѣлѣ не допускается особаго производства. Противная сторона не вправе возражать противъ приглашенія въ дѣлу 3-го лица (63). Принятіе участія въ дѣлѣ не считается признаніемъ со стороны приглашеннаго лица того, что просившій объ его приглашеніи имѣетъ право требовать отъ него представленія очистки или вознагражденія убытковъ (64).

5. *Указаніе надлежащаго ответчика.* Ответчикъ, противъ коего, какъ владѣльца движимой вещи, предъявленъ вещный искъ, можетъ отказать вступить въ отвѣтъ по существу дѣла, если онъ до словеснаго состязанія по главному дѣлу заявитъ, что владѣтъ вещью отъ чужаго имени, и вмѣстѣ съ тѣмъ назоветъ лицо, отъ имени котораго владѣтъ (65). Если указанное лицо признастъ правильнымъ это заявленіе, то истецъ, несмотря на это признаніе, вправе продолжать тяжбу противъ первоначальнаго ответчика. Въ семъ случаѣ указанному лицу не возбраняется присоединиться къ ответчику, въ качествѣ 3-го лица, какъ *Nebenintervenient* (66). Если указанное лицо отрицаетъ заявленіе ответчика, или если оно не явится къ словесному состязанію, то ответчикъ, не желающій одинъ продолжать тяжбу, вправе освободить себя отъ иска уступкою истцу находящейся въ его владѣніи вещи. Указанное лицо однако не подвергается послѣдствіямъ, сопряженнымъ съ постановленіемъ заочнаго рѣшенія (67). Если истецъ немедленно или послѣ объясненія, даннаго указаннымъ лицомъ, признастъ правильнымъ заявленіе ответчика, то сей послѣдній освобождается отъ иска. Когда же истецъ не можетъ согласиться съ указаннымъ лицомъ о замѣнѣ имъ ответчика, то истцу не возбраняется, по окончаніи тяжбы противъ ответчика, предъявить искъ противъ указанного лица (68). Права указанного лица, если оно не вступить въ дѣло, остаются не измѣненными. Оно можетъ преслѣдовать права эти, послѣ передачи

отвѣтчикомъ вещи, посредствомъ иска противъ ея держателя. Но оно не имѣетъ права требовать вознагражденія съ отвѣтника, передавашаго вещь, и не можетъ представить возраженія, если противъ него предъявленъ будетъ искъ о вознагражденіи за убытки (69).

Вторая глава содержитъ въ себѣ постановленія о *повѣренныхъ*. Главными особенностями проекта въ этомъ отношеніи представляются слѣдующія отступленія отъ устава: во-первыхъ, сохраняется и на будущее время мѣстное *сословіе адвокатовъ*, состоящихъ при судебныхъ мѣстахъ прибалтійскихъ губерній. Сословіе это, соотвѣтствуя отчасти корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, организовано на началахъ, изложенныхъ въ 100—120 ст. ч. I св. мѣстн. узак. Во-вторыхъ, не внесено въ проектъ правило, наложенное въ 48 ст. устава, по которой повѣренный можетъ производящееся у мирового судьи дѣло окончить миромъ, хотя бы о томъ не было упомянуто въ довѣренности. Проектомъ принято, напротивъ, правило ст. 250 устава, относящейся до общихъ судебныхъ мѣстъ и опредѣляющей, что предоставленіе повѣренному права прекратить дѣло миромъ должно быть положительно выражено въ довѣренности. Это послѣднее отступленіе отъ устава мотивируется 3595 и 4384 ст. III ч. св. мѣстн. узак.¹⁾

Помимо этихъ двухъ существенныхъ отступленій отъ устава, въ проектъ внесены еще слѣдующія постановленія, соотвѣтственныхъ которымъ нѣтъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, — по крайней мѣрѣ въ главѣ «о повѣренныхъ».

Уполномочіе повѣренному должно быть удостовѣрено. На неправильное полномочіе можетъ быть указано противною стороною во всякомъ положеніи дѣла; впрочемъ, и безъ указанія сторонъ судья обязанъ обращать вниманіе на неправильность уполномочія (ст. 77 проекта). Уполномочіе повѣренному мо-

¹⁾ Въ статьяхъ этихъ сказано, что мировую сдѣлку дозволяется заключать и заступающему мѣсто другаго съ тѣмъ, однако, чтобы онъ былъ именно на это уполномоченъ. „Генеральной довѣренности, хотя бы она была дана и адвокату, для сего недостаточно“.

жетъ быть дано на веденіе или всѣхъ тяжбныхъ дѣлъ довѣрителя, или извѣстнаго рода дѣлъ, или одного опредѣленнаго дѣла, или же на совершеніе отдѣльныхъ дѣйствій по какому-либо дѣлу (78). Когда кто-либо явится къ судѣ въ качествѣ повѣреннаго тяжущагося, не имѣя установленной довѣренности, то это считается какъ-бы онъ вовсе не явился. Но выдающій себя за повѣреннаго признается, до времени, имѣющимъ право вести дѣло: 1) если въ представленной довѣренности хотя и находятся недостатки, но такіе, которые могутъ быть исправлены; 2) если уполномочіе будетъ удостовѣрено письмомъ довѣрителя, или если будутъ представлены относящіеся къ дѣлу документы; 3) если явившійся къ судѣ мѣстный адвокатъ положительно удостовѣритъ, что онъ уполномоченъ, и 4) если явившійся повѣренный тяжущагося состоитъ съ нимъ въ родствѣ или въ свойствѣ въ прямой линіи безъ ограниченія степеней, а также и въ боковой, но лишь въ первыхъ двухъ степеняхъ (ст. 249 и 265 ч. III св. м. уз.), или когда онъ ходатайствуетъ за жену, или если явившійся повѣренный имѣетъ соучастіе въ тяжбѣ. Лицамъ этимъ судья, для представленія установленной довѣренности, назначаетъ срокъ, по истеченіи котораго противная сторона можетъ просить о постановленіи заочнаго рѣшенія (82). Когда на веденіе дѣла впослѣдствіи будетъ представлена установленная довѣренность, то дѣйствія повѣреннаго, совершенныя до выдачи ему довѣренности, считаются признанными, если изъ самой довѣренности не видно противнаго (83). Когда сторона или ея законный представитель теряютъ правоспособность искать и отвѣчать на судѣ, то уполномочіе, данное ими повѣренному, прекращается. Тѣмъ не менѣе повѣренный имѣетъ право и обязанность, до тѣхъ поръ, пока не будетъ назначено другаго представителя стороны, совершать такіа дѣйствія, несовершенство коихъ причинило бы вредъ сторонѣ (85). Когда кто-либо, не будучи повѣреннымъ стороны, тѣмъ не менѣе дѣйствовалъ какъ ея повѣренный, то совершенныя имъ дѣйствія, если они не будутъ признаны стороною, считаются недействительными. Постановленіе о недействительности можетъ послѣдовать во вся-

вомъ положеніи дѣла, или по просьбѣ сторонъ, или по усмотрѣнію судьи (2 ч. 87 ст.). Если довѣритель замедлитъ назначеніемъ другаго повѣреннаго на мѣсто отказавшагося отъ ходатайства по дѣлу, то послѣдній имѣетъ право просить судью объ опредѣленіи срока для назначенія другаго повѣреннаго. По истеченіи этого срока, который долженъ быть объявленъ довѣрителю установленнымъ порядкомъ, уполномочіе считается прекращеннымъ (88).

Всѣ эти нововведенія объясняются въ запискѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что постановленія о повѣренныхъ находятся подъ вліяніемъ правилъ гражд. права, и что изложенныя въ III ч. св. мѣстн. узак. правила о договорѣ довѣренности или уполномочія (*mandatum*, ст. 4363—4414), какъ отличныя отъ законовъ о томъ же договорѣ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ (ст. 2291—2334 ч. 1 т. X), должны были оказать вліяніе на измѣненіе процессуальныхъ правилъ о повѣренныхъ.

Кромѣ приведенныхъ сейчасъ правилъ въ главу о повѣренныхъ вошли еще почти буквально ст. 16, 26, 27, 44, 45, 47, 49 и 50 уст. гражд. судопр. и ст. 389 учрежд. суд. устан., и, наконецъ, постановлено, что на мировыя установленія прибалтійскихъ губерній распространяется дѣйствіе правилъ 25 мая 1874 г. о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ, и что, поѣтому, постороннія лица, желающія ходатайствовать въ означенныхъ установленіяхъ, обязаны предварительно получить особыя для сего свидѣтельства въ порядкѣ, указанномъ помянутыми правилами; лица же, такихъ свидѣтельствъ не имѣющія, могутъ быть допускаемы въ ходатайству не болѣе какъ по тремъ дѣламъ въ теченіе года, въ предѣлахъ того же мирового округа.

Постановленія *третьей главы*—«о предъявленіи иска и о вызовѣ на судъ» (ст. 89—102 проекта) заимствованы почти буквально изъ нижеслѣдующихъ статей устава гражданскаго судопроизводства: 51 — 54, 57, 58, 60—62, 64, 66, 279, 281 и 287; допущенныя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей

измѣненія касаются только редакцій; новыми же оказываются только: примѣчаніе къ ст. 96 проекта (соотвѣтствующей ст. 61 устава), по которому «въ повѣстанъ, посылаемымъ отъ мирового судьи, прилагается переводъ оныхъ на одно изъ мѣстныхъ нарѣчій, смотря по національности вызываемаго лица», и затѣмъ ст. 101 проекта, по которой «въ случаѣ отказа въ принятіи бумаги или неотысканія домашнихъ лицъ, у которыхъ она могла бы быть оставлена, врученіе совершается посредствомъ мѣстной полиціи».

Четвертая глава — «о явѣ тяжущихся, о срокахъ и о порядкѣ производства у мировыхъ судей» — открывается правиломъ, что воскресные и праздничные дни назначаются для явки на судъ только въ случаѣ крайней необходимости и лишь по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства (ст. 103). Затѣмъ идутъ постановленія о срокахъ и отсрочкахъ, согласныя въ существѣ съ постановленіями по этому предмету устава гражд. судопроизводства: почти буквально повторяются ст. 59, 67, 75, 816 и 822 устава. Новымъ представляется лишь слѣдующее правило: «если отсрочка для явки на судъ или продолженіе срока сдѣлается необходимымъ по винѣ одной изъ сторонъ, то на эту сторону обращается и взысканіе издержекъ, происшедшихъ отъ отсрочки. Если же отсрочка произошла не по винѣ сторонъ, то взысканіе издержекъ обращается на ту сторону, которая просила объ отсрочкѣ» (ст. 107).

Что же касается самаго порядка производства дѣлъ у мировыхъ судей, то въ этомъ отношеніи оставлены непривоснованными лишь постановленія устава объ устности и гласности производства (ст. 68, 325 и 326), о роли мирового судьи, какъ примирителя сторонъ (ст. 70), а также о пріостановленіи и возобновленіи производства (77 и 78 ст.). Роль же судьи, какъ судьи, опредѣляется въ проектѣ совершенно иначе, чѣмъ въ уставѣ 20 ноября. «Излишняя послѣдовательность въ проведеніи такъ-называемаго начала состязательности» — говорится по этому предмету въ объяснительной запискѣ — «со-

ставляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ общегерманскаго судопроизводства, дѣйствующаго и въ прибалтійскомъ краѣ. Стремленіе новѣйшаго законодательства въ западной Европѣ по отношенію къ гражданскому процессу направлено именно въ тому, чтобы сгладить крайности означеннаго начала и дать судѣ болѣе простора въ отысканіи истины, освободивъ его отъ совершенно пассивной роли, которая ему отведена въ общегерманскомъ процессѣ». На этомъ основаніи признано необходимымъ преподать мировымъ судьямъ прибалтійскаго края нѣкоторыя указанія относительно ихъ участія при разбирательствѣ дѣлъ, и проектируются слѣдующія правила:

Судья руководитъ словеснымъ состязаніемъ, отсрочиваетъ, отсрочиваетъ, прекращаетъ оное и объявляетъ рѣшеніе. Онъ предоставляетъ сторонамъ право слова и лишаетъ ихъ этого права, если онѣ не повинуются его распоряженіямъ. Онъ заботится о полнотѣ состязанія, разъясняя вопросами всякое неопредѣленное или неясное показаніе, и приглашая стороны исполнить все требующееся отъ нихъ по порядку судопроизводства (109). Когда для разъясненія обстоятельствъ дѣла судья найдетъ необходимымъ лично предложить вопросы не присутствующему въ засѣданіи тяжущемуся, то онъ можетъ потребовать личной его явки. Когда тяжущійся, котораго нужно допросить, не можетъ явиться къ мировому судѣ, или явка эта по отдаленности его мѣста пребыванія сопряжена съ затрудненіями, то онъ можетъ быть допрошенъ и внѣ засѣданія по всѣмъ постановленнымъ судьей вопросамъ (110). Когда тяжущійся откажетъ въ положительномъ отвѣтѣ или не явится къ судѣ, то предложенный ему вопросъ разрѣшается въ пользу противной стороны, если только изъ имѣющихся въ виду судьи данныхъ онъ не убѣдится, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ противъ нея. Каждой сторонѣ дозволяется дѣлать общее признаніе обстоятельствъ, утверждаемыхъ противною стороною; но общее отрицаніе оныхъ не допускается (111). Когда судья найдетъ удобнымъ соединить въ одно производство нѣсколько исковъ, одновременно предъявленныхъ ему одною или разными сторонами, то онъ, по просьбѣ сторонъ или по своему усмотрѣ-

нію, можетъ постановить о совокупномъ разсмотрѣніи оныхъ (112). Когда разрѣшеніе иска обусловливается предварительнымъ рѣшеніемъ уже предъявленнаго иска, или когда при производствѣ дѣла обнаружится какое-либо дѣйствіе, подлежащее уголовному преслѣдованію, то судья, по просьбѣ сторонъ или по своему усмотрѣнію, можетъ постановить о приостановленіи производства до окончательнаго рѣшенія предъявленнаго уже иска или до окончанія уголовного производства (113). Когда мировой судья найдетъ, что дѣло достаточно объяснено, то прекращаетъ состязаніе сторонъ. Впрочемъ, судья и по прекращеніи состязанія вправе допрашивать стороны для приведенія въ ясность обстоятельствъ дѣла (114).

Въ протоколъ записываются лишь существенныя обстоятельства дѣла, въ особенности словесныя просьбы и представленіе къ подтвержденію ихъ факты и доказательства, предложеніе присяги противной сторонѣ, принятіе, отказъ и принесеніе оной, равно учиненіе признанія, изъявленіе согласія и сдѣланныя сторонами предложенія (115).

Кромѣ наложеннаго, въ IV главѣ проекта помѣщены еще въ измѣненномъ нѣсколько видѣ 332 и 333 ст. устава (116 и 117 проекта) объ измѣненіи иска, и двѣ статьи *объ отводахъ*. Эти послѣднія, какъ совершенно несходныя съ постановленіями устава по тому же предмету, мы приводимъ также дословно. «Отвѣтчикъ» — говорится въ ст. 118 проекта — «не обязанъ предъявлять отводовъ, приостанавливающихъ производство, одновременно и до словеснаго состязанія по существу. Только отводы о неподсудности дѣла судья и о производствѣ его въ другомъ судѣ отвѣтчикъ обязанъ предъявить до представленія объясненій по существу, подъ страхомъ потери права на предъявленіе оныхъ впоследствии. Всѣ прочіе отводы, которые могли бы приостановить искъ, не освобождаютъ отвѣтника отъ обязанности представить объясненія по существу; судья однакоже вправе постановить, по просьбѣ сторонъ или по своему усмотрѣнію, объ отдѣльномъ производствѣ по отводамъ. Въ последнемъ случаѣ судья, до допущенія объясненій по существу, постановляетъ частное опредѣленіе по отводамъ».

Слѣдующая же затѣмъ 119 ст. проекта гласитъ: всѣ отводы, возраженія и опроверженія, подѣ страхомъ потери права на предъявленіе ихъ въ той же инстанціи, должны быть сдѣланы до прекращенія словеснаго состязанія, за которымъ слѣдуетъ постановленіе рѣшенія дѣла.

Пятая глава посвящена постановленіямъ о *доказательствахъ*. Постановленія эти (ст. 154—217) изложены въ проектѣ по системѣ, принятой уставомъ 20 ноября, т.-е. сначала опредѣляются общія правила о доказательствахъ, затѣмъ идутъ отдѣльные виды доказательствъ и, наконецъ, правила, касающіяся повѣрки доказательствъ, т.-е. относящіяся къ осмотру на мѣстѣ и заключенію свѣдущихъ людей. Въ этой же главѣ помѣщены постановленія объ обезпеченіи доказательствъ на будущее время или о такъ-называемыхъ доказательствахъ вѣчной памяти (Beweis zum ewigen Gedächtniss или Sicherung des Beweises). Эти послѣднія постановленія, по объясненію составителей проекта, могли бы, по характеру своему, находиться въ числѣ правилъ охранительнаго судопроизводства; но такъ какъ проектъ этого судопроизводства для прибалтійскихъ губерній еще не составленъ, то признано удобнѣйшимъ оставить ихъ въ главѣ о доказательствахъ.

Въ *общихъ правилахъ* о доказательствахъ важнѣйшее отступленіе отъ устава представляетъ ст. 125 проекта, дозволяющая судѣ постановлять частныя опредѣленія о томъ, какія обстоятельства должны быть доказаны и какою стороною. Такое частное опредѣленіе значительно, впрочемъ, отличается отъ существующаго въ общегерманскомъ процессѣ и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ уставахъ гражданскаго судопроизводства такъ называемаго «рѣшенія о представленіи доказательствъ» (Beweisurtheil, Beweisinterlocut), которое, по условіямъ своего составленія и по своей обязательности для судьи, его постановившаго, а равно и для сторонъ, совершенно равняется судебному рѣшенію по существу. Проектируемое же 125 статьею частное опредѣленіе имѣетъ значеніе лишь *распоряженія* судьи, и не-

тому судья не только имъ не связанъ при постановленіи окончательнаго по дѣлу рѣшенія, но даже можетъ вновь распорядиться объ отобраніи доказательствъ по другимъ обстоятельствамъ дѣла, первоначально не казавшимся важными. Этимъ устраняется, по мнѣнію составителей проекта, главная опасность, сопряженная съ рѣшеніями о доказательствахъ, именно невозможность для судьи исправить ошибку въ требованіи представленія доказательствъ по обстоятельствамъ, оказавшимся не имѣющими значенія, и въ неотобраніи, наоборотъ, доказательствъ по обстоятельствамъ, получившимъ въ глазахъ того же судьи важное значеніе. Съ другой стороны, въ мировомъ разбирательствѣ — говорятъ составители проекта — не всегда встрѣчается надобность въ указаніи сторонамъ обстоятельствъ, оставленныхъ ими безъ доказательства; поэтому въ проектѣ не только не предписывается мировымъ судьямъ постановлять въ каждомъ дѣлѣ особое частное опредѣленіе о доказательствахъ, но даже и въ словесному указанію сторонамъ на отсутствіе надлежащихъ доказательствъ судья обязывается 125 статьею проекта лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно: когда по обстоятельствамъ, существеннымъ для разрѣшенія дѣла, тажущимися не представлено вовсе никакихъ доказательствъ, или когда представленные ими доказательства оказываются недостаточно убѣдительными. Разница проектируемаго правила отъ правила, изложеннаго въ 368 ст. нашего устава, заключается, слѣдовательно, лишь въ томъ, что, находя нѣкоторыя изъ приведенныхъ сторонами обстоятельствъ, существенныхъ для разрѣшенія дѣла, недоказанными вовсе или доказанными не вполне, судья обязанъ не только указать сторонамъ эти обстоятельства, но и постановить, какою именно стороною обстоятельства тѣ должны быть доказаны.

За общими правилами о доказательствахъ въ проектѣ непосредственно слѣдуютъ постановленія «*объ обезпеченіи доказательствъ въ виду будущихъ исковъ или о доказательствахъ вѣчной памяти*».

Во общихъ судахъ прибалтійскихъ губерній производство по отобранію доказательствъ въ виду будущихъ споровъ существуетъ и нынѣ, и опредѣляется правилами старинныхъ источниковъ гражд. процесса. Кроме того, и на основаніи мѣстныхъ крестьянскихъ положеній ¹⁾, дозволяется, до начатія всякаго иска, приводить въ крестьянскіе суды свидѣтелей «всегдашней» или «стародавней памяти», съ полученіемъ удостовѣреній, что занесенныя въ протоколъ показанія этихъ свидѣтелей хранятся для доставленія въ надлежащее судебное мѣсто, коль скоро поступитъ въ него дѣло для разбирательства. Въ виду того, что тяжущіеся довольно часто пользуются этимъ процессуальнымъ институтомъ въ настоящее время, признано необходимымъ сохранить его и при новомъ порядкѣ судопроизводства, и вотъ правила (ст. 128 — 132), которыми опредѣляется *Sicherung des Beweises* въ проектѣ:

Лица, имѣющія основаніе опасаться потери доказательствъ или предвидящія затрудненія въ представленіи оныхъ впослѣдствіи, имѣютъ право просить объ обезпеченіи таковыхъ доказательствъ на будущее время, и притомъ какъ до предъявленія иска, хотя бы они и не могли указать будущаго своего противника, такъ и въ продолженіи начатаго уже судебного спора. Право это не распространяется на доказательства посредствомъ актовъ или присяги. Просьба объ обезпеченіи доказательствъ приносится судѣ, которому подсуденъ искъ; впрочемъ, въ крайнихъ случаяхъ, или если доказывающій еще не въ состояніи опредѣлить суда, которому будетъ подсуденъ искъ, подобная просьба можетъ быть принесена всякому судѣ, который и обязанъ немедленно удовлетворить просителя. Въ просьбѣ должны быть изложены и удостовѣрены причины, вызвавшія оную; равнымъ образомъ, должны быть указаны обстоятельства, которыя проситель желаетъ доказать, а также и самый способъ доказательства. По такой просьбѣ судья постановляетъ частное опредѣленіе безъ выслушанія противной стороны. Если

¹⁾ Курляндскаго 1817 г. § 462, эстляндскаго 1856 г. ст. 864 и лифляндскаго 1860 г. ст. 869.

онъ признаетъ просьбу заслуживающую уваженія, то назначаетъ день явки на судъ для отобранія доказательствъ, и въ случаѣ возможности вызываетъ противника, если съ необходимою для сего отсрочкою не сопряжено опасности для просителя лишиться доказательства. Опрежденіе судьи объ удовлетвореніи подобной просьбы не подлежитъ обжалованію. Если противникъ доказывающаго предъявитъ, въ назначенный для отобранія доказательствъ день, возраженіе противъ обезпеченія доказательствъ или противъ отобранія, значенія или силы доказательствъ, и это возраженіе не будетъ уважено судьей, то постановленное о семъ определеніе не подлежитъ обжалованію. Противнику, однако, предоставляется представить означенное возраженіе во время производства по могущему возникнуть въ послѣдствіи иску. Тѣмъ же правомъ противникъ пользуется и въ томъ случаѣ, если онъ не явится въ назначенный для отобранія доказательствъ день. Къ производству по обезпеченію доказательствъ на будущее время примѣняются правила, постановленныя вообще для отобранія доказательствъ. Обезпеченіе доказательствъ всегда отмѣчается въ протоколѣ. Судья, у котораго въ послѣдствіи предъявленъ будетъ искъ, можетъ распорядиться, по просьбѣ сторонъ или по собственному усмотрѣнію, о вторичномъ отобраніи или дополненіи уже отобранныхъ, въ виду предстоявшаго иска, доказательствъ.

Третье отдѣленіе V главы проекта посвящено постановленіямъ о *свидѣтельскихъ показаніяхъ*. Въ отдѣленіе это вошли безъ перемѣны слѣдующія статьи устава гражд. судопр.: 374, 84, 88 съ дополненіемъ въ ней по продолж. 1871 г., 89, 90—101, 103, 104 и 403, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ допущены маловажныя редакціонныя измѣненія, о значеніи которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Главнымъ же отличіемъ проектируемыхъ правилъ о *свидѣтельскихъ показаніяхъ* отъ соотвѣствующихъ постановленій устава представляется невнесеніе въ проектъ тѣхъ ограниченій въ допущеніи *свидѣтельскихъ показаній*, которыя введены статьями 106, 409

и 410 устава 20 ноября. По этому предмету составители проекта объясняютъ, что заимствованныя изъ постановленій французскаго права указанныя сейчасъ ограниченія не оправдываются ни восьмилѣтнею практикою нашихъ новыхъ судебныхъ мѣстъ, ни нынѣшнимъ пониманіемъ наиболѣе выгодныхъ условій для отысканія судьей истины, ни, наконецъ, требованіями гражд. права остзейскихъ губерній, такъ какъ сводъ гражданскихъ законовъ этой мѣстности не содержитъ какихъ-либо особыхъ правилъ относительно внѣшней формы юридическихъ дѣлъ (ст. 2933 ч. III св. м. уз.), а, напротивъ того, участвующимъ въ дѣлахъ лицамъ отдается на волю довольствоваться соглашеніемъ на словахъ (ib. ст. 2994), причемъ такіе словесные договоры пользуются полною судебною защитой (ib. ст. 3131).

Помимо этого существеннаго отступленія отъ устава въ проектѣ помѣщены еще нѣкоторыя нововведенія по предмету свидѣтельской правоспособности. Такъ, сохраняя неприкосновенною, въ существѣ, ст. 84 уст. о лицахъ, безусловно недопускаемыхъ къ свидѣтельству по данному дѣлу, составители проекта взамѣнъ ст. 183 и 186 постановляютъ, что отъ свидѣтельства *могутъ отказаться*: 1) женихи, невѣсты и разведенные супруги тяжущихся; 2) родственники и свойственники тяжущихся въ прямой линіи безъ ограниченія, а въ боковой — первыхъ двухъ степеней, хотя бы бракъ, установившій свойство, болѣе не существовалъ, равно и усыновители тяжущагося, или имъ усыновленные; 3) всѣ вообще лица по такому вопросу, утвердительный или отрицательный отвѣтъ на который можетъ причинить имъ или родственникамъ и свойственникамъ ихъ.... вредъ или стыдъ, или подвергнуть ихъ опасности уголовного преслѣдованія; 4) лица, *имѣющія право быть потерренными по судебнымъ дѣламъ*, нотаріусы, врачи и акушеры, по такимъ обстоятельствамъ, которыя по самому свойству ихъ должны содержаться въ тайнѣ и сдѣлались извѣстны этимъ лицамъ при исполненіи ими своихъ обязанностей, если участвующіе въ тяжбѣ не освободятъ ихъ отъ долга молчанія. Это правило распространяется и на помощниковъ сказанныхъ лицъ, если они, въ этомъ качествѣ, узнали объ означенныхъ въ семь

пунктъ обстоятельствъ (ст. 142). Означенныя въ первыхъ трехъ пунктахъ предыдущаго правила лица не могутъ отказываться отъ свидѣтельства: 1) относительно юридическихъ дѣлъ, для удостовѣренія коихъ они привлечены были въ качествѣ свидѣтелей, 2) по такимъ распоряженіямъ, которыя сдѣланы были ими самими относительно спорнаго дѣла, 3) относительно рожденій, женитьбъ или смертныхъ случаевъ членовъ ихъ семейства и 4) по спорамъ, касающимся имущественныхъ правъ, возникшихъ изъ семейныхъ отношеній (ст. 143). Наконецъ, судья можетъ *допрашивать безъ присяги*: 1) лицъ, означенныхъ въ первыхъ 3-хъ пунктахъ приведенной выше (142) статьи, опредѣляющей, кто можетъ отказываться отъ свидѣтельства, 2) лицъ, имѣющихъ выгоду отъ рѣшенія дѣла въ пользу той или другой стороны, и 3) *содержателей домовъ терпимости, сводниковъ и публичныхъ женщинъ* (ст. 147).

IV отдѣленіе о письменныхъ доказательствахъ содержитъ въ себѣ постановленія, во 1-хъ, о доказательной силѣ письменныхъ актовъ, во 2-хъ, о порядкѣ производства по спорамъ о подлинности актовъ, и въ 3-хъ, о порядкѣ истребованія актовъ какъ отъ участвующихъ въ дѣлѣ, такъ и отъ третьихъ лицъ.

Все это отдѣленіе составлено совершенно за-ново. Одна только ст. 446 устава вошла сюда безъ перемѣны. Тѣмъ не менѣе мы не признаемъ возможнымъ дословно излагать всѣ статьи проекта, такъ какъ онѣ заняли бы слишкомъ много мѣста, а между тѣмъ большинство изъ нихъ можетъ представлять для знающихъ дѣло развѣ только *отрицательный* интересъ. Приведемъ вполнѣ только постановленія проекта о доказательной силѣ письменныхъ актовъ (ст. 155 — 159), какъ наиболѣе существенныя.

Совершенныя въ присутственномъ мѣстѣ или должностнымъ лицомъ въ предѣлахъ предоставленной имъ власти и по увазанной формѣ публичные акты — гласитъ 155 ст. проекта — имѣютъ силу полного доказательства, доколѣ *истинность ихъ содержанія* не будетъ доказана. Затѣмъ, домашніе акты, под-

писанные лицами, ихъ выдавшими, имѣютъ силу полного доказательства относительно того, что содержащіяся въ нихъ заявленія исходятъ отъ лицъ, выдавшихъ эти акты (ст. 156). Подлиннымъ актамъ равносильны копии и выписи, выданныя присутственными мѣстами и нотаріусами изъ составленныхъ ими протоколовъ и дѣлъ, а также другіе акты, которые, по несомнѣнному намѣренію заинтересованныхъ лицъ, должны служить подлинниками (ст. 157). Долговая записъ о полученной взаймы суммѣ, росписка объ уплатѣ долга, а также выданная женихомъ, до вступленія въ бракъ, росписка въ полученіи приданого, имѣютъ доказательную силу немедленно послѣ ихъ выдачи, если въ нихъ особо обозначено, что платежъ произведенъ въ опредѣленное время и какимъ именно образомъ. Въ противномъ случаѣ соблюдаются правила, постановленные въ ст. 3534, 3672 и слѣд. ч. III св. м. уз. (ст. 158). Отъ усмотрѣнія судьи зависитъ опредѣлить: въ какой мѣрѣ доказательная сила акта уничтожается или уменьшается вслѣдствіе помарокъ, подчистокъ, вставокъ или иныхъ внѣшнихъ недостатковъ (ст. 159).

Итакъ, самое существенное отличіе проектируемыхъ правилъ о доказательной силѣ письменныхъ актовъ отъ соотвѣствующихъ постановленій устава заключается въ томъ, во-первыхъ, что на основаніи устава крѣпостные и явочные письменные акты имѣютъ обязательную для суда силу до опроверженія ихъ *подлинности* или до представленія доказательства, что они *потеряли свою силу*; проектъ же опредѣляетъ, что публичные акты имѣютъ силу доказательства доколѣ не вѣрность ихъ *содержанія* не будетъ доказана, и во-вторыхъ, въ томъ, что по проекту не предоставляется публичнымъ актамъ безусловнаго преимущества относительно доказательной силы передъ актами домашними, — такого преимущества, какое предоставлено имъ ст. 459 устава. Это отступленіе отъ устава объясняется въ запискѣ: во-первыхъ, болѣе строгимъ проведеніемъ въ проектѣ начала свободной оцѣнки судомъ представленныхъ сторонами доказательствъ и, во-вторыхъ, мѣстными особенностями края. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ — гово-

рять по этому поводу составители проекта — было бы невыгодно устанавливать большую, сравнительно съ домашними актами, силу актовъ публичныхъ, уже по одному тому, что, по неоднородности состава населенія этого края и по разнообразію мѣстныхъ языковъ, здѣсь скорѣе, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, возможны ошибки въ актахъ, составленныхъ при участіи должностныхъ лицъ, именно вслѣдствіе могущихъ оказаться неточностей перевода и вообще невѣрности пониманія объясненій участниковъ сдѣлки. Кромѣ того, проектъ предназначенъ для мировыхъ учреждений, которыя, по основной идее своей, производятъ разбирательство преимущественно по совѣсти, а не по формальнымъ доказательствамъ. Наконецъ, и примѣръ иностранныхъ законодательствъ въ области процесса убѣждаетъ въ цѣлесообразности проектируемаго правила, допускающаго возможность доказывать невѣрность содержанія публичныхъ документовъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ ходъ законодательныхъ работъ по составленію общегерманскаго устава гражд. судопр., въ проектахъ котораго постепенно выяснялась необходимость предоставленія тяжущимся опровергать невѣрность содержанія публичныхъ актовъ всеми возможными способами...

Что касается до *производства о подлинности актовъ*, то въ этомъ отношеніи проектъ также существенно отличается отъ устава. Такъ, проектъ вовсе не устанавливаетъ различія въ производствѣ по сомнѣнію въ подлинности акта и по спору о подлогѣ; тотъ и другой споръ можетъ быть заявленъ во всякомъ положеніи дѣла и притомъ безразлично, писанъ ли актъ отъ имени того, кѣмъ оспаривается, или отъ имени 3-го лица; въ последнемъ случаѣ, впрочемъ, непризнаніемъ документа считается, какъ и по уставу, простое объявленіе стороны, что она не знаетъ, подлинный ли этотъ документъ; въ томъ и другомъ случаѣ подлинность акта изслѣдуется самимъ мировымъ судьей; никакого штрафа за оказавшійся неосновательнымъ споръ о подлогѣ не полагается. *Opus probandi* между сторонами распределяется проектомъ также иначе, чѣмъ по уставу: подлинность домашнего акта, непризнаннаго противною сто-

роною, всегда должно доказывать лицо, представившее тотъ актъ; подлинность же актовъ публичныхъ предполагается несомнѣнною и должна быть опровергаема лицомъ, заявляющимъ сомнѣніе въ ихъ подлинности или споръ о подлогѣ. Никакихъ мотивовъ, оправдывающихъ эти отступленія отъ общаго устава, въ объяснительной къ проекту запискѣ не приведено.

Наконецъ, производство по *истребованію документовъ* отъ участвующихъ въ дѣлѣ или 3-хъ лицъ представляетъ, по проекту, слѣдующія особенности: уставъ (ст. 442) обязываетъ каждую сторону представлять, по требованію противника, всякій документъ, могущій служить къ подтвержденію спорныхъ обстоятельствъ дѣла; проектъ же возлагаетъ эту обязанность на тяжущагося лишь въ томъ случаѣ, когда: 1) требующему представленія акта принадлежитъ право или личной или общей собственности на требуемый актъ, и 2) когда актъ, по своему содержанію, общій. При этомъ проектъ опредѣляетъ, что акты, по своему содержанію, считаются общими для тѣхъ лицъ, въ интересѣ коихъ они совершены, или о взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ коихъ они свидѣлствуютъ. Равнымъ образомъ считаются общими актами письменныя сношенія сторонъ по юридическимъ дѣламъ (ст. 171). Не участвующія въ дѣлѣ лица обязаны представлять въ судъ, по требованію кого-либо изъ тяжущихся, находящіеся у нихъ акты также только въ случаяхъ, означенныхъ выше (174). Если сторона, отъ которой требуется актъ, отрицаетъ нахожденіе у ней того акта, то она должна дать присягу въ томъ, что, несмотря на тщательныя розысканія, она не могла найти у себя требуемаго акта, и не знаетъ, чтобы онъ у нея находился, что она не передала его въ другія руки съ цѣлію лишать противника доказательства, и что она не знаетъ, гдѣ актъ въ настоящее время находится (172). Въ противномъ случаѣ, а также и въ случаѣ отказа дать какое-либо объясненіе по содержанію просьбы о представленіи акта, содержаніе его въ томъ видѣ, какъ оно было показано требующимъ представленія его, признается доказаннымъ (173). Не участвующее же въ дѣлѣ лицо, въ случаѣ отказа представить къ дѣлу находящійся у него документъ

или непредставленія уважительнаго отзыва, подвергается, по опредѣленію судьи, денежному штрафу въ размѣрѣ отъ 25 коп. до 5 руб., смотря по важности дѣла и по состоянію 3-го лица, причемъ ему назначается для представленія документа новый срокъ; въ случаѣ вторичнаго неисполненія требованія судьи 3-е лицо вновь подвергается тому же штрафу (ст. 174 и 140).

Отдѣленіе V главы о доказательствахъ посвящено постановленіямъ о присягѣ.

Постановленія проекта по этому предмету рѣзко отличаются отъ устава. Между тѣмъ какъ по уставу (ст. 115 и 457) присяга допускается лишь какъ одинъ изъ видовъ окончанія дѣла, — допускается притомъ не иначе, какъ по взаимному соглашенію сторонъ и въ иниціативу суда, — проектъ придаетъ ей значеніе самостоятельнаго судебного доказательства, и вслѣдствіе того опредѣляетъ: 1) что предметомъ ея могутъ быть лишь существенныя и достаточно опредѣленныя обстоятельства (а не возникающія изъ нихъ обязанности той или другой стороны, какъ по уставу); 2) что присяга можетъ быть назначаема тому или другому изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ по требованію противника или по усмотрѣнію судьи, и 3) что отказъ принять присягу принимается за признаніе противнаго тому, что должно было быть подтверждено присягою. При этомъ проектъ устанавливаетъ нѣсколько отдѣльныхъ видовъ присяги, именно: 1) *присяга, отданная на душу, или обратно отданная*. Этотъ видъ присяги допускается только по иниціативѣ сторонъ, изъ коихъ каждая можетъ потребовать, чтобы противникъ самъ принесъ присягу, либо отдалъ ее обратно на душу требующему присяги. Отдача на душу, однако, не допускается: 1) въ дѣлахъ, которыя не могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ; 2) когда противное тому, что предполагается подтвердить присягою, всѣмъ извѣстно или вполне доказано, въ особенности же когда оно составляетъ содержаніе акта, имѣющаго полную доказательную силу; 3) въ видѣ доказательства противнаго (*Gegenbeweis*), когда оно, какъ и приведенное въ подтвержде-

ніе заявленій другой стороны доказательство, имѣть своимъ непосредственнымъ предметомъ одни и тѣже спеціальныя обстоятельства, и 4) для прямого опроверженія подлинности публичнаго акта. Впрочемъ, присяга можетъ быть предложена въ опроверженіе законныхъ предположеній, если только сіи послѣдніе могутъ быть вообще опровергаемы» (ст. 188 и 189). Другой видъ присяги составляетъ присяга *дополнительная*, назначаемая по ст. 194 проекта, по усмотрѣнію судьи или по просьбѣ тяжущагося, въ томъ случаѣ, когда судья найдетъ, что представленныя тяжущимися доказательства, хотя и заслуживаютъ уваженія, но недостаточны для полного убѣжденія въ истинѣ того обстоятельства, которое надлежало доказать. Третій видъ составляетъ присяга *оцѣночная*, назначаемая тяжущемуся, который утверждаетъ, что, по злому умыслу или грубой неосторожности противной стороны, ему причиненъ убытокъ, который не можетъ быть опредѣленъ инымъ способомъ. Въ этомъ случаѣ судья опредѣляетъ сумму, до которой тяжущемуся дозволяется подтвердить присягою свои убытки, а истецъ присягаетъ въ томъ, что, по его убѣжденію, причиненный ему убытокъ простирается по крайней мѣрѣ до указанной имъ или судьей суммы (ст. 196 и 197). Послѣднимъ, наконецъ, видомъ представляется *явочная присяга*, имѣющая мѣсто въ томъ случаѣ, когда тяжущійся обязанъ объявить о совокупности находящихся въ его власти вещей или правъ, а также если онъ обязанъ представить таковыя или же сообщить свѣдѣнія объ ихъ состояніи. Въ случаѣ отказа принять явочную присягу, обязанный учинить таковую присуждается къ тюремному заключенію срокомъ не выше 8 дней, а противникъ. можетъ просить о допущеніи его къ оцѣночной присягѣ (ст. 198 и 199).

Всѣ эти виды присяги существуютъ въ нынѣ дѣйствующемъ гражданскомъ процессѣ прибалтійскихъ губерній и упоминаются не только въ старинныхъ источникахъ мѣстнаго процесса, но также и въ крестьянскихъ положеніяхъ остзейскихъ губерній. Сохранить же ихъ и на будущее время министерство юстиціи признало необходимымъ, какъ видно изъ объяснительной записки, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ гражданскихъ законахъ

прибалтійскаго края неоднократно упоминается о присягѣ, какъ средствѣ для удостовѣренія въ истинности извѣстныхъ событій; напримѣръ, о ней говорится въ законахъ объ опекахъ (ст. 398 ч. III св. мѣстн. узак.), о союзѣ брачномъ (ст. 184 тамъ же), о правѣ выкупа (ст. 1626, 1631 тамъ же). Посему, устраненіе присяги изъ числа судебныхъ доказательствъ нарушило бы прямой смыслъ многихъ статей гражданскихъ законовъ, неприкосновенность коихъ при настоящей судебной реформѣ не должна возбуждать ни малѣйшихъ сомнѣній. 2) Съ принятіемъ взгляда устава 20 ноября на присягу не только были бы упразднены отдѣльныя статьи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, но было бы нарушено основаніе всего прибалтійскаго договорнаго права (*Vertragsrecht*) и разрушена была бы вся система обязательствъ, установленная въ духѣ довѣрія къ данному слову и въ предположеніи, что подтвержденное присягою показаніе добросовѣстнаго контрагента, разсчитывавшаго на честность лица, съ которымъ онъ заключилъ сдѣлку, можетъ служить достаточно убѣдительнымъ для суда доказательствомъ. Въ виду этого, оsterreichское договорное право даетъ полную юридическую силу сдѣлкамъ, совершеннымъ безъ соблюденія формальныхъ условій, т.-е. безъ привлеченія свидѣтелей (*testes solennitatis causa*) и необлеченныхъ даже въ письменную форму (ст. 3113 ч. III св. мѣстн. узак.). Лишеніе добросовѣстныхъ контрагентовъ права подтвердить справедливость своихъ заявленій присягою, остающаюся часто единственнымъ для нихъ средствомъ доказыванія, представлялось бы весьма суровою для нихъ мѣрою, и, колебля существующее довѣріе и кредитъ въ гражданскомъ оборотѣ, послужило бы къ выгодѣ лишь лицъ недобросовѣстныхъ. 3) Многовѣковая практика судебныхъ учреждений прибалтійскаго края убѣждаетъ въ необходимости оставленія на будущее время присяги въ оsterreichскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ; въ этому средству доказыванія мѣстные жители и судебное сословіе успѣли настолько привыкнуть, что устраненіе изъ гражданскаго процесса обязательной присяги не встрѣтило бы сочувствія въ означенномъ край и шло бы въ разрѣзъ съ юридическими воззрѣніями, въ немъ преобладаю-

щими. И, наконецъ, 4) замѣна постановленій II части X тома о присягѣ (ст. 420—440) новыми правилами устава 20 ноября о добровольной присягѣ не только не встрѣтила особыхъ затрудненій во внутреннихъ губерніяхъ, но даже была такъ сказана вызвана обстоятельствами историческими и мѣстными, весьма отличными отъ тѣхъ, въ какихъ и понынѣ пребываютъ прибалтійскія губерніи. Составители судебныхъ уставовъ прямо доказывали необходимость исключенія присяги изъ числа судебныхъ доказательствъ духомъ исторіи русскаго права, чисто русскими юридическими воззрѣніями и судебною практикою внутреннихъ губерній. Что русскому народу болѣе свойственъ римскій взглядъ на присягу, какъ на средство окончанія дѣла миромъ (*jusjurandum voluntarium*), а не какъ на судебное доказательство, въ этомъ можно убѣдиться не только изъ разсмотрѣнія коренныхъ памятниковъ древняго нашего права, но даже и изъ юридическихъ пословицъ, живущихъ и теперь въ русскомъ простонародѣ. Примѣръ той легкости, съ какою измѣнено было у насъ новыми судебными уставами понятіе о присягѣ, не доказываетъ возможности исключить ее изъ числа судебныхъ доказательствъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ прибалтійскихъ губерній, гдѣ она гораздо болѣе окрѣпла, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Послѣднія три отдѣленія главы о доказательствахъ, именно: *о признаніи, осмотрѣ на мѣстѣ и заключеніи свидѣющихъ людей* (ст. 200—217 проекта), не отличаются ничѣмъ существеннымъ отъ соответствующихъ имъ постановленій устава, изложенныхъ въ статьяхъ: 112—114, 119—124, 479—484 и 507—533. Измѣнена только нѣсколько редакція ст. 112 и 481, да введено новое правило о значеніи признанія, учиненнаго тяжущимися вѣ судъ. Доказательная сила такого признанія зависитъ, по 203 ст. проекта, «отъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая, значеніе конхъ судья опредѣляетъ по убѣжденію совѣсти». Кромѣ этого общаго правила, въ той же статьѣ проекта постановлено: «учиненіе тяжущимися вѣ судъ при-

знанія, если совершеніе онаго въ дѣйствительности отрицается противною стороною, должно быть доказано установленными видами доказательствъ». И далѣе: «въ опроверженіе признанія, učinеннаго вѣдъ суда, допускается представленіе доказательствъ противнаго, которыя могутъ быть направлены и къ удостовѣренію того, что признанное невѣрно».

Шестая глава 1 кн. уст. гражд. суд. посвящена, какъ извѣстно, правиламъ объ обезпеченіи исковъ. О подобномъ же предметѣ идетъ рѣчь и въ соотвѣтствующей главѣ проекта. Но только о *подобномъ*, а не о томъ же самомъ. VI глава проекта «о наложеніи ареста» посвящена особому процессуальному институту, извѣстному въ Германіи подъ именемъ Arrestprozess'a.

Главное отличіе этой главы проекта отъ соотвѣтствующей главы устава заключается въ томъ, что, по проекту, допускается возможность обезпеченія иска, *еще не представленнаго въ судъ*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и такого иска, самое возникновеніе котораго зависитъ отъ наступленія каковаго-либо условія или извѣстнаго срока (ст. 218 проекта).

Необходимость такого отступленія отъ устава мотивируется въ объяснительной къ проекту запискѣ слѣдующими соображеніями: 1) обезпеченіе предстоящихъ исковъ о взысканіи не отвергнуто уставомъ, но лишь не предусмотрено имъ, такъ какъ вопросъ о подобномъ процессуальномъ охраненіи правъ не возникалъ при самомъ составленіи устава. 2) Потребность въ судебномъ охраненіи своихъ требованій до начатія иска, представленіе котораго представляется часто преждевременнымъ, ощущается и во внутреннихъ губерніяхъ; доказательствомъ каковой потребности служатъ имѣющіяся въ дѣлахъ министерства юстиціи ходатайства земскихъ собраній по этому предмету. Такъ, въ виду того обстоятельства, что по судебнымъ уставамъ 20 ноября мѣры въ сбереженію имущества должника отъ растраты или сокрытія могутъ быть приняты, по большей части, только послѣ долгаго и медленнаго производства въ окружномъ судѣ, отстоящемъ отъ

мѣста нахождения имущества иногда за нѣсколько сотъ верстъ, херсонское губернское земское собраніе ходатайствуетъ о возложеніи на мировыя учрежденія обязанности принимать мѣры къ охраненію имущества должниковъ, въ особенности о немедленномъ по просьбѣ истца наложеніи ареста на движимое имущество арендатора, когда предвидится, что послѣдній растратитъ или скроетъ какъ свое имущество, такъ и хозяйственный инвентарь. 3) Подобное правило издавна существуетъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и оказывается въ высшей степени для нихъ полезнымъ.

Дальнѣйшія отличія проектируемыхъ правилъ отъ постановленій устава по обеспеченію исковъ заключаются въ слѣдующемъ: а) въ проектѣ вовсе не упоминается о *наложеніи запрещенія на недвижимыя имѣнія*. Это потому, — говорятъ составители проекта, — что «такимъ судебнымъ запрещеніемъ устанавливался бы родъ вещнаго права на недвижимость, а послѣдняго рода право изъято изъ компетенціи мировыхъ учреждений». б) *Арестъ* можетъ быть наложенъ «не только на права и на движимыя вещи, на которыя можетъ быть обращено взысканіе, но также и на *паспорты и виды*; кроме того, арестъ можетъ состоять и въ запрещеніи должнику *выѣзда*» (ст. 219). Правило это, не объясненію его авторовъ, представляется уже значительнымъ смягченіемъ строгости существующаго нынѣ въ *остзейскихъ губерніяхъ* личнаго охранительнаго ареста ¹⁾. «Впрочемъ», — объясняютъ, дажѣ, составители проекта, — «личное задержаніе должника существуетъ, какъ мѣра охранительная, отчасти и во внутреннихъ губерніяхъ». Такъ, по уставу торговому, должникъ не только можетъ быть подвергнутъ домашнему аресту (ст. 658 ч. 2 т. XI), или воспрещенію отлучки изъ города черезъ полицію (ст. 1554 *ib.*), но и можетъ быть отданъ подъ стражу (ст. 654 — 656 *ib.*). Что же касается отобранія паспортовъ и видовъ на жительство, какъ мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда, то оно предусмотрено:

¹⁾ При этомъ составители проекта дѣлаютъ ссылку на крестьянскія положенія: *лифляндск.*, ст. 920, *эстляндск.*, ст. 1028 и 1027, *курляндск.*, § 504 и 505.

во-1-хъ, въ уставѣ уголовного судопроизводства (ст. 77 и 416), и, во-2-хъ, въ уставѣ о паспортахъ (т. XIV, ст. 436, по дополн. 63 г.). в) Въ проектѣ нѣтъ правила, чтобы по обязательствамъ, засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ, судья не могъ отказать въ обеспеченіи иска (ст. 125 и 595 устава), «такъ какъ примѣненіе этого правила къ производству, возникающему еще до начатія въ надлежащемъ судѣ иска о взысканіи по означеннымъ документамъ, представлялось бы мѣрою не только излишне отяготительною для должника, но иногда и несправедливою».

Что касается самаго *порядка* производства по просьбамъ о наложеніи ареста, то въ этомъ отношеніи проектируются слѣдующія правила: просьба о наложеніи ареста можетъ быть принесена или тому судѣ, которому подсудно главное дѣло, или, если искъ еще не предъявленъ, тому, въ участіи котораго находится имущество, подлежащее аресту (220). Если такая просьба будетъ признана судьей основательною, то о наложеніи ареста постановляется письменное опредѣленіе «на счетъ и страхъ истца», причемъ *не требуется предварительнаго выслушанія противника*. Опредѣленіе это, однако, должно быть немедленно вручено въ копіи отвѣтчику (223). Если же судья не найдетъ возможнымъ постановить опредѣленіе о наложеніи ареста, не выслушавъ предварительно противника, то онъ назначаетъ, по общимъ правиламъ, день для состязанія по просьбѣ о наложеніи ареста (229). На опредѣленіе судьи, постановленное безъ выслушанія отвѣтника, жалоба не допускается; но отвѣтникъ можетъ подать просьбу судѣ о допущеніи его къ словеснымъ объясненіямъ, «по представленіи конхъ въ присутствіи противной стороны судья назначаетъ, по общимъ правиламъ, день для разсмотрѣнія ходатайства объ арестѣ. Для состязанія по возраженію, судья назначаетъ день по общимъ правиламъ». Подача отвѣтикомъ такой просьбы не останавливаетъ, однако, приведенія въ исполненіе постановленнаго уже опредѣленія объ арестѣ (226). Когда просителемъ не представлено «удостоверенія въ основательности его ходатайства» объ арестѣ или представленное удостовѣреніе

признано недостаточнымъ, то судья можетъ наложить арестъ, по предварительномъ обезпеченіи истцомъ убытковъ и издержекъ отвѣтчика, если только требованіе, долженствующее быть обезпеченнымъ, не лишено основанія, и притомъ слѣдуетъ опасаться, что въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи просьбы объ арестѣ взысканіе сдѣлается невозможнымъ (224). Когда для обезпеченія какого-либо требованія арестъ наложенъ до начала иска по тому требованію, а проситель, на основаніи начала *гражданскаго права*, уже могъ предъявить искъ, то ему, по просьбѣ отвѣтчика, назначается для этого опредѣленный срокъ. Если въ теченіе этого срока искъ предъявленъ не будетъ, то, по просьбѣ отвѣтчика, арестъ отмѣняется. «Если объ отмѣнѣ ареста послѣдовало заочное опредѣленіе, то отзывъ противъ этого опредѣленія не допускается» (230). Опредѣленіе о наложеніи ареста приводится въ исполненіе по просьбѣ истца, причемъ сила такого опредѣленія превращается, если просьба о приведеніи его въ исполненіе не будетъ предъявлена въ продолженіе 8 дней, считая со дня постановленія опредѣленія (231). По мѣрѣ уничтоженія причинъ, послужившихъ поводомъ къ аресту, или по мѣрѣ обезпеченія требованія истца самимъ отвѣтчикомъ, арестъ отмѣняется (238). Если по требованію, обезпеченному арестомъ, уже предъявленъ искъ, то просьба объ отмѣнѣ ареста должна быть подана разсматривающему дѣло судѣ. Если опредѣленіе объ арестѣ было обжаловано, то распоряженіе объ отмѣнѣ ареста должно быть сдѣлано тѣмъ судомъ, которому подлежитъ разрѣшеніе жалобы (239).

Засимъ, въ VI главѣ проекта есть еще шесть статей, опредѣляющихъ порядокъ исполненія постановленій объ арестѣ, но объ этомъ мы будемъ говорить подробно во 2-й части своей статьи.

Глава седьмая — о рѣшеніи — также представляетъ весьма важныя нововведенія сравнительно съ общимъ уставомъ. Тамъ, ст. 246 проекта опредѣляетъ, что когда предъявлено нѣсколько требованій и лишь по нѣкоторымъ изъ нихъ производство за-

ключено, или когда рѣшеніе можетъ быть постановлено только относительно части одного и того же требованія, то усмотрѣнію судьи предоставляется рѣшить немедленно приготовленную къ разрѣшенію часть или же отложить рѣшеніе оной до той, пока можно будетъ рѣшить все дѣло (св. мѣстн. уз. ч. III ст. 3515) ¹⁾. По дѣламъ о взысканіи убытковъ судья предоставляется, въ случаѣ невозможности или большаго затрудненія опредѣлить размѣръ ихъ по доказательствамъ сторонъ, назначить потерпѣвшему убытку вознагражденіе по совѣсти (247). Если въ рѣшеніи какой-либо спорный предметъ не разрѣшенъ, то стороны могутъ просить о дополненіи рѣшенія. Если же рѣшеніе содержитъ въ себѣ неясности, двусмысленности или противорѣчія, то стороны могутъ просить о разъясненіи онаго, но не позже *3-хъ дней* по изготовленіи рѣшенія (257). Навонецъ, порядокъ *объявленія* рѣшенія въ проектѣ также опредѣленъ нѣсколько иначе, чѣмъ въ уставѣ. «Объявленіе рѣшенія» — говоритъ 256 ст. проекта — «слѣдуетъ обыкновенно непосредственно за окончаніемъ производства дѣла. Тотъ же порядокъ соблюдается при объявленіи заочныхъ рѣшеній, за исключеніемъ случаевъ, для коихъ настоящимъ уставомъ опредѣлено иначе. При объявленіи рѣшенія, судья можетъ ограничиться прочтеніемъ сущности рѣшенія, но въ такомъ случаѣ онъ обязанъ изложить оное въ окончательной формѣ не далѣе какъ въ 3 дня послѣ объявленія рѣшенія». Засимъ: «Въ случаѣ неявки сторонъ или одной изъ нихъ въ назначенный для объявленія рѣшенія день, судья тѣмъ не менѣе распоряжается объявленіемъ рѣшенія и немедленно провозглашаетъ оное. Срокъ на подачу апелляціи и въ этомъ случаѣ также исчисляется со времени объявленія рѣшенія. Но *противъ заочною постановленія объ объявленіи рѣшенія* тяжущіеся могутъ подать *отзывъ*, и если этотъ отзывъ будетъ признанъ основательнымъ, то объявленіе рѣшенія повторяется для стороны, подавшей *отзывъ*».

¹⁾ Въ цитированной составителями проекта статей мѣстныхъ гражд. законовъ сказано: „если изъ долга одна часть оспаривается, а другая нѣтъ, то судъ можетъ принудить *кредитора* къ *принятію* безспорной части“.

Въ остальномъ седьмая глава проекта повторяетъ 129—144 ст. уст. лишь съ весьма незначительными редакціонными измѣненіями, о которыхъ рѣчь впереди.

Глава восьмая — о заочномъ рѣшеніи и объ отзывѣ — состоитъ изъ 14 статей, изъ коихъ пять заимствованы буквально изъ устава (147, 148, 152, 154 и 155 устава), четыре взяты также изъ устава (именно ст. 149, 150, 151 и 153), но съ измѣненіемъ въ редакціи, вызваннымъ нововведеніями, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, и наконецъ пять статей совершенно новыхъ. Главнѣйшія отступленія отъ устава заключаются въ слѣдующемъ: 1) предполагается постановлять заочныя рѣшенія не только въ случаѣ неявки въ назначенному сроку отвѣтчика, но также и въ случаѣ неявки истца. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ возможно, впрочемъ, только одно рѣшеніе: отказать въ искѣ и присудить истца въ уплатѣ судебныхъ издержекъ (ст. 261 проекта). 2) Въ проектѣ не принято начало (конецъ 145 ст. устава), въ силу коего прекращенное за неявою истца производство не прерываетъ теченія земской давности. Не принято это начало, по объясненію составителей проекта, на томъ основаніи, что, по ст. 3629 ч. III св. м. у., давность прерывается самымъ начатіемъ иска въ надлежащемъ судѣ или передъ избраннымъ посредникомъ. «Для обезпеченія же отвѣтчиковъ противъ неоднократнаго возобновленія недобросовѣстными истцами однихъ и тѣхъ же исковъ» постановляется, что отвѣтчикъ вправе отклонить производство по отзыву истца на заочное рѣшеніе *или по новому иску по тому же самому дѣлу* до тѣхъ поръ, пока истецъ не вознаградитъ его за причиненныя ему издержки (конецъ ст. 261 проекта). 3) Проектъ постановляетъ, что «въ случаѣ неявки отвѣтчика въ день, назначенный для словеснаго состязанія, приведенныя истцомъ обстоятельства, по просьбѣ его, принимаются за признанныя отвѣтникомъ и судья присуждаетъ истцу его требованія, если изъ приведенныхъ имъ обстоятельствъ вытекаетъ правильность его иска» (ст. 262). Правило это — говорятъ составители про-

ства—не составляет нововведения въ *мыслимомъ* процессѣ, такъ какъ оно уже дѣйствуетъ въ немъ издавна. Но, кромѣ того, предположенная проектомъ мѣра строгости противъ не являющагося въ суду отвѣтчика оправдывается, по словамъ объяснительной записки, «еще и тѣми соображеніями, что, въ силу принятаго уставомъ правила, кои въ заочнымъ рѣшеніемъ присуждаются истцу лишь требованія, имъ *доказанныя*, положеніе истца, при разборѣ дѣла безъ присутствія отвѣтчика, ухудшается, потому что ему приходится въ такомъ случаѣ доказывать такія изъ приведенныхъ имъ въ подтвержденіе своего иска обстоятельство, которыя отвѣтчикъ, въ случаѣ явки въ судъ, не оспаривалъ бы; между тѣмъ какъ по затруднительности, а иногда и по невозможности представить для истца эти доказательства, судъ, въ заочныхъ рѣшеніяхъ, нерѣдко отказываетъ истцамъ въ такихъ искахъ, которые были бы присуждены въ случаѣ явки отвѣтчиковъ.... Въ отраженіе же интересовъ лицъ, живущихъ внѣ предѣловъ прибалтійскаго края, и противъ которыхъ могли бы состояться заочныя рѣшенія съ болѣе строгими, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, послѣдствіями, вполне достаточно предоставить право отзыва на основаніяхъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми, кои приняты уставомъ 20 ноября, и съ сохраненіемъ тѣхъ же для подачи отзывовъ сроковъ». Однако, и правила устава, касающіяся отзывовъ на заочныя рѣшенія, потерпѣли въ проектѣ одно весьма существенное измѣненіе, о которомъ, впрочемъ, вовсе умалчиваетъ объяснительная записка ¹⁾. Измѣненіе это заключается въ томъ, что: 4) противъ втораго заочнаго рѣшенія не допускается принести апелляціонной жалобы, но не явившейся сторонѣ предоставляется просить о пересмотрѣ рѣшенія (о возстановленіи въ прежнее состояніе), на основаніи ст. 335 проекта, т. е. когда не явившаяся сторона докажетъ, что причиною неявки были *неизбѣжныя и не зависящія* отъ нея обстоятельства (ст. 272).

¹⁾ Въ объяснит. запискѣ говорится, что *все* правила устава объ отзывахъ на заочныя рѣшенія вошли въ проектъ съ тѣмъ *единственнымъ* лишь измѣненіемъ, что такіе отзывы могутъ быть подаваемы не только отвѣтчиками, но и истцами, противъ коихъ постановлены были заочныя рѣшенія (стр. 27).

Но «насколько отсутствіе по необходимости ограждаетъ отъ послѣдствій неявки, опредѣляется въ ст. 3088—3092 ч. III св. м. уз.» (273).

Исполненіе рѣшеній мировыхъ судей (гл. IX проекта) будетъ производиться мѣстными полицейскими и волостными начальствами на основаніи правилъ нынѣ дѣйствующаго въ прибалтійскихъ губерніяхъ порядка исполненія судебныхъ рѣшеній; причемъ просьба о приведеніи рѣшенія въ исполненіе должна быть подана тому присутственному мѣсту, въ округѣ котораго проживаетъ лицо, присужденное къ платежу или къ исполненію обязательства (ст. 277 и 278 проекта). Рѣшенія, однако, будутъ обрабатываемы мировыми судьями къ исполненію не иначе, какъ по желанію взыскателя, которому и выдается въ такомъ случаѣ исполнительный листъ (276 и 277 ст. проекта). Всѣ споры, возникающіе по исполненію рѣшенія, а равно жалобы на медленность исполненія, подлежатъ разрѣшенію мирового судьи, въ участіи котораго исполненіе производится; а возникающія при исполненіи рѣшенія недоумѣнія относительно смысла рѣшенія разрѣшаются судьей, постановившимъ рѣшеніе (ст. 279 и 280).

По поводу этой главы проекта въ объяснительной къ нему запискѣ говорится:

«Такъ какъ весьма важно, чтобы въ одномъ и томъ же государствѣ главныя начала приведенія судебныхъ рѣшеній въ исполненіе были одинаковы, то признано полезнымъ ввести въ прибалтійскихъ губерніяхъ, по образцу существующихъ во внутреннихъ губерніяхъ, исполнительные листы, долженствующіе замѣнить собою тѣ надписи или исполнительныя резолюціи, кои дѣлаются въ настоящее время прибалтійскими судебными мѣстами на самыхъ рѣшеніяхъ, подлежащихъ приведенію въ исполненіе. Рѣшенія мировыхъ судей въ прибалтійскихъ губерніяхъ, какъ и во внутреннихъ, будутъ обращаться къ исполненію не иначе, какъ по желанію взыскателя, который долженъ обратиться съ просьбою къ мировому судѣ, поста-

новившему рѣшеніе, о выдачѣ ему исполнительнаго листа, и затѣмъ этотъ уже листъ онъ можетъ представить тому присутственному мѣстѣ, въ округѣ котораго должно быть приведено рѣшеніе въ исполненіе; самое же исполненіе предполагается пока производить на основаніи нынѣ дѣйствующаго въ прибалтійскихъ губерніяхъ порядка приведенія судебныхъ рѣшеній въ исполненіе, такъ какъ распространеніе на мировыя учрежденія прибалтійскихъ губерній порядка, изложеннаго въ раздѣлѣ V книги II устава гражданскаго судопроизводства и принимаемаго, въ силу ст. 159 устава, въ мировымъ установленіямъ внутреннихъ губерній, представляется въ настоящее время невозможнымъ, въ виду самаго содержанія правилъ означеннаго раздѣла, несогласованныхъ съ мѣстными обстоятельствами прибалтійскаго края и съ дѣйствующимъ въ немъ гражданскимъ правомъ. Независимо отъ сего, въ настоящей главѣ проекта не упоминается о судебныхъ приставахъ, какъ объ учрежденіи, не существующемъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и не предполагаемомъ пока еще во введенію въ оныхъ.

Десятая глава проекта—объ обжалованіи постановленій мировыхъ судей—состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ говорится объ апелляціи, а во второмъ—о частной жалобѣ. Въ десяти статьяхъ 1-го отдѣленія содержатся постановленія, болѣею частію заимствованныя изъ устава 20 ноября (162, 164, 165, 747, 1 п. 755, 764 и 766 ст.), съ нѣкоторыми только, чисто редакціонными измѣненіями. Допущенныя же въ проектируемыхъ правилахъ объ апелляціи отличія отъ устава заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ проектѣ прямо выражено, что при апелляціи можно ссылаться на новыя доказательства и новыя обстоятельства дѣла, не бывшія въ виду при разсмотрѣніи дѣла въ 1-й инстанціи. 2) Вслѣдствіе допущенія проектомъ такъ называемыхъ рѣшеній въ части иска (Theilurtheile) въ излагаемое отдѣленіе введено правило, что апелляція на подобныя рѣшенія допускается лишь послѣ рѣшенія, состоявшагося въ остальной части иска, и что въ случаѣ, если бы

эта послѣдняя часть иска окончена была не рѣшеніемъ по существу, а инымъ способомъ (примиреніемъ, отказомъ отъ жалобы и т. п.), то срокъ на подачу апелляціонной жалобы исчисляется съ того дня, въ который стороны объявили судья о прекращеніи ими спора (284). 3) Въ проектѣ опредѣляются съ подробностію правила о присоединеніи противной стороны къ апелляціонной жалобѣ (*adhaesio appellacionis*). Правила эти слѣдующія: противная сторона вправе *присоединиться* къ жалобѣ апеллятора, *подавъ* и отъ себя жалобу на рѣшеніе, насколько оно еще не вошло въ законную силу, независимо отъ того, состоитъ ли жалоба противной стороны въ связи съ жалобой апеллятора, или нѣтъ. Присоединеніе допускается и тогда, когда миновалъ уже срокъ на подачу апелляціонной жалобы, или когда присоединяющійся, до подачи жалобы апеллиторомъ, подчинился добровольно рѣшенію (288). Это правило въ существѣ своемъ согласно съ правиломъ, выраженнымъ въ ст. 764 устава: разница только редакціонная. Новыя же двѣ статьи проекта (289 и 290) гласятъ: «отказомъ апеллятора отъ апелляціонной жалобы не устраняется жалоба присоединившейся къ апелляціи противной стороны, *если только она могла быть заявлена въ видѣ самостоятельной апелляціонной жалобы*». И далѣе: «когда апелляціонная жалоба оставлена *безъ движенія*, по причинѣ несвоевременнаго принесенія оной, то присоединеніе противной стороны къ апелляціонной жалобѣ остается *безъ послѣдствій*. То же правило допускается и въ тѣхъ случаяхъ, когда апелляціонная жалоба не можетъ быть допущена».

Что касается *частныхъ жалобъ*, то въ этомъ отношеніи отличія проекта отъ устава заключаются въ слѣдующемъ: 1) статья 292 проекта подробно перечисляетъ случаи, въ которыхъ дозволяется приносить частныя жалобы отдѣльно отъ апелляцій, причеиъ къ случаямъ, численнымъ въ ст. 166 устава, добавляетъ: а) отказъ въ просьбѣ объ устраниіи судьи; б) опредѣленіе, коимъ отказано, безъ выслушанія противной стороны, въ началѣ производства по существу дѣла или по

какому-либо частному вопросу, а также опредѣленіе, коимъ начатіе производства обусловливается предварительнымъ выполненіемъ постановленнаго судьей распоряженія; в) отказъ въ просьбѣ объ отобраніи доказательствъ вѣчной памяти, вслѣдствіе возраженій противной стороны; г) опредѣленіе о приостановленіи производства до вступленія въ законную силу рѣшенія по другому иску, или до окончанія уголовного производства, или вообще впредь до новаго распоряженія; д) отказъ въ просьбѣ о постановленіи заочнаго рѣшенія по случаю несоблюденія законныхъ формъ при вызовѣ; е) опредѣленіе о приведеніи рѣшенія въ исполненіе или объ отказѣ въ ономъ; ж) опредѣленія по частнымъ вопросамъ, возникшимъ между тяжущимися, съ одной стороны, и вступившимъ въ дѣло третьимъ лицомъ или свидѣтелями, свѣдущими людьми и посторонними владѣльцами документовъ—съ другой; отказъ въ просьбѣ о допущеніи къ разсмотрѣнію актовъ производства или о выдачѣ копій съ оныхъ. 2) Опредѣленія, на которыя допускаются частныя жалобы, не могутъ быть обжалованы въ апелляціи. «Если же, вслѣдствіе принесенія апелляціонной жалобы, дѣло будетъ перенесено въ мировой сѣздъ, то частная жалоба можетъ быть предъявлена во время производства дѣла въ семь сѣздѣ, когда это не влечетъ за собою замедленія въ рѣшеніи дѣла по существу» (ст. 293). 3) Допущено отступленіе отъ порядка разрѣшенія частныхъ жалобъ въ томъ смыслѣ, что по нѣкоторымъ изъ этихъ жалобъ мировой судья, если признаетъ жалобу заслуживающею уваженія, можетъ самъ измѣнить свое опредѣленіе и удовлетворить жалобу (ст. 294); и 4) Въ ст. 296 постановляется, что, въ случаѣ подачи жалобы на отказъ въ просьбѣ объ устраненіи мирового судьи, послѣдній приостанавливаетъ производство и объявленіе рѣшенія по существу дѣла, впредь до разрѣшенія частной жалобы (ср. ст. 198 устава).

Какими соображеніями вызваны всѣ эти отступленія отъ общаго устава—въ объяснительной записки не видно.

Одиннадцатая глава—о порядкѣ производства дѣлъ въ мировыхъ сѣздахъ (ст. 297—319 пр.) — содержитъ въ себѣ 18 статей, почти буквально сходныхъ съ уставомъ (170—178, 180—184, 773—775 и 777), и только 5 статей, уставу неизвѣстныхъ. Въ этихъ пяти статьяхъ заключаются слѣдующія правила: а) Тяжущіеся могутъ представлять мировому сѣзду новыя доказательства и ссылки на новыя обстоятельства, не бывшія въ виду при разсмотрѣніи дѣла мировымъ судьей. Но если сторона, представляющая такія обстоятельства и доказательства, «была въ состояніи представить ихъ еще при производствѣ у мирового судьи», то издержки по производству въ апелляціонной инстанціи падаютъ на эту сторону, вполнѣ или отчасти, даже и въ томъ случаѣ, если бы, на основаніи вновь представленныхъ ею доказательствъ, было постановлено рѣшеніе въ ея пользу (302). б) «Пріостанавливающіе производство отводы могутъ быть предъявляемы въ мировомъ сѣздѣ, когда сторона удостовѣритъ, что она не по своей винѣ была не въ состояніи представить ихъ мировому судѣ. Производство по главному дѣлу, однако, не можетъ быть отклонено въ силу пріостанавливающего отвода; но сѣздъ имѣетъ право назначить по такому отводу отдѣльное производство» (303). в) Измѣненіе иска въ мировомъ сѣздѣ не допускается даже съ согласія противной стороны; но истецъ можетъ представить такія побочныя требованія, о которыхъ онъ не искалъ у мирового судьи, если требованія эти возникли или если сроки удовлетворенія оныхъ наступили послѣ словеснаго состязанія у мирового судьи (304). г) Мировой сѣздъ, *по своему усмотрѣнію* или по просьбѣ сторонъ, можетъ назначить вторичный допросъ свидѣтелей уже допрошенныхъ и потребовать новаго заключенія отъ тѣхъ же самыхъ или отъ другихъ свѣдущихъ людей (305). Последняя, наконецъ, изъ «новыхъ» статей этой главы (312) устанавливаетъ случаи, когда рѣшеніе мирового судьи можетъ быть измѣнено въ ущербъ апеллятору. Случаи эти слѣдующіе: 1) когда отвѣчикъ по апелляціи, принесеніемъ собственной апелляціонной жалобы или присоединеніемъ къ жалобѣ апеллятора, просилъ объ измѣненіи рѣшенія; 2) когда рѣшеніе мирового судьи

основано на выполненіи однимъ изъ тяжущихся присяги по несущественнымъ или уже доказаннымъ противною стороною обстоятельствамъ или въ случаяхъ, въ коихъ закономъ не допускается присяга, и 3) когда въ дѣлѣ есть вопросы, которые подлежатъ разсмотрѣнію съѣзда и безъ ходатайства сторонъ. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ рѣшеніе мирового судьи можетъ быть измѣнено въ ущербъ апеллятору и безъ просьбы противной стороны.

Всѣ эти матеріально-процессуальныя правила — говорятъ составители проекта — не противорѣчатъ духу устава 20 ноября и основываются на нынѣ дѣйствующихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ правилахъ мѣстнаго судопроизводства; поэтому признано возможнымъ внести ихъ въ настоящій проектъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе этихъ правилъ соотвѣтствуетъ вполне началамъ мѣстнаго гражданскаго права.

Двадцатая глава проекта — объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ — представляетъ значительныя и весьма важныя притомъ отличія отъ соотвѣтствующей главы устава 20 ноября.

По уставу, какъ извѣстно, просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній могутъ быть трехъ родовъ: 1) просьбы о кассациіи рѣшеній, которыя допускаются: а) въ случаѣ явнаго нарушенія прямаго смысла закона или неправильнаго его толкованія; б) въ случаѣ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, и в) въ случаѣ нарушенія мировымъ судьей или съѣздомъ свойственныхъ имъ предѣловъ вѣдомства или власти; 2) просьбы о пересмотрѣ рѣшеній въ случаѣ открытія новыхъ обстоятельствъ или въ случаѣ подлога, обнаруженнаго въ актахъ, на коихъ основано рѣшеніе, и 3) просьбы не участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ, когда рѣшеніе, вошедшее въ законную силу, нарушаетъ ихъ права. Изъ этихъ трехъ институтовъ проектъ оставилъ неприкосновеннымъ, въ существѣ, одинъ только институтъ кассациіи. Просьбы не участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ вовсе отмѣняются проектомъ, а производство по просьбамъ о пересмотрѣ

рѣшеній вслѣдствіе вновь отерывшихся обстоятельствъ поставлены имъ въ совершенно инныя, чѣмъ по уставу, условія.

Устраненіе изъ проекта «просьбъ не участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ» въ смыслѣ того особаго процессуальнаго института, о которомъ говорится въ 185, 188, 192 и др. ст. гражданскаго устава, мотивируется въ объяснительной къ проекту запискѣ, главнымъ образомъ, слѣдующими соображеніями. Въ дѣйствительности просьбы третьихъ лицъ объ отмѣнѣ рѣшенія не получили у насъ твердаго положенія, и судебная практика до сихъ поръ не уяснила себѣ границъ случаевъ, подходящихъ подъ понятіе этого института. Колебанія даже кассационной нашей практики въ особенности значительны по вопросу, было ли обязано третье лицо для отысканія своихъ правъ обращаться предварительно къ другимъ процессуальнымъ способамъ, кромѣ принесенія просьбы объ отмѣнѣ рѣшенія, или же должно было, для начатія особаго иска, сперва исходатайствовать отмѣну рѣшенія, нарушавшаго его интересы? Просьбы эти, также какъ и французская «*tierce opposition*», составляютъ чрезвычайное средство обжалованія рѣшеній, и недоумѣнія, встрѣчающіяся въ нашей судебной практикѣ относительно допущенія такихъ просьбъ третьихъ лицъ, суть естественныя послѣдствія того шаткаго положенія, въ какомъ находится въ самой Франціи институтъ *tierce opposition*, по образцу котораго и были внесены въ нашъ уставъ 20 ноября вышеозначенныя просьбы. Въ настоящее время даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ французскій гражданскій процессъ, пришли къ убѣжденію въ необходимости отказаться отъ означеннаго института, по его бесполезности. И дѣйствительно, по общему правилу, сила судебного рѣшенія простирается только на то дѣло, по коему оно состоялось, и рѣшеніе входитъ въ силу лишь по отношенію тѣхъ тяжущихся сторонъ, для которыхъ оно постановлено; слѣдовательно, оно и не можетъ, собственно говоря, нарушать права третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ. Во всякомъ же случаѣ третьи лица, для огражденія своихъ правъ, имѣютъ, и безъ *tierce opposition* или нашихъ просьбъ не участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, еще два средства, предоставляе-

ими имъ каждою системою судопроизводства, какъ и настоящимъ проектомъ: они могутъ осуществлять свои права и оспаривать состоявшееся рѣшеніе, поскольку оно до нихъ относится, или въ формѣ самостоятельнаго иска, когда рѣшеніе уже состоялось и вошло въ законную силу, или же вступать въ дѣло въ качествѣ третьихъ лицъ (Intervention).

Въ виду сазаннаго, въ проектѣ идетъ рѣчь о двухъ только видахъ просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній, вступившихъ въ законную силу: о кассаци и пересмотрѣ рѣшеній или о восстановленіи въ прежнее состояніе. Каждому изъ этихъ процессуальныхъ институтовъ отведено особое отдѣленіе XII главы, а обоимъ этимъ отдѣленіямъ предшествуютъ «общія постановленія». Въ ряду общихъ постановленій обращаютъ на себя вниманіе двѣ статьи: 322 и 323. Первая изъ нихъ постановляетъ, что если тяжущаяся сторона, узнавъ объ обстоятельствахъ, служащихъ поводомъ къ отмѣнѣ состоявшагося по ея дѣлу рѣшенія, объявитъ прямо, что она подчиняется, все-таки, этому рѣшенію, или совершить такіа дѣйствія, изъ коихъ видно, что она подчинилась ему безусловно, то эта сторона не можетъ уже затѣмъ просить объ отмѣнѣ рѣшенія. Статья же 323 содержитъ въ себѣ правило, что «принесеніе просьбы объ отмѣнѣ рѣшенія не останавливаетъ исполненія рѣшенія; но судебное установленіе, рассматривающее эту просьбу, можетъ, по ходатайству тяжущагося и для предупрежденія невовнаградимаго или трудно вознаграждаемаго для него вреда, распорядиться какъ объ отмѣнѣ или приостановленіи исполненія рѣшенія, такъ и о приведеніи его въ исполненіе лишь подъ условіемъ обезпеченія убытковъ противной стороны. Распоряженіе это обжалованію не подлежитъ».

Первое изъ правилъ допущено въ проектѣ, во-первыхъ, потому, что «состязательное начало, положенное въ основу какъ судебныхъ уставовъ 20 ноября, такъ и рассматриваемаго проекта, не дозволяетъ вообще иного способа веденія дѣла на судѣ, какъ въ предѣлахъ воли самихъ сторонъ, отъ коихъ вполне зависитъ отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія своихъ частныхъ правъ», и, во-вторыхъ, потому, что

когда самъ тяжущійся, несмотря на наличность обстоятельствъ, допускающихъ по закону кассацию или пересмотръ рѣшенія, подчинился совершенно сознательно и свободно состоявшемуся по его дѣлу рѣшенію, то разъ выраженная имъ, при такихъ условіяхъ, воля должна уже быть для него обязательною. Правило это—говорять въ заключеніе составители проекта—хотя и не высказано прямо въ уставѣ 20 ноября, однако нисколько не противорѣчитъ его духу и притомъ допущено кассационною практикою, и, кромѣ того, уже заключается въ правилахъ нынѣ дѣйствующаго въ прибалтійскихъ губерніяхъ гражданскаго судопроизводства. Соображеній же, по которымъ признано нужнымъ ввести въ проектъ правило, изложенное въ ст. 323 (ср. ст. 814 устава), въ объяснительной запискѣ не имѣется.

*Второе отдѣленіе XII главы—о кассационной жалобѣ—состоитъ изъ 11 статей, изъ коихъ 8 взяты изъ устава ¹⁾ съ нѣкоторыми только незначительными измѣненіями въ редакціи, а три содержатъ въ себѣ правила, не высказанныя прямо въ уставѣ. Правила эти слѣдующія: а) судебное установленіе, рассматривающее кассационную жалобу, въ случаѣ надобности, *можетъ потребовать*, отъ кого слѣдуетъ, представленія актовъ производства и объясненія по содержанію жалобы (330). Статья эта названа въ проектѣ *новою*, основанною на правилахъ мѣстнаго судопроизводства. б) Если судъ признаетъ просьбу о кассациі заслуживающею уваженія, то обжалованное рѣшеніе и предшествующее ему производство отмѣняется въ той мѣрѣ, въ какой этого требуютъ допущенныя нарушенія, послужившія поводомъ къ кассациі (331). в) Дѣло, по которому рѣшеніе отмѣнено, обращается въ судебное установленіе, *постановившее обжалованное рѣшеніе*, или, если обстоятельства того требуютъ, препровождается къ другому судебному установленію равной съ нимъ степени для новаго производства (333).*

По поводу этой послѣдней статьи проекта въ объяснитель-

¹⁾ Ст. 186, 189 съ дополн., 190—192, 194, 798, 810 и 818.

ной запискѣ говорится, что на основаніи практики правительствующаго сената (по 2 отдѣл. 3 д-та) и ст. 881 встлѣндск. крест. полож., въ случаѣ признанія просьбы объ уничтоженіи рѣшенія основательною, дѣло обращалось для новаго производства въ прежній судъ; съ этимъ порядкомъ не только не было сопряжено какихъ-либо неудобствъ, но даже новое производство въ томъ же судѣ было выгоднѣе какъ для самихъ тяжущихся, избавлявшихся отъ необходимости отпраиваться въ другой, болѣе отдаленный отъ ихъ мѣста жительства судъ, такъ и для правильности самаго рѣшенія, потому что прежнему суду, уже ознакомленному съ дѣломъ, было гораздо легче, чѣмъ новому суду, рассмотреть спорное дѣло вновь, принявъ въ руководство высказанный высшею инстанціею взглядъ на юридическую сторону дѣла. Принимая все это во вниманіе и имѣя въ виду, что ст. 333 проекта предоставляетъ кассационной инстанціи право обращать по своему усмотрѣнію дѣло для новаго производства какъ въ другой судъ, такъ и въ прежній, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда найдено будетъ неудобнымъ передавать дѣло суду, постановившему рѣшеніе, представляется полная возможность соблюдать порядокъ, дѣйствующій и во внутреннихъ губерніяхъ, признано полезнымъ принять правило ст. 332 проекта.

Что касается, наконецъ, *третью отдѣленія XII гл.* — «о нересмотрѣ рѣшеній или о восстановленіи въ прежнее состояніе», то постановленія этого отдѣленія, какъ уже сказано и выше, весьма мало имѣютъ общаго съ соотвѣствующими постановленіями устава 20 ноября. Такъ,

а) Статья 187 устава указываетъ лишь два основанія къ нересмотру рѣшеній, именно: 1) открытіе новыхъ обстоятельствъ и 2) обнаруженіе подлога въ актахъ, на которыхъ основано рѣшеніе; соотвѣствующая же этой статьѣ устава 335 ст. проекта перечисляетъ подробно *случаи*, въ которыхъ допускается восстановленіе въ прежнее состояніе (*causa restituendi*). Случаи эти слѣдующіе: 1) когда противъ не явившейся стороны состоялось второе заочное рѣшеніе, и она докажетъ, что причинною неавки были *ненеобходимыя и не зависящія отъ нея обстоя-*

ства; 2) когда рѣшеніе основано на лжеприсягѣ; 3) когда рѣшеніе основано на документахъ, оказавшихся впоследствии подложными, или на данномъ, умышленно ложномъ, свидѣтельскомъ показаніи или заключеніи сѣдующихъ людей; 4) когда рѣшеніе основано на какихъ-либо иныхъ обманныхъ дѣйствіяхъ представителя или повѣреннаго обвиненной стороны, вошедшаго въ стачку съ противною стороною, какъ равно и на обманныхъ дѣйствіяхъ противной стороны, ея представителя или повѣреннаго; 5) когда рѣшеніе основано на приговорѣ уголовного суда, который впоследствии былъ отмѣненъ; 6) когда сторона впоследствии нашла документъ, доказывающій существенное въ дѣлѣ обстоятельство, на которое было своевременно указано въ прежнемъ производствѣ, и когда документъ этотъ долженъ повліять на болѣе благопріятный для нея исходъ дѣла, если только обжалованное рѣшеніе не основывается на присягѣ противника, вслѣдствіе которой вышеозначенное обстоятельство признано опровергнутымъ. Возстановленіе въ прежнее состояніе по причинамъ, означеннымъ въ пп. 2, 3, 4 и 5, допускается лишь въ томъ случаѣ, когда упомянутыя въ нихъ преступныя дѣйствія признаны приговоромъ уголовного суда, вошедшимъ въ законную силу, развѣ уголовное производство не могло быть начато и окончено не по недостатку доказательствъ, а по другимъ причинамъ.

Далѣе. Статья 189 устава относитъ разсмотрѣніе всѣхъ вообще просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній въ компетенціи кассационныхъ учреждений, между тѣмъ ст. 338 проекта опредѣляетъ, что просьбы о возстановленіи въ прежнее состояніе подлежатъ разсмотрѣнію суда, *постановившаго рѣшеніе*.

По мнѣнію составителей проекта, не представляется никакого основанія опасаться пристрастія со стороны суда, постановившаго рѣшеніе, если просьба о пересмотрѣ этого рѣшенія будетъ подлежать его разсмотрѣнію, такъ какъ при подачѣ этихъ просьбъ не приносятся жалобы на судъ, а только приводятся новыя обстоятельства, оставшіяся неизвестными суду, постановившему рѣшеніе. Кромѣ сего — говорится далѣе въ объяснительной запискѣ — не слѣдуетъ упускать изъ виду пред-

тических удобствъ, сопряженныхъ съ разсмотрѣніемъ просьбъ о пересмотрѣ рѣшеній въ прежнемъ судѣ, такъ какъ послѣдній уже познакомился съ дѣломъ и все производство по оному находится у него подъ рукою; въ тому же и для самихъ заинтересованныхъ лицъ, мѣсто жительства коихъ находится обыкновенно по близости прежняго суда, гораздо удобнѣе, чтобы пересмотръ рѣшенія произведенъ былъ тѣмъ же судомъ. Наконецъ, по дѣйствующимъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ началамъ общегерманскаго процесса, восстановление въ прежнее состояніе никогда не зависитъ отъ высшей судебной инстанціи, точно также какъ и по новѣйшимъ уставамъ гражданск. судопроизводства, напр. французскому (art. 490) и общегерманскому (§ 547).

Кромѣ указанныхъ сейчасъ, такъ сказать, основныхъ положеній проекта объ *in integrum restitutio*, обращаютъ на себя вниманіе еще слѣдующія постановленія по тому же предмету: ст. 341 проекта предоставляетъ усмотрѣнію суда разрѣшить вопросъ о допущеніи восстановления въ прежнее состояніе въ особомъ производствѣ или въ соединеніи съ производствомъ и рѣшеніемъ по существу дѣла, причемъ на состоявшееся въ отдѣльномъ производствѣ рѣшеніе мирового судьи по допущенію восстановления въ прежнее состояніе дозволяется приносить апелляціонную жалобу. Ст. 342 опредѣляетъ, что въ возобновленномъ производствѣ противникъ тѣмущагося, принесшаго просьбу о восстановленіи въ прежнее состояніе, вправе ссылаться на новыя обстоятельства и приводить новыя доказательства, подобно тому, какъ это допускается при разсмотрѣніи апелляціонной жалобы. Ст. 344 опредѣляетъ случаи, когда допускается измѣненіе рѣшенія во вредъ сторонѣ, просившей о восстановленіи въ прежнее состояніе (*reformatio in pejus*); случаи эти тѣ же, что и при апелляціонномъ производствѣ. Наконецъ, ст. 345, допуская противъ постановленій суда по просьбамъ о пересмотрѣ рѣшеній всѣ установленныя проектомъ средства обжалованія, исключаетъ однако вторичный пересмотръ рѣшеній.

Главы: XIII—объ устраненіи мировыхъ судей и членовъ мировыхъ съѣздовъ, и XIV—о судебныхъ издержкахъ—вполнѣ согласны съ соотвѣствующими постановленіями устава, причемъ въ проектъ вошли и получившія недавно высочайшее утвержденіе правила о судебныхъ сборахъ по дѣламъ, производимымъ въ мировыхъ учрежденіяхъ. Единственное отличіе XIII гл. проекта отъ соотвѣствующей главы устава состоитъ въ томъ, что по проекту мировой судья обязанъ устранить себя отъ разсмотрѣнія дѣла, между прочимъ, и въ томъ случаѣ, когда въ дѣлѣ участвуетъ усыновленный имъ или приемышъ. Отступленіе это сдѣлано въ виду того, что, по ст. 96 ч. III св. м. уз., приемыши сравнены, по своимъ личнымъ отношеніямъ къ принимателямъ, съ кровными дѣтьми.

Послѣдняя глава (XV) проекта содержитъ въ себѣ постановленія «о порядкѣ производства дѣлъ по охраненію существующаго и по востановленію потеряннаго владѣнія». Постановленія эти, заимствованныя почти цѣликомъ изъ дѣйствующихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ крестьянскихъ положеній, заключаются въ слѣдующемъ:

Иски о владѣніи не могутъ быть соединены съ искомъ о самомъ правѣ; противъ исковъ о владѣніи не допускаются отводы и встрѣчные иски, касающіеся самаго права (360). Словесное состязаніе и отобраніе доказательствъ могутъ, по ходатайству сторонъ или по усмотрѣнію судьи, происходить въ томъ мѣстѣ, гдѣ произошло нарушеніе или отнятіе владѣнія (361). Предъявленіемъ отзыва или апелляціи не останавливается дальнѣйшее производство и исполненіе рѣшенія. По важнымъ причинамъ, однако, судья, по просьбѣ стороны, своевременно подавшей отзывъ или апелляцію, можетъ постановить, чтобы противная сторона представила обезпеченіе (362). Если при производствѣ иска объ охраненіи существующаго владѣнія обѣ стороны утверждаютъ, что владѣютъ спорнымъ предметомъ, то судья, по предварительномъ разсмотрѣніи дѣла, можетъ предоставить подлежащій предметъ обѣимъ сторонамъ для совмѣстнаго пользованія имъ или передать его на время одной сторонѣ, съ тѣмъ, чтобы она представила обезпеченіе (363).

Сдѣланное судьей распоряженіе имѣетъ силу лишь до рѣшенія вопроса о владѣніи и можетъ быть измѣнено имъ во всякое время, не предпрѣлая ни въ какомъ случаѣ окончательнаго разрѣшенія вопроса о владѣніи (364). Въ остальномъ производство дѣлъ по охраненію существующаго или возстановленію потеряннаго владѣнія подчиняется общимъ правиламъ устава гражд. суд. (т.-е. проекта) и порядку, указанному въ 685—699 ст. III ч. св. м. уз. (359 и конецъ 364 ст. и пр.).

Вотъ и все, что сколько-нибудь обращаетъ на себя вниманіе въ проектѣ по различію послѣдняго отъ устава гражд. судопр. 20 ноября. Посмотримъ теперь, насколько этотъ проектъ можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ.

II.

Разобрать въ журнальной статьѣ изложенный нами проектъ во всѣхъ его подробностяхъ и мелочахъ представляется дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ. Для этого намъ пришлось бы растануть свою работу на нѣсколько книжекъ журнала даже въ томъ случаѣ, если бы редація отводила намъ въ каждой изъ книжекъ болѣе или менѣе значительное мѣсто; но такая уступка со стороны редакціи, конечно, невозможна безъ явнаго ущерба интересу изданія. Вотъ почему мы ограничимся замѣчаніями лишь по важнѣйшимъ вопросамъ, которые ставятся сами собою при чтеніи изложеннаго нами министерскаго проекта.

Первый и самый коренной изъ этихъ вопросовъ заключается въ томъ, необходимо ли изданіе для мировыхъ судей остзейскаго края особаго устава гражданскаго судопроизводства, или желательно и возможно распространить на этотъ край общій уставъ съ нѣкоторыми лишь въ немъ измѣненіями и дополненіями?

Вопросъ этотъ—какъ читатели «Журнала» видѣли уже въ первой статьѣ, посвященной судебной реформѣ въ остзейскомъ краѣ—возбуждалъ довольно значительное разномысліе между

различными органами нашей правительственной власти еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, т.-е. еще въ то время, когда существовала коммисія статсъ-секретаря Буткова и когда об-суждалось дѣло о примѣненіи къ прибалтійскому краю *основныхъ положеній* судебной реформы въ Россіи. Спорнымъ же остается этотъ вопросъ и до нашихъ дней. Такъ, II отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи находитъ особый уставъ гражданскаго судопроизводства для остзейскаго края излишнимъ, между тѣмъ какъ министерство юстиціи приняло къ выводу противоположному. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ остановиться на доводахъ обѣихъ сторонъ по этому вопросу съ нѣкоторою подробностію.

Задача гражданскаго судопроизводства—говорятъ защитники необходимости особаго устава для прибалтійскаго края—заключается, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы возстановлять гражданское право, на сколько оно нарушено однимъ въ ущербъ другому. Задача эта, однако, выполнима только при томъ условіи, когда гражданское судопроизводство и гражданское право, неизбѣжно приванныя къ непосредственному взаимодействию, поставлены между собою въ непосредственныя отношенія и имѣютъ въ основаніи своемъ совершенно одинаковыя начала. Гражданское право губерній остзейскихъ, какъ доказываетъ каждая страница III ч. св. мѣстн. узак., сложилось отчасти изъ автономическихъ, отчасти же изъ особыхъ мѣстныхъ или обычныхъ и, наконецъ, отчасти, и именно самой большей части, изъ общихъ, т.-е. римскихъ или германскихъ источниковъ права. Изъ этихъ же корней должно было необходимо вырасти прибалтійское гражданское судопроизводство, которое дѣйствительно такимъ образомъ и выработалось. «Насколько нельзя вполне согласовать порядокъ прибалтійскаго гражданскаго судопроизводства съ общимъ гражданскимъ правомъ имперіи, настолько же оказывается невозможнымъ соединить и порядокъ общаго судопроизводства съ прибалтійскимъ гражданскимъ правомъ».

Далѣе. Если бы оставить безъ всякаго вниманія развившійся въ прибалтійскихъ губерніяхъ на *исторической и законной почвѣ* порядокъ гражданскаго судопроизводства, то изъ этого

неминуемо возникли бы въ край двѣ совершенно непохожія одна на другую формы процесса: одна — для общихъ судебныхъ мѣстъ, которыя, какъ само собою разумѣется, могутъ только соблюдать нынѣ дѣйствующій въ прибалтійскихъ губерніяхъ порядокъ гражданскаго судопроизводства, а другая — для мировыхъ установлений, если они не будутъ преимущественно придерживаться мѣстнаго порядка гражданскаго судопроизводства; между тѣмъ какъ производящіяся въ тѣхъ и другихъ дѣла отличаются большею частію только цѣнностью иска. «Понятно, что черезъ такое разобщеніе будетъ совершенно потрясено единство, а вмѣстѣ съ нимъ и неприкосновенность права».

Затѣмъ, хотя 80 ст. уст. гражд. суд. положительно признаетъ недостаточность правилъ о порядкѣ производства въ мировыхъ установленіяхъ и необходимость прибѣгать къ соображенію съ постановленіями, изданными для общихъ судебныхъ мѣстъ, мировые судьи въ прибалтійскихъ губерніяхъ тѣмъ не менѣе будутъ лишены всякаго вспомогательнаго руководства, если они не будутъ въ состояніи примѣняться къ дѣйствующему въ прибалтійскихъ губерніяхъ порядку гражданскаго производства, такъ какъ они, конечно, не могутъ обращаться къ правиламъ о порядкѣ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ внутреннихъ губерній, не имѣющимъ въ прибалтійскомъ край законной силы.

Наконецъ, «практическая потребность сохранить въ прибалтійскихъ губерніяхъ особый порядокъ гражданскаго судопроизводства неоднократно призывалась и законодательною властію и обезпечена монаршею волею. Не только высочайшимъ указомъ 1 іюля 1845 г., которымъ обнародованы первыя двѣ части св. мѣстн. узак., всемилостивѣйше обѣщано составленіе и изданіе для прибалтійскихъ губерній устава гражданскаго судопроизводства, какъ особаго мѣстнаго закона, но и высочайшимъ повелѣніемъ 23 февраля 1867 г. хотя предоставлено прибалтійскому генералъ-губернатору немедленно приступить къ составленію проекта временныхъ правилъ о введеніи въ сихъ губерніяхъ мирового разбирательства, однако же съ положительнымъ условіемъ соглашенія существующаго въ

нихъ судоустройства съ упомянутыми временными правилами. Указъ 1 іюля 1845 г. *обезпечилъ сохраненіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ особаю гражданскаго судопроизводства*, а въ высочайшемъ повелѣніи 23 февраля 1867 г. выражена монаршая воля въ томъ смыслѣ, что *существующія судебныя мѣста* — насколько вѣдомство ихъ не должно измѣниться по случаю введенія мирового разбирательства — *останутся и на будущее время неприкосновенными*, и что мировыя учрежденія въ прибалтійскихъ губерніяхъ будутъ въ сущности руководствоваться существующимъ порядкомъ судопроизводства, насколько послѣдній не будетъ подлежать необходимому измѣненію вслѣдствіе особенностей мирового разбирательства. Этимъ, казалось, были положены довольно опредѣленные границы для введенія мирового разбирательства въ прибалтійскомъ краѣ ¹⁾).

Разборъ изложенныхъ сейчасъ соображеній — высказанныхъ составителями такъ называемаго «мѣстнаго» проекта и раздѣляемыхъ, въ существѣ, министерствомъ юстиціи — мы начнемъ съ конца, въ виду того, что относительная сила этихъ соображеній, по нашему мнѣнію, обратно соотвѣстственна порядку ихъ изложенія. Итакъ

а) Самымъ слабымъ изъ всѣхъ доводовъ мѣстныхъ юристовъ намъ представляется послѣдній, основанный будто бы на содержаніи высочайшихъ указовъ 1 іюля 1845 и 23 февраля 1867 годовъ ²⁾. Въ отношеніи этого довода мы должны замѣтить тоже, что говорили уже въ другомъ мѣстѣ относительно обычнаго возраженія здѣшнихъ органовъ законодательной власти противъ какихъ бы то ни было изъятій для остзейскаго края изъ общаго устава о судоустройствѣ. «Всѣ соображенія, при-

¹⁾ Об. зап. къ проекту уст. гражд. суд., составленному въ особой комисіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора кн. Багратіона, стр. 3 — 8.

²⁾ Указы эти вовсе не содержатъ въ себѣ того смысла, какой придаютъ имъ прибалтійскіе юристы; въ этомъ легко убѣдиться даже при поверхностномъ чтеніи этихъ указовъ. Но мы на этомъ не останавливаемся, считая, что каковъ бы ни былъ смыслъ этихъ указовъ вопросъ объ особомъ уставѣ гражд. судопроизводства для остзейскаго края долженъ быть во всякомъ случаѣ рѣшенъ на иныхъ основаніяхъ.

водимыя мѣстными юристами и генералъ-губернаторами» — говорятъ обыкновенно петербургскіе органы законодательной и административной власти — «имѣлись въ виду государственнаго совѣта еще при обсужденіи основныхъ положеній судоустройства въ имперіи вообще и тогда же отвергнуты государственнымъ совѣтомъ», а потому, и за силою 8 п. закона 29 сентября 1862 года, нечего на нихъ теперь и останавливаться. Повторяемъ еще разъ, что этотъ доводъ, какъ доводъ чисто формальный, нисколько не убѣдителенъ: такое или иное разрѣшеніе законодательною властію того или другаго вопроса въ прежнее время нисколько не препятствуетъ въ данный моментъ подвергнуть тотъ же вопросъ новому обсужденію. Въ особенности странно представляется намъ ссыла мѣстныхъ юристовъ на указъ 1845 г. Въ то время, какъ состоялся этотъ указъ, во внутреннихъ губерніяхъ Россіи дѣйствовалъ такой порядокъ гражданскаго судопроизводства, который не могъ идти ни въ какое сравненіе съ мѣстными порядками — каковы бы ни были ихъ недостатки; *тогда* жители прибалтійскихъ губерній имѣли, поэтому, совершенно правильное и законное основаніе просить для себя особый уставъ этого судопроизводства. Но съ 60-хъ годовъ у насъ введенъ порядокъ судопроизводства, основанный на самыхъ лучшихъ въ этомъ отношеніи европейскихъ образцахъ, — порядокъ, который, въ основныхъ началахъ по крайней мѣрѣ, нисколько не ниже порядка, дѣйствующаго въ такихъ странахъ, какъ Франція, Італія, Бельгія. Какое же основаніе теперь требовать для остзейскаго края особаго устава гражданскаго судопроизводства, какъ привилегіи? Вѣдь это уже значитъ домогаться различія отъ другихъ частей имперіи *quand même*, требовать, пожалуй, хоть худшаго, лишь бы инаго. Отъ этого довода сильно уже вѣетъ духомъ сепаратизма, совершенно несовмѣстнымъ съ тѣми взаимно доброжелательными отношеніями, какія должны бы существовать между отдѣльными частями нашей страны. Другое дѣло, если бы мѣстные юристы утверждали и доказали, что нашъ уставъ 64 года — произведеніе совершенно неудавшееся; что примѣненіе его къ остзейскому краю, даже съ необходимыми по мѣстнымъ условіямъ приспо-

соблѣніями, можетъ ухудшить положеніе мѣстныхъ жителей въ извѣстномъ отношеніи. Но и тогда, ставя дѣло искренно, слѣдовало бы требовать не составленія *особаго* устава для прибалтійскихъ губерній, а кореннаго пересмотра общаго устава съ такимъ расчетомъ, чтобы новый уставъ годился одинаково для внутреннихъ частей Россіи, какъ и для ея окраинъ.

Что общій уставъ гражданскаго судопроизводства для всѣхъ частей имперіи *желателенъ*—въ этомъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе (возможенъ ли такой общій уставъ—объ этомъ нѣсколько ниже). Оставляя совершенно въ сторонѣ политическую сторону этого вопроса, какъ несвойственную нашей спеціальности, мы здѣсь замѣтимъ только, что взаимныя, чисто экономическія выгоды жителей какъ внутреннихъ губерній, такъ и окраинъ, неизбѣжно требуютъ именно общаго устава. Въ самомъ дѣлѣ, при установившихся теперь постоянныхъ сношеніяхъ между окраинами и коренными частями имперіи, для жителей тѣхъ и другихъ въ высшей степени важно, чтобы здѣсь и тамъ судъ отправлялся по однимъ и тѣмъ же правиламъ; чтобы для предъявленія иска, для заявленія претензіи къ несостоятельному не были нужны весьма затруднительныя справки о чужихъ порядкахъ, объ иныхъ формальностяхъ и срокахъ; чтобы, получивъ исполнительный листъ, можно было вездѣ выискать присужденную сумму, гдѣ окажется должникъ или его имущество ¹⁾).

Понятно и какъ нельзя болѣе естественно, что мысль эта не можетъ быть симпатична прибалтійскимъ юристамъ. Одинъ изъ здѣшнихъ судебныхъ дѣателей, совсѣмъ не принадлежащій къ ультра-русской партіи, но имѣвшій случай хорошо ознакомиться въ 60-хъ годахъ съ мѣстными взглядами на это дѣло, писалъ въ 1873 году о стремленіяхъ прибалтійскихъ юристовъ слѣдующее: «Воспитанные на германской наукѣ, привыкшіе, скажемъ откровенно, презирать все русское, незнакомые даже съ русскимъ языкомъ и черпающіе свои познанія о русскихъ судебныхъ уставахъ изъ плохаго нѣмецкаго перевода, они (при-

¹⁾ Журн. Гражд. и Угол. Пр., 1878 г., кн. V, стр. 19.

балтійскіе юристы) горячо отстаивают самостоятельность своего мѣстнаго права и допускаютъ лишь тѣ въ немъ измѣненія, которыя приближаютъ ихъ къ настоящему германскому законодательству. Они готовы принять все то, что введено или вводится въ Германію, и по принципу, быть можетъ, ими не сознаваемому или въ которомъ они не желаютъ сознаться, они отвергаютъ все русское ¹⁾... Такимъ образомъ, отстаивая необходимость для прибалтійскаго края особаго устава гражд. судопроизводства, — устава въ основныхъ чертахъ весьма похожаго на новѣйшіе нѣмецкіе уставы — мѣстные юристы отстаиваютъ свои собственные — безспорно важные — интересы: съ устраненіемъ этой мысли, они вынуждены будутъ, такъ сказать, переучиваться, поставлены будутъ въ необходимость обратиться къ изученію такихъ источниковъ положительнаго права, которыхъ до настоящаго времени они совершенно чуждались.

Но стремленія прибалтійскихъ юристовъ — какъ они ни почтенны сами по себѣ — едва ли могутъ найти сочувствіе въ нашихъ законодательныхъ сферахъ, гдѣ обязательна иная точка зрѣнія на дѣло, — точка зрѣнія болѣе общихъ и существенныхъ интересовъ. Отвергая приведенныя нами въ 1 части этой работы 7 и 8 ст. мѣстнаго проекта, касающіяся разграниченія гражданской и уголовной подсудности, министерство юстиціи привело слѣдующій мотивъ: «нельзя допустить столь рѣзкаго различія между уголовными и гражданскими судами одного и того же государства, чтобы въ одной части онаго было дозволено, а въ другой воспрещено доказывать въ гражданскомъ порядкѣ дѣйствительность событія преступленія тогда, когда уголовный судъ уже призналъ, что событія не было, или доказывать въ гражданскомъ порядкѣ виновность подсудимаго, оправданнаго уголовнымъ судомъ»... Соображеніе чрезвычайно важное. Но это соображеніе — лишь частное примѣненіе той общей мысли, о которой теперь идетъ рѣчь и которой несомнѣнно должно быть дано болѣе широкое приложение. Отно-

¹⁾ *ib.*, стр. 224.

сая къ дѣлу совершенно безпристрастно, мы никакъ не можемъ найти основанія, почему бы каждую «новую» статью изложеннаго выше проекта не обсудить, между прочимъ и даже главнымъ образомъ, съ этой точки зрѣнія? Намъ кажется, что эта точка зрѣнія въ отношеніи устава гражданскаго судопроизводства умѣстна болѣе, нежели въ отношеніи каждой изъ остальныхъ частей уставовъ 20 ноября въ примѣненіи ихъ къ прибалтійскому краю. Для меня, напримѣръ, какъ для жителя одной изъ внутреннихъ губерній, не только безразлично, но даже желательно, чтобы въ Ревелѣ всѣ мировые судьи были избраны изъ лицъ, получившихъ юридическое образованіе, хотя въ родномъ мнѣ уѣздѣ такое мѣсто занимаетъ бывшій писарь становаго пристава, публично подвергнутый нѣкогда тѣлесному наказанію за дурной поступокъ: ревельскій судья будетъ только внушать мнѣ больше уваженія и больше довѣрія къ нему, какъ судѣѣ. Точно также для жителей внутреннихъ губерній не представляется никакого неудобства и въ томъ, если прибалтійскіе сѣзды будутъ состоять не изъ участковыхъ судей, а изъ постоянныхъ, спеціально для этого избираемыхъ: учрежденіе такихъ сѣздовъ, можетъ быть, окажется нѣсколько убыточнымъ, съ финансовой точки зрѣнія, для мѣстныхъ жителей; но для насъ оно будетъ только выгодно, ибо навѣрное въ этихъ сѣздахъ дѣла, въ которыхъ будутъ заинтересованы случайно и жители внутреннихъ губерній, получатъ и болѣе быстрое и болѣе правильное рѣшеніе, чѣмъ въ сѣздахъ старобѣльскомъ и купянскомъ. Но различіе мѣстныхъ законовъ отъ общихъ получаетъ совершенно иное значеніе, когда оно касается существенныхъ правилъ, формъ и обрядовъ самаго судопроизводства. Нельзя—скажемъ и мы словами министерства юстиціи—допустить (прибавимъ только: безъ особоважительныхъ причинъ), чтобы на пространствѣ одного и того же государства въ одномъ мѣстѣ, при неавѣѣ отвѣтника къ суду, присуждались истцу только требованія, имъ доказанныя, а въ другомъ—всѣ; чтобы въ одномъ мѣстѣ на второе заочное рѣшеніе допускалась апелляціонная жалоба во 2-ю инстанцію, а въ другомъ—нѣтъ, и т. д. Какія изъ упомяну-

тыхъ сейчасъ правилъ лучше — существующія въ уставѣ 20 ноября или проектируемыя министерствомъ — это вопросъ другой; но во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ слѣдовало бы разрѣшить — если не представляется къ тому непреодолимыхъ препятствій — для всѣхъ частей имперіи одинаково. Въ виду этого, намъ кажется, что, съ точки зрѣнія обще-русскихъ интересовъ, а слѣдовательно, и здраво понятыхъ интересовъ остзейскихъ, противъ *желательности* общаго устава гражданскаго судопроизводства — для внутреннихъ губерній Россіи и для ея окраинъ — едва ли можно найти уважительные аргументы.

Но многое желательное невозможно. Нужно, слѣдовательно, обсудить остальные доводы мѣстныхъ юристовъ, — доводы, направленные къ тому, чтобы доказать *невозможность* распространения на остзейскій край устава 20 ноября, даже съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями и дополненіями къ нему.

б) Говорятъ, что мировые судьи прибалтійскихъ губерній, въ виду признаваемой самимъ уставомъ (ст. 80) недостаточности постановленій его, относящихся спеціально къ мировому разбирательству, будутъ лишены всякаго вспомогательнаго руководства, если они не будутъ обязаны примѣняться къ дѣйствующему тамъ нынѣ порядку гражданскаго суда, такъ какъ правила устава о порядкѣ судопроизводства въ общихъ судебных мѣстахъ не будутъ имѣть законной силы въ краѣ.

Но этотъ доводъ едва ли можетъ быть признанъ сколько-нибудь серьезнымъ. Если дѣйствіе 1 книги уст. гражд. суд. будетъ распространено высочайшею властію на прибалтійскій край, то вмѣстѣ съ тѣмъ получить въ этомъ краѣ обязательную силу и ст. 80, помѣщенная въ этой же книгѣ и обязывающая мировыхъ судей обращаться къ послѣдующимъ книгамъ того же устава, какъ къ вспомогательному руководству, во всѣхъ случаяхъ, когда они встрѣтятъ какое-либо затрудненіе по неполнотѣ правилъ, спеціально для нихъ установленныхъ. Введеніе въ прибалтійскихъ губерніяхъ однихъ мировыхъ учреждений, отдѣльно отъ общей тамъ судебной реформы по уставамъ 20 ноября, не представляетъ ничего новаго въ

исторіи судебныхъ учреждений нашей страны вообще. Въ губерніяхъ: вятской, казанской, костромской, олокецкой, пензенской, самарской, саратовской, симбирской, смоленской, черниговской и тамбовской, въ землѣ войска донскаго, а также въ 9 западныхъ губерніяхъ, мировыя судебныя учрежденія были введены задолго до общей судебной реформы въ этихъ мѣстахъ и дѣйствовали параллельно съ учреждениями прежняго устройства. Но это не мѣшало мировымъ судьямъ и ихъ сѣздамъ въ тѣхъ губерніяхъ примѣнять въ нужныхъ случаяхъ подробныя правила судопроизводства, назначенныя для общихъ судебныхъ мѣстъ. И это понятно: отъ законодательной власти всегда зависеть—въ виду сознаваемой ею недостаточности правилъ, предписываемыхъ въ руководство тому или другому учрежденію—указать этому учрежденію, въ видѣ вспомогательнаго руководства, даже и такіе источники, которые не имѣютъ силы закона въ странѣ; такъ, напримѣръ, нашимъ коммерческимъ судамъ предписано въ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ точнаго и яснаго закона, руководствоваться торговыми обычаями, окончательными судебными рѣшеніями по другимъ дѣламъ и даже *правилами, принятыми другими законодательствами* ¹⁾).

Во всякомъ случаѣ, аргументомъ этимъ—каково бы ни было значеніе его вообще—менѣе всего вправе пользоваться прибалтійскіе юристы. Исторія права этой небольшой земли свидѣтельствуетъ, что тамошніе суды, съ самаго ихъ возникновенія и до нашихъ дней, не переставали пользоваться—и пользоваться весьма широко—такими источниками права, которые никогда не были объявлены подлежащими правительствомъ (шведскимъ, польскимъ или русскимъ) дѣйствующимъ закономъ въ данной мѣстности, несмотря даже на прямыя ходатайства о томъ со стороны рыцарства и городовъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. *Сводъ лифляндскихъ законовъ*, составленный въ 1 половинѣ XVII столѣтія вице-президентомъ гофгерихта фонъ-Менгденомъ, послѣ безуспѣшнаго ходатайства со стороны мѣстнаго дворянства передъ королевою Христиною и королемъ

¹⁾ Т. XI ч. 2 изд. торг. ст. 1282 и 1714.

Карломъ XI объ утвержденіи этого свода, введенъ въ употребленіе самими земскими судами Лифляндіи. Такъ-называемое *рижское городское право* есть ничто иное, какъ проектъ свода мѣстныхъ статутовъ (изъ которыхъ очень многіе не были утверждены въ законодательномъ порядкѣ), составленный около 1653 года членомъ рижскаго магистрата Мейеромъ и не получившій утвержденія въ Стокгольмѣ, но мало по малу введенный въ рижскихъ судебныхъ мѣстахъ обычаемъ; только съ присоединеніемъ города Риги въ Россіи проектъ этотъ, подъ именемъ статутовъ, утвержденъ Петромъ Великимъ *изъ числа прочихъ городскихъ приписей*. «Эстляндское рыцарское и земское право» — это тоже ничто иное, какъ проектъ свода мѣстныхъ законовъ, составленный въ 1650 г. ассессоромъ бургерихта Крузе, который оставленъ безъ утвержденія королевою Христиною и получивъ силу закона чрезъ употребленіе. *Курляндскіе статуты* 1616 года, составленные польскими комиссарами (которые были посланы въ Курляндію для приведенія тамошнихъ дѣлъ въ порядокъ), также не были утверждены королемъ и сеймомъ, а вошли въ употребленіе въ судахъ, какъ и предшущіе сборники ¹⁾. Даже такъ-называемое «общее нѣмецкое право», на пользованіи которымъ въ особенности настаиваютъ мѣстные юристы, до 1710 г. никакимъ правительствомъ не было объявлено дѣйствующимъ правомъ края, хотя бы только вспомогательнымъ; да и въ 1710 году только *лифляндскому* рыцарству и земству, вслѣдствіе просьбы его о томъ, дозволено, впредь до составленія полнаго свода мѣстныхъ законовъ, руководствоваться общимъ нѣмецкимъ правомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ привилегіи, древніе обычаи и мѣстныя права недостаточны ²⁾; въ остальныхъ же мѣстахъ края употребленіе этого права, до самаго изданія свода мѣстныхъ узаконеній, — а въ отношеніи судопроизводства и понимѣй, — не основано ни на какомъ положительномъ законѣ.

¹⁾ Обзорніе историческихъ свѣдѣній, послужившихъ къ составленію свода мѣстн. закон. ост. губ., стр. 122—135. С. В. Пашманъ, Истор. кодиф. гражд. пр., т. II, стр. 820—828.

²⁾ 1710 года, іюль 4 (2279) ст. 10.

Все это мы говоримъ, конечно, не въ упрекъ и не въ осужденіе мѣстнымъ юристамъ и судамъ за пользованіе неузаконенными источниками права, при рѣшеніи дѣлъ, а единственно для того, чтобы нагляднѣе доказать всю неосновательность разбираемаго довода ихъ объ *юридической* будто бы невозможности введенія въ краѣ 1 книги устава гражд. судопроизвод. 20 ноября, пока не будутъ объявлены дѣйствующимъ тамъ закономъ и остальные части этого устава.

в) Столь же мало убѣдительнымъ представляется и слѣдующій, по нашему счету, аргументъ мѣстныхъ юристовъ. Читая разсужденіе ихъ о томъ, что, со введеніемъ въ краѣ для мировыхъ судей уст. гражд. суд. 20 ноября, *будетъ совершенно потрясено единство*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неприкосновенность права—невольно спрашиваешь себя: на какихъ читателей разсчитанъ этотъ аргументъ? Въ газетной статьѣ, напримѣръ, еще можно бы напечатать, что въ такомъ случаѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ возникли бы *два* формы процесса: одна—для мировыхъ судей, а другая—для общихъ судебныхъ мѣстъ. Масса читателей, незнакомыхъ съ сущностію дѣла, могла бы, пожалуй, повѣрить этому заявленію, и затѣмъ утверждать, что надъ жителями прибалтійскихъ губерній дѣлается насиліе, которое угрожаетъ благосостоянію края. Но какъ говорить это въ мотивахъ въ проекту, который подлежитъ обсужденію специалистовъ? Кто же изъ имѣвшихъ случай хоть одинъ разъ въ жизни столкнуться съ прибалтійскими судами не знаетъ, что никакого *единства* процесса въ этомъ краѣ нѣтъ и еще никогда не было; что, напротивъ, тамъ въ настоящее время царить такая смѣсь порядковъ судопроизводства, какой не было даже у насъ при блаженной памяти гражданскихъ палатахъ, уѣздныхъ и совѣстныхъ судахъ и городскихъ ратушахъ? Чтобы не быть голословными, а съ другой стороны, чтобы и не вдаваться въ ненужныя здѣсь подробности дѣла, специалистамъ, конечно, извѣстны—мы приведемъ, въ подтвержденіе только-что сказаннаго объ «единствѣ» процесса въ прибалтійскомъ краѣ, отзывъ по этому предмету бывшаго генералъ-губернатора края, графа Шувалова.

Въ каждой изъ трехъ этихъ губерній—говорить гр. Шуваловъ въ заключеніи своемъ о примѣненіи основныхъ положеній 1862 г. въ остзейскому краю—вслѣдствіе различной исторической судьбы ихъ, встрѣчается значительное разнообразіе въ правилахъ судопроизводства. Но, кромѣ различія по губерніямъ, въ прибалтійскомъ край существуютъ нынѣ три рода судебныхъ мѣстъ, изъ которыхъ въ каждомъ дѣйствуетъ особое судопроизводство, а именно: дворянскіе или земскіе, городскіе и крестьянскіе суды. Въ дворянскихъ судахъ судопроизводство письменное и медленное, во многомъ схожее съ нашимъ старымъ процессомъ (2 ч. X т.). Въ магистратахъ Риги и Ревеля судопроизводство словесное и довольно быстрое. Наконецъ, въ крестьянскихъ судахъ (волостныхъ, приходскихъ и уѣздныхъ) дѣйствуетъ тоже словесное судопроизводство, но не столь скорое какъ въ магистратахъ, вслѣдствіе принятія слѣдственного процесса. Адвокаты въ крестьянскихъ судахъ не допускаются и гнущіеся должны являться лично. Исключеніе сдѣлано въ отношеніи помѣщиковъ, которые могутъ вмѣсто себя присылать повѣренныхъ или подавать письменныя прошенія. При этомъ должно замѣтить, что крестьянскіе суды въ прибалтійскихъ губерніяхъ не могутъ быть сравниваемы, по предметамъ своего вѣдомства, съ нашими волостными судами и съ мировыми по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями, такъ какъ имъ подсудны всѣ спорныя гражданскія дѣла крестьянъ между собою, крестьянъ съ помѣщиками и вообще всѣ дѣла, въ которыхъ крестьяне являются отвѣтчиками.

Такимъ образомъ, единство гражданского процесса въ прибалтійскихъ губерніяхъ, о которомъ говорятъ мѣстные юристы, существуетъ только въ учебникахъ и курсахъ гражданского судопроизводства; на практикѣ же тамъ по меньшей мѣрѣ три различныя порядка уже и теперь, безъ мирового института, и, слѣдовательно, съ учрежденіемъ этого послѣдняго, хотя и образуется цѣлыхъ четыре порядка судопроизводства, но это ни въ какомъ случаѣ не можетъ «потрясти *единство*, а вмѣстѣ съ нимъ и неприкосновенность права» въ край. Четвертый же порядокъ, при половинной реформѣ, о которой теперь идетъ

рѣчь, образуется во всякомъ случаѣ: будетъ ли принять проектъ мѣстныхъ юристовъ, только отчасти измѣненный министерствомъ юстиціи, или будетъ введенъ уставъ 20 ноября съ необходимыми въ нему измѣненіями и дополненіями, такъ какъ и первый изъ нихъ весьма мало похожъ на каждый изъ дѣйствующихъ тамъ нынѣ порядковъ въ отдѣльности, а между тѣмъ суды прежняго устройства, по предположенію министерства, должны всѣ оставаться при дѣлѣ и по введеніи мировыхъ учреждений въ край до общей тамъ реформы суда¹⁾.

Но и независимо отъ вопроса объ искренности разсматриваемаго аргумента, онъ не годится для дѣла еще и по другому основанію. Аргументъ этотъ, очевидно, находится въ связи съ первымъ изъ разобранныхъ уже нами. Прибалтійскіе юристы, кажется, серьезно полагаютъ, что, въ силу высочайшаго повелѣнія 23 февраля 1867 г., «существующія тамъ нынѣ судебныя мѣста — насколько вѣдомство ихъ не должно измѣняться по случаю введенія мирового разбирательства—останутся и на будущее время неприкосновенными». А между тѣмъ, едва ли нужно даже малѣйшее усиліе, чтобы доказать полную неосновательность такого мнѣнія; для этого достаточно напомнить лишь подлинныя слова упомянутаго повелѣнія. 23 февраля 1867 г. Государь Императоръ, какъ мы уже излагали въ другомъ мѣстѣ, по докладу генералъ-адъютанта Альбедисскаго, изволилъ повелѣть: «приступить къ составленію проекта временныхъ правилъ о введеніи въ этихъ губерніяхъ мирового разбирательства... и представить проектъ этотъ установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе высшаго правительства, *продолжая,*

¹⁾ Въ виду этого и по основаніямъ, о которыхъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, мы, съ своей стороны, считаемъ весьма неудобнымъ введеніе въ прибалтійскомъ край мировыхъ учреждений независимо отъ общей судебной реформы въ этомъ край. Но обстоятельство это, очевидно, не имѣетъ никакой связи съ тѣмъ вопросомъ, который въ настоящую минуту насъ занимаетъ, т.-е. съ вопросомъ о томъ, возможно ли вообще распространить на этотъ край дѣйствіе устава гражд. судопр. 20 ноября, или необходимъ особый уставъ для этого края; это вопросъ, и по существу своему, и по той постановкѣ, какая дана ему мѣстными юристами и министерствомъ юстиціи, общій, стоящій внѣ связи съ вопросомъ о порядкѣ, въ какомъ должна послѣдовать въ край судебн. реформа.

между тѣмъ занятія по составленію и разсмотрѣнію предположеній о введеніи въ *прибалтійскія губерніи* общей *судебной реформы*. Слѣдовательно, раздвоеніе формы процесса въ *прибалтійскомъ краѣ* — еслибы о такомъ *раздвоеніи* и дѣйствительно могла быть рѣчь — представлялось бы неудобствомъ временнымъ, а по заданію министерства юстиціи — даже кратковременнымъ, такъ какъ министерство это въ объяснительной запискѣ къ проекту удостоверяетъ, между прочимъ, что общая реформа *остзейскихъ судебныхъ учреждений* должна послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ времени. Да и во всякомъ случаѣ, такое раздвоеніе нельзя а priori объявлять неудобствомъ; ибо если, по сравненіи вводимого порядка съ дѣйствующимъ, окажется, что изъ нихъ первый лучше послѣдняго, то даже и «раздвоеніе» слѣдуетъ признать все-таки желательнымъ съ точки зрѣнія существенныхъ интересовъ *мѣстныхъ жителей*. По крайней мѣрѣ, во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ такое раздвоеніе признано было на нѣкоторое время необходимымъ, оно повсемѣстно встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ и приводило не въ «потрясенію неприкосновенности права», а къ результатамъ прямо противоположнымъ.

г) Остается еще одинъ, и самый важный, аргументъ въ пользу необходимости особаго устава гражданскаго судопроизводства для *остзейскаго края*. Матеріальное гражданское право этого края, изложенное въ III ч. св. мѣстн. увак., значительно отличается отъ таковаго же права, дѣйствующаго во внутреннихъ губерніяхъ и изложеннаго въ I ч. X т.; а между тѣмъ уставъ гражд. судопр. 20 ноября прицаровленъ только къ X т., и, слѣдовательно, не можетъ быть введенъ въ *прибалтійскія губерніи* безъ отиѣны или кореннаго замѣненія очень многихъ постановленій самаго свода *мѣстныхъ узаконеній*, — постановленій, имѣющихъ матеріально-правовое значеніе.

Аргументъ этотъ, какъ уже сказано, мы приносимъ въ высшей степени важнымъ, раздѣляя и съ своей стороны ту основную мысль составителей «*мѣстнаго*» проекта, что гражданскій процессъ, какъ имѣющій цѣлью охраненіе правотношеній, устанавливаемыхъ опредѣлительнымъ гражданскимъ пра-

вомъ, долженъ обуславливаться этимъ послѣднимъ и находится отъ него въ известной зависимости. Поэтому, мы ни въ какомъ случаѣ и не полагаемъ, чтобы гражд. суд. уставъ 20 ноября могъ быть введенъ въ прибалтійскомъ край безъ всякихъ измѣненій и дополненій. Въ уставѣ этомъ, какъ разсчитанномъ дѣйствительно на однѣ внутреннія губерніи нашей страны, должны быть сдѣланы измѣненія по всемъ предметамъ, имѣющимъ непосредственную связь съ опредѣлительнымъ гражданскимъ правомъ остзейскаго края, въ чемъ оно не сходно съ общерусскимъ правомъ. Мало этого: мы не считаемъ возможнымъ допустить, чтобы при судебной реформѣ въ этомъ край выброшены были за бортъ и всѣ правила мѣстнаго судопроизводства, разъ они не согласны съ уставомъ 20 ноября или касаются такихъ предметовъ, о которыхъ молчитъ этотъ уставъ. Въ мѣстномъ судопроизводствѣ есть, какъ уже неоднократно указывалось въ «Журналѣ Гражд. и Угол. Права», многія весьма полезныя правила, которыя необходимо не только сохранить для прибалтійскихъ губерній, но и распространить на всю имперію; таковы, напримѣръ, правила—о доказательствахъ вѣчной памяти, объ участіи третьихъ лицъ въ дѣлѣ, о средствахъ обезпеченія правъ и т. п. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ; а пока займемся разрѣшеніемъ кореннаго вопроса: возможенъ ли общій уставъ гражданского судопроизводства для остзейскаго края и внутреннихъ губерній, несмотря на различіе дѣйствующихъ въ тѣхъ и другихъ гражданскихъ кодексовъ?

А ригоріи вопросъ этотъ можно бы рѣшить на основаніи слѣдующихъ соображеній: большинство правилъ гражданского судопроизводства, которыя дѣйствительно цѣлесообразны, т. е. сворѣе всего ведутъ къ достиженію правды, одинаково примѣнимы у всѣхъ народовъ, каково бы ни было содержаніе ихъ матеріальнаго права; такъ, напр., устность и публичность процесса, равенство сторонъ передъ судомъ, правила о подсудности, о формѣ исковой, о порядкѣ вызова къ суду, о срокахъ явки и вообще о срокахъ, о способахъ обжалованія и порядкѣ исполненія рѣшеній, о судебныхъ издержкахъ и

т. д.—все это вопросы, которые могут быть рѣшены одинаковымъ образомъ при существованіи какихъ угодно законовъ по матеріальному праву. Только немногія части гражданскаго судопроизводства зависятъ отъ матеріальнаго права, какъ, напр., правила объ исковой правоспособности, о представительствѣ сторонъ, о силѣ доказательствъ, о судебномъ поручительствѣ; но по всѣмъ такимъ вопросамъ уставъ судопроизводства—если онъ разсчитывается на нѣсколько странъ съ различными гражданскими кодексами—долженъ отсылать къ этимъ послѣднимъ, или дѣлать исключенія для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ вопросы эти разрѣшаются иначе, чѣмъ въ остальныхъ. Такъ разрѣшается нашъ вопросъ а priori. Такъ же разрѣшаетъ его въ послѣднее время и законодательная практика. Не далѣе какъ въ прошломъ году мы были свидѣтелями факта, весьма краснорѣчиво и убѣдительно доказывающаго полную возможность введенія общаго устава гражданскаго судопроизводства въ такихъ странахъ, въ которыхъ существуютъ и дѣйствуютъ весьма разнообразныя законы по матеріальному праву. Въ началѣ 1877 года утвержденъ уставъ гражданскаго судопроизводства германской имперіи, который и опредѣлено ввести повсемѣстно въ дѣйствіе съ 1 октября 1879 года; а между тѣмъ въ имперіи этой дѣйствуютъ, какъ извѣстно, кромѣ общаго гражданскаго права, т. е. права римскаго, еще три системы права: система прусскаго земскаго права, система кодекса Наполеона и система такъ-называемаго нынѣшняго римскаго права (*heutiges römisches Recht*). Эти три системы лежатъ въ основаніи партикулярныхъ нѣмецкихъ законодательствъ, которыхъ, затѣмъ, столько же, сколько и отдѣльныхъ государствъ въ Германіи, и даже гораздо болѣе, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствуютъ совмѣстно нѣсколько особенныхъ законодательствъ ¹⁾.

Какого же, казалось бы, еще доказательства, что и на пространствѣ имперіи россійской можетъ дѣйствовать одинъ и тотъ же уставъ судопроизводства, несмотря на существующія

¹⁾ С. В. Памятъ, Истор. кодиф., т. I, стр. 183 и 184.

и здѣсь отличія въ матеріальномъ правѣ нѣкоторыхъ мѣстностей отъ общаго законодательства страны? А между тѣмъ споръ прибалтійскихъ юристовъ противъ общаго у насъ устава имѣетъ нѣкоторое основаніе, — до крайней мѣры въ настоящую минуту, — и вотъ въ чемъ заключаются затрудненія, съ которыми мы встрѣчаемся:

1) Въ III ч. св. мѣстн. указ. помѣщается цѣлый рядъ статей, содержащихъ въ себѣ постановленія, относящіеся какъ до существа и условій исковъ, такъ — и въ особенности — до теории доказательствъ. Такъ, напр., статьи 685—688 опредѣляютъ существо и условія исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и распоряженія суда, которые могутъ и должны быть сдѣланы вслѣдствіе такихъ исковъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ; ст. 695—699 содержатъ въ себѣ соотвѣтственные распоряженія на случай иска о потерянномъ владѣніи; ст. 897—902, 905, 907, 915, 917—919 весьма подробно опредѣляютъ условія производства, рѣшенія и исполненія рѣшеній по искамъ о собственности (*rei vindicatio*), причемъ не брезгаютъ даже такими правилами, какъ: «истецъ долженъ подробно обозначить отъсуждаемую имъ вещь, какъ по ея роду и свойствамъ, такъ и по особымъ примѣтамъ, а въ случаѣ надобности даже и по ея объему и величинѣ; при искѣ же о недвижимостяхъ должно быть съ точностію указано и ихъ мѣстоположеніе» (907), — или: «истецъ долженъ доказать принадлежащее ему право собственности. Для сего признается достаточнымъ, если онъ докажетъ, что дѣйствительно приобрѣлъ это право законнымъ образомъ; послѣ чего доказать, что истецъ пересталъ быть собственникомъ, лежитъ уже на обязанности отвѣтчика» (917) и т. п.; ст. 3260 — 3272 говорятъ объ условіяхъ исковъ объ уничтоженіи договоровъ и уменьшеніи возмездія; въ ст. 3125, 3213, 3480, 3534, 3536, 3672, 4517 и нѣсколькихъ другихъ говорится о различнаго рода отводахъ и возраженіяхъ противъ исковъ, возникающихъ изъ обязательствъ, причемъ нѣкоторые изъ этихъ статей нельзя не признать весьма существенными; такъ, напр., ст. 3125 содержитъ въ себѣ правило, что должникъ по документу на

предъявителя не может противопоставлять этому послѣднему никакихъ отводовъ, которые онъ былъ бы въправѣ противопоставить первому или одному изъ послѣдующихъ ее держателей, — а ст. 3213, какъ нельзя лучше, разрѣшаетъ вопросъ, надъ которымъ очень много и почти напрасно трудилась наша судебная практика, именно вопросъ о правѣ требовать исполненія по договору, который не исполняется самимъ истцомъ: «когда скоро отыскивается исполненіе исполнѣ общаго договора» — гласитъ названная статья мѣстнаго свода — «то истецъ долженъ или заявить готовность въ надлежащему и съ своей стороны исполненію, или доказать, что таковое имъ уже сдѣлано. Безъ сего ему можетъ быть противопоставленъ *отводъ* о неисполненіи имъ договора, развѣ бы, по самому свойству сдѣлки, обязанность исполненія лежала сперва на *отвѣтчикѣ*». Затѣмъ, по разнымъ частямъ свода разбросано множество правилъ, относящихся къ теоріи доказательствъ. Таковы статьи: 64, 138, 139, 146, 688, 690, 693—696, 704—706, 862—866, 900, 916, 2976, 2988, 3293, 3531, 3672, 3700—3702 и др., причемъ нѣкоторые изъ этихъ статей затруднительно и даже невозможно согласовать съ общимъ правиломъ нашего устава, что истецъ долженъ доказать свой искъ, а отвѣтчикъ — свои возраженія; ст. 3672, напр., гласитъ слѣдующее: «Если кто въ надеждѣ получить обещанное ему въ заемъ впередъ выдать письменное удостовѣреніе или росписку въ принятіи онаго, то онъ имѣетъ право оспоривать этотъ документъ и требовать его возвращенія, въ каковомъ случаѣ *противнику предлежитъ доказать, что обещанное было действительно выдано*». Можно, конечно, быть невысокаго мнѣнія о достоинствѣ этого правила; но разъ что оно есть въ сводѣ, съ нимъ, конечно, такъ или иначе надо считаться.

Всѣ эти правила, какъ содержащіяся въ гражданскомъ кодексѣ, мѣстные юристы признаютъ входящими въ систему матеріальнаго гражданского права, и потому утверждаютъ, что правила эти должны остаться неприкосновенными и при судебной реформѣ въ краѣ, такъ какъ въ задачу этой реформы

совсѣмъ не входятъ какія бы то ни было измѣненія въ сводѣ мѣстн. узаконеній края. Если же это такъ, то гражданскій уставъ 20 ноября, конечно, не можетъ быть введенъ тамъ даже и съ значительными измѣненіями.

2. Уставъ 20 ноября, какъ рассчитанный исключительно на внутреннія губерніи Россіи, не дѣлаетъ никакихъ распоряженій по многимъ предметамъ, о которыхъ должны быть правила въ мѣстномъ уставѣ края, въ виду имѣющихся тамъ особыхъ постановленій свода; напр., по предмету исчисленія степеней родства и свойства (ст. 243 и слѣд. и 265 мѣстн. свод.), о защитѣ отсутствующихъ, въ случаѣ какихъ-либо со стороны ихъ упущеній (ст. 3088 и 3092), о возстановленіи въ прежнее состояніе (ст. 3092), о правѣ требовать показанія вещи (ст. 4593 и слѣд.) и т. п.

И 3) нѣкоторые постановленія общаго устава гражд. судопроизводства находятся въ прямомъ противорѣчій съ прибалтійскимъ гражданскимъ правомъ. Такъ, напр., по 19 ст. устава гражданскаго судопроизводства, могутъ искать и отвѣчать на судѣ, за всѣхъ состоящихъ подъ опекою, какъ по несовершеннолѣтію, такъ и по душевнымъ и физическимъ недугамъ, исключительно ихъ родители и опекуны, между тѣмъ, по ст. 354 и 503 ч. III св. мѣст. узак., заключенныя несовершеннолѣтними, безъ участія опекуновъ, юридическія сдѣлки признаются дѣйствительными, если опекуны утвердятъ потомъ эти сдѣлки своимъ согласіемъ, а совершенныя умалишенными, въ свѣтлые промежутки, юридическія сдѣлки считаются также вполнѣ дѣйствительными. По ст. 20 устава, состоящіе подъ опекою за расточительность не имѣютъ права ни искать, ни отвѣчать на судѣ; напротивъ того, по ст. 509 ч. III св. мѣстн. узак., юридическія сдѣлки, заключенныя объявленными по суду расточителями, безъ согласія попечителей, признаются дѣйствительными, когда они обращались въ пользу расточителей. По ст. 48 устава, повѣренный можетъ окончить всякое дѣло миромъ, хотя бы о томъ не было упомянуто въ довѣренности, а по 3595 ст. III ч. св. мѣст. узак. повѣренный пользуется такимъ правомъ только тогда, когда онъ именно на

то уполномоченъ. По ст. 115 устава, присяга допускается лишь по взаимному соглашенію сторонъ; напротивъ того, по ст. 398, 1629, 1631, 1841, 3456, 3457 и 3678 ч. III свода мѣст. узак., присяга допускается и независимо отъ согласія противной стороны и составляетъ особый видъ доказательства, совершенно равнаго всѣмъ прочимъ доказательствамъ.

Возможно ли одолѣть всѣ эти затрудненія? Возможно ли, несмотря на все, сейчасъ сказанное, ввести въ прибалтійскомъ краѣ уст. гражд. суд. 20 ноября съ нѣкоторыми, конечно, измѣненіями и дополненіями къ нему, не нарушая существенныхъ постановленій мѣстнаго матеріальнаго права?

Намъ кажется, что съ распространеніемъ на этотъ край дѣйствія 80 ст. гражд. уст., какъ она есть, возможно ввести тамъ этотъ уставъ даже и при половинной реформѣ, о которой теперь идетъ рѣчь, и вотъ на какихъ основаніяхъ.

Прибалтійскіе юристы, или, точнѣе, составители мѣстнаго проекта совершенно ошибочно считаютъ всѣ постановленія III ч. св. мѣст. узак., исчисленные нами въ 1-мъ пунктѣ, входящими въ систему матеріальнаго гражданского права края. Постановленія эти чисто процессуальныя и попали въ сводъ единственно вслѣдствіе особенностей кодификаціи этого свода; лучшимъ же доказательствомъ этого могутъ служить дѣйствующіе кодексы Европы, и въ томъ числѣ—что для прибалтійскихъ юристовъ должно быть особенно убѣдительно—прусскій Landrecht и австрійское гражданское уложеніе, въ которыхъ вовсе нѣтъ такихъ постановленій, какъ тѣ, на которыя мы указали. Точно также и въ кодексѣ Наполеона изъ процессуальныхъ положеній помѣщены только правила о доказательствахъ (3 кн., 4 т., гл. VI); но почти всѣ комментаторы этого кодекса находятъ, что правила о доказательствахъ не на мѣстѣ, что они должны быть перенесены въ уставъ гражд. судопроизводства. Если же всѣ упомянутыя постановленія свода признать процессуальными, то само-собою разумѣется, что они могутъ подлежать измѣненію и помимо пересмотра въ законодательномъ порядкѣ самаго свода, т.-е. при судебной реформѣ. Причемъ нѣтъ надобности даже въ особомъ законодательномъ актѣ объ

отмѣнѣ или измѣненіи этихъ постановленій: они упадутъ сами собою въ силу правила: *«lex posterior derogat priori»*. И это вовсе не будетъ какою-либо новостью въ исторіи законодательства нашей страны. Въ 1 ч. X т. есть также очень много постановленій матеріально-процессуальнаго характера и всѣ эти постановленія — въ чемъ они не согласны съ уставомъ гражданскаго судопроизводства — практика наша совершенно основательно признала потерявшими нынѣ силу. Укажемъ одинъ только, но весьма рѣзкій примѣръ: въ 291 ст. 1 ч. X т. определено, что малолѣтние, по достиженіи ими двадцати лѣтъ съ годомъ, имѣютъ право въ теченіи извѣстнаго срока принести апелляцію на состоявшееся противъ нихъ рѣшеніе, хотя бы опекунами ихъ и былъ пропущенъ общій апелляціонный срокъ. Въ уставѣ гражд. судопр. ничего не говорится о такой привилегіи малолѣтнихъ, и сенатъ призналъ, что, съ изданіемъ этого устава, она должна считаться отмѣненною ¹⁾. То же самое, конечно, произойдетъ и должно произойти и съ соответствующими постановленіями III ч. св. мѣст. узак. Но при этомъ само собою разумѣется, что всѣ эти постановленія должны быть предварительно подвергнуты тщательному изученію, чтобы, исторгая плеведа, не исторгнуть и пшеницы изъ мѣстнаго гражданскаго кодекса.

Что же касается затрудненій, указанныхъ выше, во 2-мъ и 3-мъ пунктахъ, то они еще менѣе могутъ быть признаны непреодолимыми, чѣмъ предыдущее. Дѣло въ томъ, что постановленія мѣстнаго свода, о которыхъ идетъ рѣчь въ этихъ пунктахъ, весьма немногочисленны, а потому изъ-за нихъ вовсе нѣтъ надобности составлять цѣлый особый уставъ судопроизводства. Всѣ приспособленія устава 20 ноября въ остзейскому краю въ виду упомянутыхъ постановленій свода весьма удобно могутъ быть сдѣланы въ формѣ особаго и притомъ не общирнаго положенія о примѣненіи этого устава въ прибалтійскимъ губерніямъ, подобно тому, какъ это сдѣлано, напр., при введеніи уставовъ въ закавказскомъ край. Въ это

¹⁾ Кассац. рѣш. 20 марта 1874 г. по дѣлу Гусева съ Сербиновомъ.

же положеніе могутъ и должны быть внесены и всѣ тѣ правила нынѣ дѣйствующаго въ прибалтійскихъ губерніяхъ процесса, о которыхъ мы уже упомянули выше, какъ о достойныхъ сохраненія и на будущее время.

Послѣдующее изложеніе наше, которое будетъ посвящено разсмотрѣнію какъ общаго характера, такъ и отдѣльныхъ статей изложеннаго выше проекта, надѣмся, вполне подтвердить только-что высказанную нами мысль. Скажемъ, однако, напередъ, что, какъ бы ни разрѣшился вопросъ объ особомъ уставѣ гражданскаго судопроизводства для остзейскаго края, мѣстный проектъ, только отчасти исправленный министерствомъ юстиціи, долженъ быть, по нашему мнѣнію, во всякомъ случаѣ отвергнуть, какъ совершенно неудовлетворительный ни по содержанію своему, ни по формѣ изложенія. Мы, съ своей стороны, будемъ разбирать его единственно съ цѣлію отмѣтить, что изъ содержащагося въ этомъ проектѣ слѣдуетъ признать заслуживающимъ вниманія какъ матеріалъ для иныхъ работъ по этому же предмету.

С. Платоновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

Институтъ государственныхъ обвинителей въ новомъ австрійскомъ процессѣ.

Прогрессъ уголовного законодательства и науки сдѣлали въ настоящее время общепризнаннымъ то положеніе, что уголовный процессъ долженъ облекаться въ такъ-называемую обвинительную форму, *Anklageform*, построенную на началѣ публичнаго обвиненія, по общему правилу, и на началѣ свободнаго обвиненія частныхъ лицъ (*Dispositions-Maxime*), по исключенію для преступленій частныхъ.

Это начало публичнаго обвиненія проводится въ процессѣ путемъ организаціи особаго института государственныхъ обвинителей и составляетъ существеннѣйшую черту новаго судопроизводства; въ старомъ, инквизиціонномъ — слѣдственномъ въ чистомъ видѣ — процессѣ главная ошибка заключалась именно въ томъ, что функціи обвиненія, защиты, слѣдствія и суда обыкновенно сосредоточивались въ одномъ и томъ же лицѣ или коллегіи. Выдѣленіе этихъ функцій и распредѣленіе ихъ между отдѣльными агентами есть одна изъ главныхъ задачъ всей новѣйшей преобразовательной дѣятельности въ области уголовного процесса.

Всѣ новыя законодательства облачаютъ процессъ въ обвинительную форму; но организація института государственныхъ обвинителей и положеніе ихъ въ процессѣ являются весьма

различными, начиная от шотландских обвинителей, какъ чистѣйшей формы института, и кончая прокурорскимъ надзоромъ на французскій или современный русскій образецъ. Очевидно, что та или другая организація этого института оказывасть громадное, преобладающее вліяніе на весь процессъ, отдаляя или приближая его къ типу инквизиціонной формы. Вотъ причины, которыя придаютъ особый интересъ изученію этого вопроса въ новѣйшихъ законодательствахъ Европы.

Современный австрійскій процессъ образованъ уставомъ 23 мая 1873 (*Die Strafprozessordnung vom 23 Mai 1873*). Первый проектъ этого устава былъ представленъ въ палату еще въ 1868 году. Коммисія палаты сдѣлала въ немъ весьма многія и существенныя измѣненія; на основаніи этихъ измѣненій, а также признанной неудобности вести одновременно реформу процесса съ реформой уголовного уложенія (какъ то предполагалъ этотъ проектъ), былъ составленъ другой проектъ, который и внесенъ въ палату 16 февраля 1872 уже Глазеромъ ¹⁾. На этотъ разъ проектъ былъ утвержденъ съ весьма небольшими, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, измѣненіями.

Въ основаніе устава 23 мая 1873 г. положенъ тотъ принципъ, что заботиться о преслѣдованіи и наказаніи преступленій, не только помимо, но и противъ воли пострадавшаго отъ преступленія лица, есть право и обязанность государства (*Officialmaxime*). Признавъ обязанность государства преслѣдовать преступленія отъ своего лица, законодатель не теряетъ изъ виду и результатовъ стараго инквизиціоннаго процесса, построеннаго на этомъ же началѣ, а посему признаетъ необходимымъ строгое выдѣленіе функций обвиненія отъ функций судебныхъ, признаетъ необходимымъ, «чтобы охраненіе общественныхъ интересовъ по преслѣдованію преступленій было ввѣрено государственными обвинителями, притомъ исключительно имъ однимъ, чтобы возбужденіе уголовного иска, обвиненіе не могло исходить отъ суда и чтобы такимъ образомъ старое юридическое правило,

¹⁾ Рѣчь министра юстиціи Глазера въ засѣданіи палаты 16 февраля 1872 г.

wo kein Kläger kein Richter, снова получило свою силу, безъ вреда для общественныхъ интересовъ» ¹⁾.

Сообразно этимъ основнымъ положеніямъ, уставъ даетъ слѣдующія общія опредѣленія по вопросу о порядкѣ возбужденія уголовного преслѣдованія: «судебное преслѣдованіе преступныхъ дѣяній возникаетъ только по жалобѣ обвинителя. Относительно дѣяній, преслѣдованіе которыхъ поставляется по закону въ зависимость отъ воли пострадавшаго, этому послѣднему принадлежитъ право частной жалобы. Всѣ прочія преступныя дѣянія суть предметъ публичной жалобы, возбужденіе которой принадлежитъ ближайшимъ образомъ институту государственныхъ обвинителей (Staatsanwaltschaft); но вмѣсто нихъ можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ, согласно съ опредѣленіями настоящаго устава, предпринято и лицомъ пострадавшимъ» ²⁾.

Такимъ образомъ устанавливаются три порядка возбужденія уголовного иска: во-первыхъ, обвиненіе со стороны государственнаго обвинителя; во-вторыхъ, предъявленіе частной жалобы по преступленіямъ частнымъ, и, въ-третьихъ, вступленіе въ процессъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, лица пострадавшаго, вмѣсто государственнаго обвинителя (subsidiäre Privatanklage). Первый порядокъ есть общее правило, два послѣдніе—исключеніе.

Внѣшняя организація института Staatsanwaltschaft близко подходитъ къ организаціи ministère public во Франціи. Органами уголовного правосудія по уставу являются: 1) Bezirksgerichte, 2) Gerichtshöfe erster Instanz, 3) Geschwornengerichte, 4) Gerichtshöfe zweiter Instanz и 5) Oberst Gerichtshof als Cassationshof ³⁾. При каждомъ Gerichtshof erster Instanz находится одинъ Staatsanwalt, при Gerichtshof zweiter Instanz—Oberstaatsanwalt, при Cassationshof—Generalprocurator; всѣ они имѣютъ при себѣ извѣстное число товарищей, Stellvertreter. Эти Stellvertreter, выступая на ихъ мѣсто въ процессъ,

¹⁾ Motivenbericht der Regierung S. 11, 14.

²⁾ Strafprocessordnung, § 2.

³⁾ Strafprocessordnung, § 8.

уполномочиваются закономъ во всѣмъ соотвѣтственнымъ должностнымъ дѣйствіямъ въ полномъ ихъ объемѣ. Staatsanwalt'ы подчинены Oberstaatsanwalt'амъ, а эти послѣдніе, равно какъ и Generalprocurator, подчинены непосредственно министру юстиціи. При Bezirksgerecht обязанності государственнаго обвинителя по возбужденію уголовного преслѣдованія и проведенію его на судѣ возлагаются или на одного изъ членовъ какого-либо Staatsbehörde, причѣмъ чиновники, назначаемые въ исправленію обязанностей обвинителя, продолжаютъ находиться и въ этой своей дѣятельности подѣ надзоромъ своего непосредственнаго начальства, или возлагаются на особыхъ лицъ изъ различныхъ сферъ общественной жизни, по избранію Oberstaatsanwalt'a. Лица эти называются staatsanwaltschaftliche Functionäre и получаютъ извѣстное вознагражденіе, опредѣленіе размѣра котораго предоставляется или на усмотрѣніе министра юстиціи, или устанавливается, такъ сказать, по взаимному соглашенію при самомъ назначеніи на должность. Порядокъ назначенія слѣдующій: Oberstaatsanwalt, если не имѣетъ въ виду опредѣленнаго лица для занятія этой должности, приглашаетъ всѣхъ желающихъ и удовлетворяющихъ законнымъ условіямъ сдѣлать о томъ заявленіе съ обозначеніемъжелаемаго ими вознагражденія; вознагражденіе это должно быть обозначаемо въ minimum'ѣ размѣра, такъ какъ ceteris paribus наименьшій размѣръ вознагражденія можетъ служить основаніемъ къ предпочтенію; обозначеніе размѣражелаемаго содержанія необязательно — оно можетъ быть предоставлено на усмотрѣніе министра юстиціи.

Въ своей служебной дѣятельности staatsanwaltschaftliche Functionäre находятся въ полной зависимости отъ Staatsanwalt'овъ и Oberstaatsanwalt'овъ тѣхъ судовъ, въ округѣ которыхъ находится соотвѣтствующій Bezirksgerecht. За неисполненіе или нарушеніе ими своихъ обязанностей Staatsanwalt можетъ налагать на нихъ дисциплинарнымъ порядкомъ штрафъ въ размѣрѣ мѣсячнаго содержанія; за болѣе грубыя нарушенія обязанностей Oberstaatsanwalt можетъ удалять ихъ отъ должности. Сверхъ того, законъ предоставляетъ Oberstaatsanwalt'у

право увольнять ихъ отъ должности во всякое время безъ объясненія причинъ ¹⁾).

Oberstaatsanwalt'y принадлежить надворъ за всѣми органами государственнаго обвиненія, дѣйствующими въ округѣ Gerichtshof'a второй инстанціи, при которомъ онъ состоитъ; онъ можетъ принимать участіе во всякомъ производствѣ, относящемся къ ихъ вѣдомству, или непосредственно, или чрезъ своего Stellvertreter'a. Generalprocurator можетъ, какъ по порученію министра юстиціи, такъ и по собственному своему усмотрѣнію, приносить въ интересахъ закона кассационный протестъ (Nichtigkeitsbeschwerde) противъ всякаго судебнаго рѣшенія, въ которомъ заключается нарушеніе или невѣрное приложеніе закона, хотя бы сами стороны—какъ обвиняемый, такъ и обвинитель—и не воспользовались въ теченіе законнаго срока принадлежащимъ имъ правомъ обжалованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Staatsanwalt'y обязаны сообщать Oberstaatsanwalt'y о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, требующихъ, по ихъ мнѣнію, такой Nichtigkeitsbeschwerde; отъ усмотрѣнія Oberstaatsanwalt'a зависитъ представить дѣло Generalprocurator'y или оставить сообщеніе безъ послѣдствій.

По истеченіи каждаго года Generalprocurator и Oberstaatsanwalt'y обязаны представлять министру юстиціи отчеты о рѣшенныхъ и находящихся еще въ производствѣ дѣлахъ, о состояніи и движеніи правосудія и, наконецъ, о замѣченныхъ недостаткахъ въ законодательствѣ и въ порядкѣ веденія дѣлъ ²⁾).

Что касается до взаимныхъ отношеній суда и органовъ обвинительной власти, то въ этомъ отношеніи уставъ признаетъ ихъ полную независимость. «Проектъ стремится установить институтъ государственныхъ обвинителей—говорится въ мотивахъ—такъ, чтобы они выполняли свое призваніе независимо отъ судовъ, и въ то же время не имѣли бы никакой возможности посягнуть на независимость этихъ послѣднихъ» ³⁾).

¹⁾ Vollzugsvorschrift des Justizministers vom 19 Nov. 1873. R. G. Bl. № 152. Amtsverrichtungen der staatsanwaltschaftlichen Organe bei den Bezirksgerichten, Handausgabe d. Oesterr. Gesetze. Heft. 25.

²⁾ Strafprocessordnung, §§ 29—37.

³⁾ Motivenbericht der Regierung, S. 23.

Параграфъ 30 устава говоритъ: государственные обвинители охраняютъ, въ опредѣленной для нихъ дѣятельности области, интересы государства; въ отправленіи своей должности они независимы отъ тѣхъ судовъ, при которыхъ состоятъ; съ другой стороны, § 35 положительно воспрещаетъ Staatsanwalt'амъ присутствовать при подачѣ голосовъ и постановленіи рѣшеній въ судахъ. На основаніи §§ 92 и 97 слѣдователь сохраняетъ по отношенію къ представителю обвинительной власти всю полноту своего самостоятельнаго судейскаго усмотрѣнія; предложенія органовъ обвиненія, какъ по возбужденію слѣдствія, такъ и по принятію тѣхъ или другихъ мѣръ и слѣдственныхъ дѣйствій, не имѣютъ для него безусловно-обязательнаго значенія: въ случаѣ несогласія законъ предоставляетъ ему право передавать дѣло на рѣшеніе такъ-называемой совѣщательной палаты при Gerichtshof'ѣ первой инстанціи (Rathskammer). Во время самаго производства предварительнаго слѣдствія органъ государственнаго обвиненія не имѣетъ никакихъ прямыхъ средствъ оказывать давленіе на слѣдователя.

Таковы ясныя и точныя опредѣленія закона. Но всякому знакомому съ дѣломъ извѣстно, что для дѣйствительной независимости суда отъ давленія органовъ обвинительной власти мало однихъ законодательныхъ опредѣленій въ уставѣ уголовного судопроизводства; необходимо, чтобы принципу независимости суда соответствовали всѣ прочія положенія судоустройства и, главнѣйшимъ образомъ, условія государственнаго управленія. При извѣстныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ въ системѣ и приѣмахъ государственнаго управленія и при извѣстномъ настроеніи коронныхъ должностныхъ лицъ вообще, достаточно самаго небольшого уклоненія отъ строгаго раздѣленія функций и самаго небольшого расширенія правъ и обязанностей обвинительной власти, чтобы лишить судъ независимости и въ значительной степени подчинить его косвенному давленію органовъ обвиненія. Такимъ уклоненіемъ является, напр. (не говоря уже о другихъ дополнительныхъ обязанностяхъ и правахъ, превращающихъ государственныхъ обвинителей въ органъ прокурорскаго надзора), представленіе государственнымъ обвини-

телями ежегодных вѣдомостей о ходѣ правосудія министру юстиціи. Французская практика достаточно показала, какое значеніе могутъ имѣть подобныя ежегодныя вѣдомости. Австрійскій уставъ, несмотря на то, что мотивы его отлично доказываютъ весь вредъ такого положенія вещей, не остановился передъ введеніемъ правила объ ежегодныхъ вѣдомостяхъ и, такимъ образомъ, далъ путь практикѣ подкапываться подъ лучшую идею устава — независимость суда. Опасность такого оборота увеличивается если не характеромъ системы управленія, то во всякомъ случаѣ тѣмъ направленіемъ, которое имѣла въ этомъ отношеніи старая практика.

Выставивъ въ § 2 основное положеніе о томъ, что судебное преслѣдованіе начинается только по жалобѣ обвинителя, австрійское законодательство не ограничивается этимъ въ послѣдовательномъ проведеніи началъ обвинительной формы процесса и принципа выдѣленія обвинительныхъ функций; уставъ не только отдаетъ на усмотрѣніе органовъ обвинительной власти возбужденіе уголовного преслѣдованія, но предоставляетъ имъ и право отказа отъ него во всякой стадіи процесса съ безусловно-обязательнымъ для суда значеніемъ. Уставъ отказывается признать коренное правило французскаго процесса: разъ возбужденное преслѣдованіе можетъ быть прекращено только судомъ.

Въ глазахъ безпристрастнаго изслѣдователя, говорятъ мотивы, французское право не можетъ избѣгнуть упрека въ непослѣдовательности. Оно устанавливаетъ особые органы для возбужденія и проведенія публичной жалобы, устанавливаетъ рядъ положеній, направленныхъ къ тому, чтобы слѣдствіе по преступленіямъ не могло быть начато иначе, какъ по требованію государственнаго обвинителя; но съ того момента, какъ только слѣдователь приступилъ къ дѣятельности, все дѣло считается перешедшимъ въ вѣдомство суда; затѣмъ, съ точки зрѣнія этой послѣдней мысли, является вполне естественнымъ, что весь процессъ можетъ быть веденъ до конца единственно по распоряженію суда, противъ воли и убѣжденія органовъ обвинительной власти. Этой мысли вовсе не противорѣчитъ и то, что главнымъ основаніемъ судебного слѣдствія — являющагося

центромъ тяжести всего процесса и облеченнаго въ форму сознанія, въ которомъ одною изъ сторонъ выступаетъ представитель прокуратуры — можетъ оказаться судебное рѣшеніе, состоявшееся противъ заключенія послѣдней, но тѣмъ не менѣе для нея обязательное, такъ какъ отказъ отъ обвиненія не получаетъ процессуальнаго значенія. Разсуждая далѣе объ этомъ предметѣ, мотивы указываютъ, что изъ такого смѣшенія обвинительныхъ функций съ судебными вытекаетъ, съ одной стороны, неестественность положенія государственныхъ обвинителей, обязанныхъ проводить искъ, ими отвергнутый, и требовать наказанія за дѣяніе, ими признанное непроступнымъ, а съ другой — не менѣе неправильное положеніе суда, изрекающаго уголовный приговоръ по дѣлу, въ которомъ онъ самъ возбудилъ или провелъ обвиненіе ¹⁾).

«Государство имѣетъ теперь, какъ и прежде — такъ заключаютъ свои разсужденія мотивы — двоякую задачу: заботиться о томъ, чтобы всѣ преступленія были раскрыты и преступники преслѣдуемы, и чтобы рѣшеніе вопроса о виновности извѣстнаго лица, противъ котораго возбуждено обвиненіе, происходило на основаніи истины, справедливости и закона. Прежде объ эти задачи были возложены на судъ; теперь онѣ признаются несоединимыми, и стремленіе нашего времени направлено именно къ тому, чтобы ограничить дѣятельность суда второй задачей, первую же передать исключительно особому самостоятельному органу. Въ этомъ смыслѣ проектъ предоставляетъ инициативу преслѣдованія институту государственныхъ обвинителей, не допуская того, чтобы ихъ дѣятельность выполнялась или дополнялась дѣятельностью судовъ. Вѣдомство судовъ ограничивается тѣми лицами и тѣми дѣйствіями, относительно которыхъ государственные обвинители потребуютъ ихъ рѣшенія. Но самое это рѣшеніе судьи должны постанов-

¹⁾ Того же взгляда держался уже старый австрійскій процессъ по уставу 1850 г., хотя начало это не было проведено въ немъ съ такою отчетливостью, какъ въ новомъ уставѣ. Въ старомъ процессѣ, кромѣ того, оставался длиннй рядъ неразрѣшенныхъ сомнѣній. Würth: Die oesterreichische Strafprozessordnung v. 17 Jan. 1850.

лять согласно съ истиной и закономъ, по убѣжденію своему и совѣсти, отнюдь не связывая себя ни въ юридическомъ обсужденіи фактовъ, ни въ опредѣленіи наказанія воззрѣніями обвинительной власти¹⁾.

Проводя эти положенія въ процессъ, уставъ даетъ рядъ слѣдующихъ опредѣленій: слѣдователь можетъ начинать слѣдствіе только относительно тѣхъ дѣяній и тѣхъ лицъ, относительно которыхъ послѣдовало предложеніе государственнаго обвинителя. Получивъ заявленія о другихъ дѣяніяхъ, онъ принимаетъ только тѣ необходимыя дѣйствія, относительно которыхъ представляется опасность пропущенія законныхъ сроковъ или которыя не могутъ быть отложены безъ вреда для цѣлей слѣдствія; но онъ обязанъ немедленно увѣдомить Staatsanwalt'a и затѣмъ ожидать его предложеній.

Всякое слѣдствіе прекращается, какъ только Staatsanwalt сдѣлаетъ о томъ предложеніе. Прекращенное такимъ образомъ слѣдствіе можетъ быть возобновлено только тогда, когда окажутся новыя доказательства.

Равнымъ образомъ, всякое производство прекращается, если Staatsanwalt по заключеніи предварительнаго слѣдствія заявить, что онъ не намѣренъ представлять обвинительнаго акта, или даже по составленіи его возьметъ его назадъ до начала судебного слѣдствія.

Наконецъ, отказъ обвинителя отъ обвиненія во время судебного слѣдствія влечетъ за собою оправдательный приговоръ.

Засимъ въ области, ограниченной этими предѣлами, судъ дѣйствуетъ совершенно самостоятельно; онъ не можетъ только признать подсудимаго виновнымъ въ такомъ дѣяніи, на которое не простирается обвиненіе. Самый размѣръ наказанія опредѣляется судомъ безъ предложенія о томъ обвинительной власти; по мнѣнію составителей устава, заключеніе обвинителя о размѣрахъ наказанія можетъ только стѣснять судъ (въ особенности въ случаяхъ соучастія), не принося никакой пользы дѣлу²⁾.

¹⁾ Motivenbericht der Regierung, S. 15, 19.

²⁾ Strafprocessordnung, §§ 89, 92, 109, 110, 112, 227, 259, 352. Motivenbericht der Regierung, S. 22, 23.

Несомненно, что всё эти опредѣленія устава составляютъ послѣдовательное и строгое проведеніе принципа выдѣленія обвинительныхъ функций, и съ этой точки зрѣнія нельзя сдѣлать противъ нихъ ни малѣйшаго возраженія; но дѣло въ томъ, что вопросъ этотъ имѣетъ и другую сторону, именно очевидную опасность злоупотребленій со стороны органовъ обвинительной власти, поставленныхъ въ столь безконтрольное отношеніе къ уголовному иску. Никакой уставъ уголовного судопроизводства не можетъ игнорировать этихъ соображеній и долженъ дать ту или другую гарантію. Австрійское законодательство вводитъ институтъ, который является не только наилучшею гарантіей отъ упомянутыхъ злоупотребленій, но и образцовымъ шагомъ впередъ на пути прогрессивнаго развитія судебныхъ учреждений. Это такъ-называемая *subsidiäre Privatanklage*, вспомогательная частная жалоба, о которой я уже упоминалъ выше при цитированіи § 2; это есть право частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ преступленія, выступать въ качествѣ обвинителей въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинительная власть откажется отъ возбужденія преслѣдованія или отъ проведенія его на судѣ.

По уставу потерпѣвшій отъ преступленія всегда является дѣйствующимъ лицомъ въ процессѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдованіе возбуждено и проводится обвинительной властью, ему обезпечивается право и возможность содѣйствовать обвиненію рядомъ съ органомъ этой власти; онъ имѣетъ въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ правъ, строго опредѣленныхъ закономъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда послѣдовалъ отказъ обвинительной власти отъ преслѣдованія, за пострадавшимъ признается право самостоятельнаго обвиненія, *subsidiäre Privatanklage*. Не вдаваясь въ сколько-нибудь подробное изложеніе порядка этихъ вспомогательныхъ обвиненій, какъ выходящее за предѣлы настоящей статьи, я укажу только главные черты его. § 48 устанавливаетъ: а) если государственный обвинитель не далъ хода заявленію или жалобѣ, то пострадавшій имѣетъ право требовать судебного предписанія о началѣ слѣдствія; б) если обвинительная власть отказалась отъ обвиненія

уже по началу предварительнаго слѣдствія, но до представленія обвинительнаго акта, то пострадавшій имѣетъ право или представить отъ себя обвинительный актъ, или обжаловать предварительно самое прекращеніе слѣдствія, смотря потому, было ли оно заключено, прекращено въ силу отказа обвинительной власти, или прекращено по рѣшенію суда (совѣщательной камеры); в) если обвинительная власть отказалась отъ обвиненія послѣ представленія обвинительнаго акта, то пострадавшій можетъ оставить его въ силѣ и продолжать проведеніе обвиненія отъ своего лица. Такимъ вступленіемъ пострадавшаго лица въ права обвинителя, обвинительная власть не устраняется безусловно отъ процесса; за нею остается уставомъ право вступить снова въ процессъ въ качествѣ обвиняющей стороны во всякомъ его положеніи.

Очевидно, что такая комбинація публичнаго обвиненія съ обвиненіемъ частнымъ, являясь сама по себѣ самостоятельнымъ, имѣющимъ громадное значеніе въ новомъ процессѣ институтѣ, представляетъ въ то же время наилучшую гарантію противъ произвола и злоупотребленій органовъ обвинительной власти, гарантію несравненно лучшую, чѣмъ непосредственный контроль или участіе суда въ возбужденіи и проведеніи уголовного иска, тѣмъ болѣе, что такое непосредственное участіе несомнѣнно составляетъ нарушеніе принципа выдѣленія обвинительныхъ функций. Впрочемъ, составители устава не придаютъ большаго значенія опасеніямъ относительно злоупотребленій со стороны органовъ обвинительной власти и полагаютъ, что всякая опасность въ этомъ отношеніи можетъ быть устранена и безъ установленія права *subsidiäre Privatanklage*, въ чемъ едва ли можно съ ними согласиться.

Разсуждая о средствахъ контроля надъ дѣятельностью государственныхъ обвинителей, говорится въ мотивахъ ¹⁾, необходимо различать два рода возможныхъ злоупотребленій: во-первыхъ, тѣ злоупотребленія, которыя могутъ вытекать изъ положенія отдѣльнаго органа обвинительной власти; во-вторыхъ,

¹⁾ Motivenbericht der Regierung, S. 24—25.

злоупотребленія, возможность которых связана съ положеніемъ всего института государственныхъ обвинителей, именно съ его отношеніями къ правительству. Противъ злоупотребленій пераго рода составители устава признають вполне достаточными средствами: общую угрозу уголовного закона касательно преступленій по должности, надворъ непосредственного начальства, получающій особую силу въ организациі института государственныхъ обвинителей, и, наконецъ, то обстоятельство, что большая часть дѣятельности государственнаго обвинителя проходитъ открыто передъ глазами суда и самаго общества.

Относительно злоупотребленій втораго рода, необходимо рассмотретьъ вопросъ, не можетъ ли дѣйствительно правительство чрезъ министра юстиціи, которому такъ строго подчинены органы обвинительной власти, злоупотреблять положеніемъ послѣднихъ для того, чтобы производить недостойное вліяніе на отправленіе правосудія и, вмѣсто заботы о справедливомъ, нелицепріятномъ и дѣлсообразномъ отправленіи его, укрывать изъ какихъ-либо позорныхъ мотивовъ извѣстныхъ лицъ или извѣстные проступки отъ дѣйствія уголовного закона. Едва ли можно допустить, чтобы правительство дѣйствительно рѣшилось сдѣлать своихъ подчиненныхъ соучастниками и свидѣтелями такого образа дѣйствій и запечатлѣть его притомъ въ официальной перепискѣ, которой едва ли можно избѣжать въ подобныхъ случаяхъ. Равнымъ образомъ трудно допустить, чтобы правительство, столь низко упавшее, не нашло другихъ менѣе сомнительныхъ средствъ. Во всякомъ случаѣ необходимо обратить вниманіе на то, что гарантіи противъ подобныхъ злоупотребленій, нарушающихъ общественные интересы, должны заключаться вовсе не въ уголовно-процессуальныхъ, а въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Съ послѣднею мыслью нельзя не согласиться; остальные по меньшей мѣрѣ могутъ быть подвергнуты сомнѣнію, если обратить вниманіе, напр., на прежнюю французскую практику и т. п.

Установивъ такіа отношенія суда къ обвиненію и представителямъ обвиненія къ суду, австрійское законодательство

организуешь вполне последовательно особый порядок предания суду, находящийся въ полномъ соотвѣтствіи съ тою ролью, которую даетъ уставъ сторонамъ въ процессѣ. Въ австрійскомъ порядкѣ преданія суду, судебное опредѣленіе является на сцену только въ исключительныхъ случаяхъ; по общему же правилу преданіе суду обосновывается единственнымъ обвинительнымъ актомъ Staatsanwalt'a.

Составители устава указываютъ на то обстоятельство, что, сколь ни разнообразенъ порядокъ преданія суду въ законодательствахъ, начиная отъ англійскаго типа и кончая французскимъ порядкомъ непосредственнаго привлеченія къ суду при délits, онъ никогда не достигаетъ той цѣли, которая кладется въ его основаніе. Введеніемъ особой ступени въ процессъ — преданія суду желаютъ достигъ, говорятъ мотивы, тройной цѣли: упрощенія процесса посредствомъ выдѣленія тѣхъ случаевъ, въ которыхъ судебное слѣдствіе очевидно бесполезно; охраненія обвиняемаго противъ неосновательныхъ привлеченій къ суду; установленія твердаго и достовѣрнаго основанія для судебного слѣдствія посредствомъ опредѣленной формулировки обвиненія. Ни одна изъ этихъ цѣлей не достигается въ дѣйствительности и вся сложная процедура преданія суду получаетъ видъ ряда дѣйствій, предпринимаемыхъ единственно ради соблюденія формы, и представляетъ въ силу этого лишь излишнее отягченіе производства и вредно-дѣйствующее расширеніе письменности.

«Прежде всего надо замѣтить, — продолжаютъ далѣе мотивы, разбирая прежній порядокъ преданія суду, — что въ огромномъ большинствѣ случаевъ коллегіальное обсужденіе вопроса о преданіи суду представляется совершенно излишней мѣрой; въ бѣльшей части случаевъ имѣется или сознаніе обвиняемаго, или столь сильныя доказательства, что самъ обвиняемый находится вполне въ порядкѣ вещей передачу дѣла въ судъ. (Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить малое число жалобъ на опредѣленія о преданіи суду по нынѣ дѣйствующему уставу). Случаи же, въ которыхъ опредѣленія о преданіи суду постановляются противъ заключенія представи-

тели обвинительной власти, встрѣчаются на практикѣ еще рѣже. Отсюда слѣдуетъ, что хотя всякое уголовное дѣло обращается къ коллегіальному обсужденію, но дѣйствительно спорныхъ и дающихъ поводъ къ разномыслию дѣлъ въ этомъ числѣ бываетъ очень мало. Такимъ образомъ въ результатѣ оказывается очевидное несоотвѣтствіе между разрѣшаемой задачей и прилагаемыми къ рѣшенію силами. Что затрата силъ вовсе не мала, доказывается тѣмъ, что, по заключенію предварительнаго слѣдствія, необходимо еще слѣдующее: мотивированное письменное заключение Staatsanwalt'a, назначеніе докладчика, основанный на слѣдственныхъ актахъ докладъ послѣдняго, притотвореніе опредѣленія о преданіи суду съ его мотивами, и затѣмъ, по общему правилу, еще и обвинительный актъ съ такимъ же въ существенныхъ чертахъ содержаніемъ. Въ дѣлахъ, подсудныхъ суду присяжныхъ, къ этому присоединяется еще и пересылка документовъ...

«Въ практикѣ устава 1850 г., всѣ эти документы переписывались почти всегда одинъ съ другаго; однако и эта, во всякомъ случаѣ не исполнѣ механическая, работа занимаетъ очень много времени и силъ... Сверхъ того, необходимость основывать опредѣленіе о преданіи суду на документахъ можетъ поставить судъ въ такое положеніе, что онъ будетъ требовать болѣе, чѣмъ простое предварительное слѣдствіе ¹⁾».

Что касается до охраны обвиняемыхъ отъ неосновательныхъ привлеченій къ суду, то въ этомъ отношеніи составители устава находятъ, что господствующій порядокъ преданія суду дѣйствуетъ какъ разъ въ обратномъ направленіи. Въ большинствѣ случаевъ обвиняемый вовсе не желаетъ такой охраны и предпочитаетъ поскорѣе достигъ рѣшающаго суда; кромѣ того, эта воображаемая охрана слишкомъ дорого обходится обвиняемому: онъ очень часто долженъ находиться лишнее время подъ арестомъ и во всякомъ случаѣ получаетъ въ опредѣленіи о преданіи суду весьма непріятный предрѣшительный приговоръ; обвиненіе, облеченное въ форму судеб-

¹⁾ Motivenbericht d. Regierung, S. 63, 64.

наго опредѣленія и заявленное отъ имени суда, предстаетъ и передъ глазами публики, и передъ глазами присяжныхъ совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ простое обвиненіе государственнаго обвинителя.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній о дѣйствительномъ значеніи преданія суду и о недостаткахъ господствующей системы, въ уставѣ организуется новый порядокъ, въ основаніе котораго полагаются тѣже три цѣли, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: «во-первыхъ, сдѣлать возможнымъ упрощеніе процесса, не покупая эту выгоду слишкомъ высокой цѣной волокиты въ производствѣ. Во-вторыхъ, доставить обвиняемому защиту противъ неправильнаго привлеченія къ суду въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ думаетъ, что оно можетъ и должно быть отклонено отъ него... но не распространять этой охранительной мѣры на тѣхъ, кто чувствуетъ въ ней не охрану, а лишь отягченіе... Въ-третьихъ, установить твердое основаніе для судебного слѣдствія, не отнимая пустыми формальностями свободы сужденія у судьи, постановляющаго приговоръ¹⁾».

Обобщая опредѣленія устава о порядкѣ преданія суду²⁾, мы получаемъ слѣдующія основныя положенія, вполнѣ опредѣляющія роль представителей обвиненія въ этомъ фазисѣ процесса:

Рѣшеніе вопроса о томъ, должно ли быть по поводу извѣстнаго дѣянія предъявлено обвиненіе въ судъ, равнымъ образомъ и формулировка этого обвиненія въ обвинительномъ актѣ предоставляется обвинителю.

Обвиняемому предоставляется право и возможность обжаловать этотъ обвинительный актъ суду второй инстанціи; въ случаѣ необжалованія его въ узаконенный срокъ, дѣло непосредственно переходитъ къ судебному слѣдствію.

Разсматривая дѣло по жалобѣ обвиняемаго на обвинительный актъ, судъ второй инстанціи разрѣшаетъ вопросъ о подсудности, а затѣмъ можетъ только или утвердить обвиненіе, или отвергнуть весь обвинительный актъ, или отдѣльные его

¹⁾ Motivenbericht d. Regierung, S. 67, 68.

²⁾ Strafprozessordnung, §§ 207—219.

пункты, или, наконецъ, возвратить его для исправленія, по поводу нарушенія формъ или неясности изложенія; никакихъ же самостоятельныхъ опредѣленій о дополненіи или измѣненіи обвинительнаго акта не составляетъ.

Сообразно съ этимъ, моментъ преданія суду опредѣляется вступленіемъ въ законную силу обвинительнаго акта, которое въ свою очередь опредѣляется или заявленнымъ при предъявленіи акта отказомъ обвиняемаго отъ обжалованія, или пропущеніемъ сроковъ, или, наконецъ, соответствующимъ судебнымъ опредѣленіемъ, состоявшимся по жалобѣ на обвинительный актъ.

Въ обвинительномъ актѣ должно заключаться краткое, но полное изложеніе обстоятельствъ дѣла, какъ они представляются изъ первоначальнаго заявленія или изъ данныхъ, добытыхъ дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ. «Это послѣднее опредѣленіе—прибавляютъ мотивы—имѣетъ спеціальную цѣль сдержать Staatsanwalt'a въ предѣлахъ строгаго, сообразнаго съ актами изложенія и исключить страстные, одностороннія и романически-изукрашенные представленія, которыя нерѣдко имѣютъ мѣсто во французскихъ обвинительныхъ актахъ ¹⁾».

Таковы, въ основныхъ чертахъ, роль и положеніе государственныхъ обвинителей въ современномъ австрійскомъ процессѣ, вполне согласныя съ руководящимъ принципомъ всего устава 23 мая 1873 г., принципомъ выдѣленія обвинительныхъ функцій. Дѣйствительно, институтъ государственныхъ обвинителей является въ уставѣ цѣльнымъ, законченнымъ организмомъ должностныхъ лицъ, служащихъ въ процессѣ представителями интересовъ государства по охраненію правоваго порядка и преслѣдованію преступленій. Обвинительныя функціи принадлежать имъ вполне и нераздѣльно; въ своей дѣятельности они независимы и въ тоже время не имѣютъ возможности оказывать давленіе на органы власти судебной; независимость суда признается основнымъ условіемъ правильнаго отправленія правосудія.

¹⁾ Motivenbericht d. Regierung, S. 69.

Къ вышеизложенному можно, пожалуй, еще добавить, что законъ обязываетъ всѣхъ должностныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ процессѣ, въ томъ числѣ и государственныхъ обвинителей, «обращать вниманіе съ такою же тщательностью на обстоятельства, служащія къ оправданію обвиняемаго, какъ и на обстоятельства, служащія къ его обвиненію, а также объяснять обвиняемому его права, хотя бы этого въ данномъ случаѣ и не было предписано закономъ»; что государственные обвинители именуются «стражами закона», «безпристрастными охранителями интересовъ государства» и т. п.

Однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ уставомъ, нельзя не замѣтить, что дѣльность организациіи нарушается иногда постановленіями, представляющими собою явную непоследовательность. Я не хочу сказать, чтобы подобныя отступленія отъ основныхъ началъ являлись слишкомъ частыми и парализовали бы собою главное правило; но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы эти отступленія не имѣли значенія. Они представляются какими-то вставками, чуждыми духу всего устава. Въ числѣ такихъ отступленій выдается, наприм., опредѣленіе § 88, въ силу котораго представитель обвинительной власти можетъ присутствовать при неформальныхъ допросахъ, производимыхъ по его порученію чинами полиціи въ періодъ первоначальнаго дознанія, можетъ предписать произвести осмотръ и обыскъ и тоже присутствовать при немъ. Постановленіе это идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ порядкомъ предварительнаго слѣдствія, принятымъ въ уставѣ. Предварительное слѣдствіе организуется въ уставѣ вполне соотвѣтственно съ основными началами обвинительной формы процесса, насколько это возможно по отношенію къ предварительному слѣдствію, которое неизбѣжно должно носить до известной степени характеръ инквизиціонный; съ самаго его начала обвиняемому предоставляется право имѣть защитника; одностороннее вліяніе представителя обвинительной власти устраняется; участіе его въ слѣдствіи приравнивается къ участію частнаго обвинителя и ни одно его предложеніе не имѣетъ безусловно-обязательнаго значенія для слѣдователя. Съ такимъ характеромъ предварительнаго слѣдствія

плохо вьжется опредѣленіе § 88, не говоря уже о томъ, что присутствованіе представителя обвинительной власти при допросахъ въ дознаніи нарушаетъ принципъ равноправности сторонъ, столь важный въ обвинительной формѣ процесса, оно можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ оказывать вовсе нежелательное вліяніе на всю дальнѣйшую дѣятельность судебного слѣдователя. Мотивы отлично доказываютъ необходимость и пользу первоначальнаго дознанія въ видахъ охраненія свободы и чести частныхъ лицъ, указываютъ на то, что правильной организаціей дознанія удовлетворяется старое стремленіе отдѣлать генеральное слѣдствіе отъ спеціальнаго, стремленіе весьма основательное, хотя и не удававшееся въ силу различныхъ причинъ; указываютъ, наконецъ, на необходимость гарантій отъ произвола лицъ, производящихъ дознаніе, но ничего не говорятъ о присутствованіи представителя обвинительной власти и объ его непосредственномъ руководствѣ.

Не меньшее противорѣчіе съ правами и положеніемъ обвинительной власти въ процессѣ представляетъ слѣдующее опредѣленіе § 2 п. 4: «публичное обвиненіе устраняется, какъ скоро императоръ постановитъ, что судебное производство по извѣстному преступному дѣянію не должно начинаться и начатое должно быть прекращено». Нечего и говорить о томъ, что общественное и юридическое значеніе такого способа прекращенія уголовныхъ дѣлъ совершенно иное, чѣмъ значеніе помилованія послѣ состоявшагося судебного приговора. Интересно замѣтить, что ни уставъ, ни мотивы вовсе не опредѣляютъ, какое значеніе можетъ имѣть такое императорское распоряженіе для права *subsidiäre Privatanklage*.

Къ разряду такихъ же отступленій должно отнести и опредѣленіе § 146 о задержаніи почтовой корреспонденціи. По уставу судебный слѣдователь имѣетъ право задерживать корреспонденцію лицъ, находящихся подъ арестомъ, причемъ вскрытіе этой корреспонденціи можетъ послѣдовать только или съ согласія обвиняемаго, или по опредѣленію совѣщательной камеры; рядомъ съ этимъ порядкомъ, неизвѣстно для чего, § 146 предоставляетъ и государственному обвинителю право

требовать задержанія почтовой корреспонденции, хотя лишь только временно, не болѣе какъ на три дня, до полученія о томъ распоряженія со стороны судебного слѣдователя. Сколько ни незначительно, повидимому, это право обвинительной власти, тѣмъ не менѣе оно противорѣчитъ общему характеру устава; для успѣшности процесса оно не имѣетъ никакого значенія, но можетъ отерывать дорогу къ злоупотребленіямъ.

Такихъ отступленій отъ принятаго направленія можно отыскать еще нѣсколько въ уставѣ; но всѣ эти отступленія не таковы, чтобы ихъ можно было признавать подрывающими основныя начала процесса. Какъ разобранныя части устава, организующія институтъ государственныхъ обвинителей и опредѣляющія положеніе ихъ въ процессѣ, такъ и весь уставъ представляется въ главахъ изслѣдователя стройнымъ цѣлымъ, возведеннымъ на началахъ, вполне соответствующихъ требованіямъ юридической науки ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уставъ не разрываетъ связи со старымъ законодательствомъ; онъ есть послѣдовательный шагъ впередъ въ развитіи австрійскаго права. На немъ видна рука таковаго юриста, какъ Глазеръ.

Н. Сергѣевскій.

¹⁾ Слѣбѣйшимъ отдѣломъ устава является, по моему мнѣнію, порядокъ обжалованія рѣшеній.

Семейственныя и гражданскія права женщинъ по русскимъ и польскимъ законамъ.

V.

Права женщинъ по наследованію.

(Окончаніе) ¹⁾.

Главная отличительная черта русскаго законодательства о наследствѣ относительно женщинъ состоитъ въ томъ, что въ боковыхъ линіяхъ сестры вовсе устраниются отъ наследства братьями и ихъ потомствомъ, а въ нисходящей линіи сестры при братьяхъ и ихъ потомствѣ получаютъ изъ наследственнаго имущества только *указную* долю въ размѣрѣ $\frac{1}{14}$ части изъ недвижимаго и $\frac{1}{8}$ изъ движимаго; но если-бы послѣ наследодателя осталось столько дочерей, что по выдѣлѣ каждой изъ нихъ указанныхъ долей части, причитающіяся сыновьямъ, были-бы менѣе дочернихъ частей, то сыновья и дочери (или по праву представленія—потомки ихъ) получаютъ равныя доли (св. зак: т. X ч. 1 ст. 1127, 1128, 1130—1132). Въ восходящей линіи наследованіе ограничивается правомъ родителей

¹⁾ См. Ж. Гр. и Уг. Пр., кн. IV, V и VI, 1877.

на полученіе имущества, оставшагося послѣ ихъ дѣтей въ двухъ случаяхъ: 1) имущество, приобретенное самими дѣтьми, умершими бездѣтно, отдается родителямъ въ пожизненное пользованіе; 2) имущество, подаренное дѣтямъ родителями, если послѣ дѣтей не осталось потомства, возвращается подарившему родителю, какъ даръ (ст. 1141 и 1142). Супруги наследуютъ другъ послѣ друга на одинаковыхъ основаніяхъ, а именно, оставшійся въ живыхъ супругъ получаетъ изъ наследства умершаго $\frac{1}{7}$ недвижимаго и $\frac{1}{4}$ движимаго имущества, которыя выдѣляются не только изъ имущества, непосредственно принадлежавшаго умершему въ моментъ его смерти, но и изъ тѣхъ долей въ имуществѣ его отца, которыя причитались бы ему, если бы онъ находился въ живыхъ при открытіи наследства послѣ отца; если же за умершимъ супругомъ собственнаго недвижимаго имѣнія не было, то слѣдующая оставшемуся въ живыхъ супругу доля изъ недвижности выдѣляется изъ имѣнія его тестя или свекра даже при жизни сихъ послѣднихъ (ст. 1148, 1149, 1151, 1154).

Изъ этихъ общихъ правилъ дѣлаются слѣдующія исключенія относительно лицъ женскаго пола.

1) Въ губерніяхъ и уѣздахъ закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, исповѣдующіе христіанскую вѣру братья и ихъ потомки имѣютъ право слѣдующую сестрѣ изъ недвижимаго имѣнія указную часть оставить за собою, удовлетворивъ ее деньгами по оцѣнкѣ, опредѣляемой или по взаимному соглашенію заинтересованныхъ сторонъ, или по распоряженію подлежащихъ властей. Такимъ же правомъ пользуются въ томъ же краѣ наследники-христіане относительно указной доли супруговъ (дополн. къ ст. 1130, 1148 и 1153 по прод. 1863 г.).

2) Въ губерніяхъ черниговской и полтавской: А) дочери-дѣвицы при сыновьяхъ и ихъ нисходящихъ изъ отцовскаго имѣнія получаютъ лишь приданое, которое опредѣляется или по усмотрѣнію отца, или, если онъ не оставилъ завѣщанія, выдѣляется изъ $\frac{1}{4}$ части всего оставшагося послѣ отца имѣнія, для всѣхъ дочерей по соразмѣрности съ числомъ ихъ;

Б) материнское же имѣніе дѣлится между сыновьями и дочерьми по-ровну (ст. 1005 и 1133); В) имѣніе, доставшееся умершему отъ его матери между его родными братьями и сестрами, дѣлится также по равнымъ частямъ (ст. 1139); Г) взаимное наслѣдованіе супруговъ ограничивается слѣдующими случаями: а) изъ имущества, приобрѣтеннаго общими трудами супруговъ (когда они при вступленіи въ бракъ не имѣли никакого имущества), оставшійся въ живыхъ супругъ получаетъ при дѣтахъ $\frac{1}{3}$ часть; если же дѣтей нѣтъ, то все такое имущество поступаетъ въ его собственность; б) когда приданое жены не было обезпечено имѣніемъ мужа, то она по смерти его получаетъ изъ его имущества *въ награжденіе* пожизненно долю, равную долямъ дѣтей, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ часть, смотря по тому, въ которомъ бракѣ она состояла, осталась ли во вдовствѣ или вступила въ новый бракъ и имѣть ли дѣтей; в) вдова, вступившая во 2-й бракъ со вдовцомъ, имѣющимъ дѣтей, въ случаѣ вступленія ея, послѣ его смерти, въ 3-й бракъ, лишается своей наслѣдственной доли въ его имуществѣ; г) наслѣдники умершаго въ такомъ только случаѣ выдаютъ его вдовѣ вышеуказанныя части, когда онъ самъ, при своей жизни, по доброй волѣ, ничего изъ своего имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго ей законнымъ образомъ не укрѣпилъ или не далъ въ пожизненное владѣніе (ст. 1157).

3) Когда мужъ дворянскаго состоянія приметъ съ высочайшаго утвержденія фамилію жены своей, по случаю пресѣченія мужскаго поколѣнія ея рода, то, по смерти жены бездѣтною, все ея недвижимое имѣніе, доставшееся ей отъ отца, переходитъ къ мужу (ст. 1160).

4) У магометанъ всѣ жены умершаго получаютъ совокупно изъ его движимаго и недвижимаго имѣнія при дѣтахъ $\frac{1}{8}$ часть, а безъ дѣтей $\frac{1}{4}$, изъ которыхъ всѣмъ имъ выдѣляются равныя доли (ст. 1161).

5) При наслѣдованіи въ заповѣдномъ имѣніи ¹⁾: а) если

¹⁾ Общій порядокъ наслѣдованія въ заповѣдныхъ имѣніяхъ заключается въ томъ, что имѣніе переходитъ въ цѣлости къ одному лицу сначала въ нисходящей, а

владѣлецъ имѣнія умеръ, не сдѣлавъ никакого распоряженія для обезпеченія участи жены своей и тѣхъ изъ дѣтей, которыя не наследуютъ въ семь имѣній, и не объявивъ въ своемъ завѣщаніи или иномъ актѣ, что жена и эти дѣти достаточно обезпечены имъ или своимъ собственнымъ имуществомъ, то они вправе требовать—жена, чтобы ей была выдаваема ежегодно, въ теченіи ея жизни, $\frac{1}{6}$ часть чистаго дохода съ заповѣднаго имѣнія, а дѣти, чтобы для раздѣла между ними былъ составленъ, посредствомъ займа, особый неприкосновенный капиталъ, равняющійся двухъ-лѣтнему чистому доходу съ этого имѣнія; такое же право, какое этимъ закономъ присвоено вдовѣ, принадлежитъ и вдовцу; б) доходы съ заповѣднаго имѣнія, полученные владѣльцемъ или причитающіеся ему за послѣдній годъ, считая съ 1-го января, если онъ не сдѣлалъ никакого относительно ихъ распоряженія, за вычетомъ числящихся на владѣльцѣ личныхъ долговъ, дѣлятся по-ровну между вступающимъ во владѣніе заповѣднымъ имѣніемъ наследникомъ, вдовою умершаго владѣльца и другими не наследующими въ заповѣдномъ имѣніи дѣтьми его (ст. 1211 и 1213).

6) Майораты въ западныхъ губерніяхъ переходятъ по наследству только въ мужскихъ колѣнахъ. Исключеніе допускается только для дочерей перваго приобрѣтателя, которыя при неимѣніи у послѣдняго сыновей наследуютъ съ своимъ мужскимъ потомствомъ (ст. 1214)

7) У донскихъ казаковъ вдовы, имѣющія малолѣтнихъ дѣтей, по вступленіи въ новое замужество, пользуются своими паями въ общественныхъ довольствіяхъ лишь до тѣхъ поръ, пока дѣти ихъ отъ прежняго брака не достигнутъ возраста, дающаго имъ право на личные пай. Малолѣтние сироты мужскаго пола, не имѣющіе ни отца, ни матери, пользуются въ каждомъ семействѣ однимъ паемъ, а сироты женскаго пола половиною пая. Дѣти женскаго пола безпомѣстныхъ чиновниковъ, достигшія 17-и лѣтняго возраста и лишаящіеся права владѣть отцовскимъ

потомъ въ боковыхъ линіяхъ, а именно старшему изъ ближайшихъ родственниковъ, но съ предпочтеніемъ лицъ мужскаго пола лицамъ женскаго пола.

участкомъ, получаютъ въ станичномъ довольствіи $\frac{1}{2}$ пая до выхода замужъ (св. зак. т. XII ч. 2, уст. благоустр. въ казач. селен. ст. 122, 124, 125).

8) Жены панцырныхъ бояръ по смерти мужей могутъ владѣть ихъ имѣніемъ лишь до вступленія въ новый бракъ, а по выходѣ замужъ оставляютъ за собою только то, что имъ отказано по завѣщанію (св. зак. т. IX ст. 878).

9) У колонистовъ, если послѣ умершаго осталась только вдова съ дочерью, то онѣ владѣютъ его участкомъ земли вообще до выхода за мужъ самой вдовы или одной изъ дочерей. Вступившій въ семейство мужчина получаетъ наследственную землю во всегдашнее владѣніе, но обязанъ держать въ домѣ и кормить тещу до смерти, а падчерицъ и сестеръ жены своей до выхода ихъ замужъ. Изъ движимаго имущества вдова получаетъ $\frac{1}{4}$ часть и такую же часть всѣ дочери вмѣстѣ, а остальное — сыновья (св. зак. т. XII, уст. о колон. ст. 174 и 178).

10) Вдовій капиталъ, внесенный во вдовью казну императорскаго воспитательнаго дома, по смерти вдовы, на имя которой онъ записанъ, если она не сдѣлала о немъ никакого распоряженія, достается ея дѣтямъ мужскаго и женскаго пола по равнымъ частямъ (св. зак. т. XI, уст. кред. ст. 1301).

11) По смерти ссыльнаго или по удаленіи его за новое преступленіе въ другую сибирскую губернію или область, принадлежавшія ему деньги и вообще движимыя имущества, приобретенныя имъ въ Сибири, за неимѣніемъ прямыхъ его наследниковъ, въ этомъ краѣ находящихся, переходятъ къ его женѣ. Такому же порядку подчиняется и недвижимое имущество ссыльнаго, приобретенное имъ до воспослѣдованія высочайше утвержденнаго 28 іюня 1845 г. мѣнія государственнаго совѣта (св. зак. т. XIV, уст. о ссылн. ст. 790, 791, 794 и примѣчаніе къ послѣдней статьѣ)¹⁾.

¹⁾ Въ курсѣ гражданскаго права г. Побѣдоносцева, ч. 2, стр. 285, въ числѣ особнхъ видовъ наследованія жены послѣ мужа помѣщены: право вдовы на пенсію послѣ мужа чиновника и право вдовы пастора на квартиру его и пасторскіе доходы въ теченіи траурнаго года. Но едва ли справедливо оба эти права причи-

Эти положенія нашего закона въ прежней судебной практикѣ подавали поводъ лишь къ одному спорному вопросу, а именно, въ прежнее время встрѣчались судебныя рѣшенія, которыми ст. 1135 св. зак. т. X ч. 1 толковалась такимъ образомъ, что только сестры наслѣдодателя при своихъ братьяхъ, а не сестры наслѣдниковъ мужескаго пола въ боковыхъ линіяхъ вообще, устраняются отъ наслѣдства своими братьями.

Слѣтъ къ системѣ наслѣдства. Единственная общая между ними черта заключается въ томъ, что оба эти права принадлежатъ наслѣдникамъ умершаго и возникаютъ для нихъ, какъ и право наслѣдованія, по смерти наслѣдодателя. Но во всемъ остальномъ эти два права существенно отличаются отъ права наслѣдованія. 1) По самому тексту закона (св. зак. т. III, уст. о пенс. и единовр. пособ., ст. 31 и слѣд.) пенсія *назначается* непосредственно вдовѣ и дѣтямъ умершаго чиновника, а не *переходитъ* отъ него къ нимъ, подобно наслѣдству, лишь вслѣдствіе факта его смерти, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначается имъ, несмотря на то, что самъ онъ еще не приобрѣлъ на нее права. 2) Право на пенсію принадлежитъ только вдовѣ и дѣтямъ умершаго, не распространялась на другихъ его родственниковъ, и даже вдовѣ и дѣтямъ принадлежитъ не безусловно, какъ наслѣдство, а ограничивается извѣстными условіями—возрастомъ, вступленіемъ въ бракъ, воспитаніемъ и даже хорошимъ поведеніемъ (ст. 42 и 51). 3) Согласно началу, по которому предметомъ наслѣдованія могутъ быть только права, уже приобретенныя наслѣдодателемъ, въ составъ наслѣдства умершаго должностнаго лица могутъ входить пенсія, имъ уже заслуженная, или деньги, ему уже причитающіяся по день его смерти (что относительно жалованья выражено въ ст. 1258 св. зак. т. X ч. 1). 4) Право на пенсію не подходитъ подъ опредѣленіе ст. 1104 св. зак. т. X ч. 1, по которой наслѣдство по закону есть совокупность *имуществъ, правъ и обязательствъ*, оставшихся послѣ умершаго, между тѣмъ какъ пользованіе вдовой или дѣтей пенсіей за службу ихъ мужа или отца вообще не сопряжено съ исполненіемъ его обязательствъ и только въ видѣ изытія, по ст. 113 св. зак. т. X ч. 1 и ст. 1068 уст. гр. суд., на удовлетвореніе казеннаго взысканія, открывающагося за умершемъ чиновникѣмъ, удерживается $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ изъ пенсіи, получаемой его вдовою. Такое мнѣніе подтверждается и рѣшеніями гражданского кассационнаго департамента сената по дѣламъ Юнгъ и Пекаря (1870 г. № 1462 и 1873 г. № 202), изъ которыхъ въ первомъ сенатъ нашелъ, что „единовременное пособіе назначается, хотя и за службу умершаго, вдовѣ его *лично* не потому, что она послѣ него наслѣдница, а потому, что она вдова умершаго на службѣ чиновника; слѣдовательно, пособіе сіе никакъ не можетъ быть признано *личною* принадлежностью умершаго и отнесено къ составу открывающагося по немъ наслѣдства“, а во второмъ сенатъ призналъ, что „то только пенсіонное содержаніе можетъ считаться наслѣдственнымъ имуществомъ, на которое наслѣдодатель при жизни своей имѣлъ право“.

Порядокъ наслѣдованія у крестьянъ опредѣляется ихъ обычаями (полож. о крест. ст. 38).

Нынѣ вопросъ этотъ уже разрѣшенъ нѣсколькими рѣшеніями гражданскаго кассационнаго департамента сената (по дѣламъ Лямина, Муравлевой и Солодовникова, 1872 г. № 88 и 505 и 1874 г. 13 февр.) въ томъ смыслѣ, что правило о томъ, что сестры при родныхъ братьяхъ не имѣютъ права на наслѣдство, примѣняется во всѣхъ боковыхъ линіяхъ.

Но здѣсь нельзя обойти другой вопросъ, который представляется очень интереснымъ, тѣмъ болѣе, что онъ, кажется, не возникалъ въ нашей болѣе извѣстной судебной практикѣ, хотя въ дѣйствительности и возникала потребность въ его разрѣшеніи. Я говорю о правѣ внуки на получение указанной доли изъ имѣнія дѣда при ея братѣ. Г. Побѣдоносцевъ въ своемъ курсѣ гражданскаго права (ч. 2 стр. 252) находитъ, что внука не имѣетъ права на такую указанную долю потому, что: 1) по точному смыслу ст. 1126 св. зак. т. X ч. 1 лица женскаго пола пользуются правомъ представленія тогда, когда онѣ, *за недостаткомъ лицъ мужескаго пола*, призываются къ наслѣдству; изъ чего слѣдуетъ, что законъ не допускаетъ къ наслѣдству по праву представленія женщинъ при мужчинахъ, состоящихъ въ одной съ ними степени родства съ умершимъ; 2) право представленія—не наслѣдство, а только путь, способъ къ наслѣдству и наслѣдникъ по праву представленія наслѣдуетъ не послѣ того лица, черезъ посредство котораго онъ этимъ правомъ пользуется, а послѣ того, кому принадлежало наслѣдственное имущество; 3) у насъ указанная доля исторически сложилась только въ двухъ видахъ—въ видѣ *одостей* и *дочерней* частей; для установленія же *онучатной* указанной доли исторія нашего права не представляетъ основанія. Къ этимъ весьма вѣснымъ соображеніямъ можно бы прибавить еще и то, что и въ дѣйствующемъ законѣ (св. зак. т. X ч. 1 ст. 1128 и 1130) упоминается только объ указанной долѣ дочери, а не внуки; но еслибы даже по мѣсту, занимаемому этимъ закономъ въ отдѣленіи «о порядкѣ наслѣдованія въ линіи нисходящей», и отнести его во всѣмъ нисходящимъ линіямъ, то и въ такомъ случаѣ едва ли можно было бы допустить, что ст. 1126 предполагаетъ получаемую лицами женскаго

пола *указную долю*, потому что въ этомъ законѣ говорится о случаѣ допущенія женщины къ *наслѣдству*, а между тѣмъ сопоставленіе ст. 1127, 1128 и 1130 приводитъ къ заключенію, что наши законы, придерживаясь первоначальной основной идеи *указной доли*, не считаютъ ее *наслѣдствомъ*; но крайней мѣрѣ она въ нихъ не подводится подъ это понятіе, хотя нынѣ въ дѣйствительности полученіе такой доли и у насъ признается равносильнымъ наслѣдованію.

Законы, дѣйствующіе въ царствѣ польскомъ, представляютъ слѣдующія въ сравненіи съ русскими особенности относительно порядка наслѣдованія.

1) Къ наслѣдованію призываются не только законные родственники умершаго, но въ известной степени и дѣти его; рожденныя внѣ брака (но не происшедшія отъ кровосмѣшенія и прелюбодѣянія) и законнымъ порядкомъ имъ признанныя, а по праву представленія и нисходящія этихъ дѣтей ¹⁾. Съ другой стороны, не всѣ родственники имѣютъ право на наслѣдованіе, а именно въ боковыхъ линіяхъ наслѣдство переходитъ лишь до 12-й степени включительно (код. Нап. ст. 755—759, 762).

2) Усыновленный, а по праву представленія и его нисходящіе, наслѣдуютъ послѣ усыновителя наравнѣ съ законными дѣтьми его (улож. 1825 г. ст. 315).

3) Во всѣхъ линіяхъ лица женскаго пола пользуются одинаковыми съ мужчинами правами (код. Нап. ст. 731 и слѣд.).

4) Изъ числа восходящихъ родственниковъ, родители лица, умершаго безъ потомства получаютъ $\frac{1}{2}$ оставшагося послѣ него наслѣдства, которую дѣлятъ между собою поровну. Если въ живыхъ находится одинъ родитель, то онъ получаетъ $\frac{1}{4}$. Другая половина или остальные $\frac{3}{4}$ поступаютъ къ братьямъ и сестрамъ наслѣдодателя и ихъ нисходящимъ. Если же послѣ умершаго не осталось ни братьевъ и сестеръ, ни ихъ нис-

¹⁾ По ст. 1118 и 1119 св. зак. т. X ч. 1, въ наслѣдованіи участвуютъ только тѣ изъ незаконнорожденныхъ дѣтей наслѣдодателя, которыя особыми высочайшими указами сопричтены къ законнымъ и введены во всѣ права по року и наслѣдству, законнымъ дѣтямъ принадлежащія.

ходящихъ, то все наслѣдство дѣлится пополамъ между восходящими отцовскою линіею и восходящими материнскою линіею (код. Нап. ст. 746, 748, 750, 751).

5) Права супруговъ по наслѣдованію другъ послѣ друга могутъ быть опредѣляемы въ предбрачныхъ договорахъ. Если же права оставшагося въ живыхъ супруга на наслѣдство послѣ умершаго не опредѣлены предбрачнымъ договоромъ, то онъ получаетъ изъ сего наслѣдства: при дѣтяхъ—часть равную частямъ дѣтей въ пожизненное пользованіе, безъ дѣтей, но при другихъ родственникахъ умершаго до 4-й степени включительно— $\frac{1}{4}$ въ собственность, если и такихъ родственниковъ нѣтъ (но имѣются родственники дальнѣйшихъ степеней) — $\frac{1}{2}$ также на правѣ собственности (гражд. улож. 1825 г. ст. 231—233) ¹⁾; если же послѣ умершаго вовсе не осталось родственниковъ, имѣющихъ право на наслѣдованіе, ни рожденныхъ ни въ брата дѣтей, то все наслѣдственное имущество поступаетъ въ собственность оставшагося въ живыхъ супруга (код. Нап. ст. 767).

Исключеніе изъ сего общаго порядка составляютъ: 1) наслѣдованіе въ майоратныхъ имѣніяхъ и 2) наслѣдованіе въ имуществѣ крестьянъ.

1) Майоратныя имѣнія переходятъ нераздѣльно къ одному лицу. Ближайшее право наслѣдованія имѣютъ законныя дѣти мужскаго пола и ихъ мужское потомство, затѣмъ—дѣти женскаго пола, а послѣ нихъ въ томъ же порядкѣ боковые родственники (высочайшій указъ 4 (16) октября 1835 г. ст. 23).

2) Гминнымъ судамъ вмѣнено въ обязанность дѣла крестьянъ по спорамъ о недвижимомъ имуществѣ (поступившемъ въ ихъ собственность на основаніи указовъ 19 февраля—2 марта

¹⁾ Этотъ законъ составляетъ весьма справедливое и полезное дополненіе къ французскому кодексу, по которому вдова при другихъ наслѣдникахъ мужа и вдовецъ при другихъ наслѣдникахъ жены ничего изъ наслѣдства умершаго супруга не получаютъ. Хотя при имущественной общности, составляющей по этому кодексу законную норму имущественныхъ отношеній между супругами, обеспечивающей оставшагося въ живыхъ супруга правомъ на половину общаго имущества, недостатки такого порядка менѣе чувствительны, но онъ и во Франціи подвергается большому порицанію (C. Demolombe, Traité des Successions).

1864 г.) и о движимости рѣшать либо на основаніи письменныхъ сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя будутъ представлены спорящими сторонами, либо при отсутствіи письменныхъ документовъ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту (ст. 5 прав. высочайше утвержд. 30 ноября—12 декабря 1865 г.).

Такимъ образомъ, самое существенное различіе, по отношенію къ рассматриваемому предмету, между польскими и русскими законами состоитъ въ томъ, что первые въ порядкѣ наслѣдованія не дѣлаютъ никакого различія между мужчинами и женщинами, между тѣмъ какъ послѣдніе предоставляютъ въ этомъ отношеніи преимущество мужчинамъ передъ женщинами. Я не буду распространяться о томъ, какъ эта система русскаго законодательства несправедлива сама по себѣ, какъ она противорѣчитъ другимъ опредѣленіямъ нашего закона о положеніи женщины въ гражданской жизни, и не соответствуетъ экономическимъ требованіямъ нашего времени, какъ мало смысла она имѣетъ по исчезновеніи тѣхъ условій, при которыхъ она создалась, какъ радикально она расходится съ условіями жизни огромнаго большинства русскаго народа и какую настоятельную потребность составляетъ уничтоженіе этой системы. Все это какъ нельзя болѣе убѣдительно и обстоятельно изслѣдовано и доказано въ статьѣ Оршанскаго: «Наслѣдственные права русской женщины», напечатанной въ №№ 2 и 3 «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права» за 1876 г. Замѣчу только мимоходомъ, что авторъ, повидимому, придаетъ въ этомъ случаѣ слишкомъ большое значеніе тому обстоятельству, что у насъ женщина лишена возможности равнѣ съ мужчиной приобрѣтать имущество своимъ трудомъ. «Дѣло въ томъ», сказано въ этой статьѣ (№ 2 стр. 12), «что такъ называемое право на трудъ далеко еще не признано за современной женщиной даже въ наиболѣе цивилизованныхъ обществахъ. Неизвѣстно, наступитъ ли и если наступитъ, то, конечно, въ отдаленномъ будущемъ, то время, когда общественные нравы признаютъ за женщиной равное съ мужчиной право на самостоятельное экономическое существованіе, а вос-

питаніе превратить это право въ дѣйствительную величину, вмѣсто пустаго звука, какимъ оно представляется теперь. *До тѣхъ поръ* общество обязано заботиться о томъ, чтобы женщина, не имѣя экономическаго ресурса въ собственныхъ знаціяхъ и трудѣ, находила поддержку своего существованія въ рациональномъ распредѣленіи общенароднаго запаса имуществъ. Необходимы, такъ-сказать, искусственные коррективы того безпомощнаго въ имущественномъ отношеніи положенія женщины, которое создано правами и обычаями современнаго общества. Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ коррективовъ этого рода могутъ и должны служить законы о наслѣдствѣ». Изъ этого можно вывести заключеніе, будто бы уравненіе мужчинъ и женщинъ въ правахъ наслѣдства необходимо лишь до тѣхъ поръ, пока они не уравниются въ экономической самостоятельности и будто по мѣрѣ того, какъ распространяется и укореняется право женщины на трудъ, уменьшается необходимость въ предоставленіи ей одинаковаго съ мужчиной положенія въ системѣ наслѣдованія. Такое разсужденіе, конечно, невѣрно. Экономическая неравноправность, разумѣется, дѣлаетъ неравенство по наслѣдованію еще болѣе тяжелымъ и ощутительнымъ для женщинъ, но предоставленіе имъ одинаковыхъ съ мужчинами правъ въ порядкѣ законнаго наслѣдованія требуется совершенно независимо отъ этой неравноправности, просто по отсутствію причинъ къ сохраненію нынѣшняго порядка. Но я рѣшительно несогласенъ съ Оршанскимъ въ томъ, что, будто бы, разсмотрѣніе «вопроса о будущемъ рациональномъ направленіи этого отдѣла законодательства преждевременно и не имѣетъ практическаго интереса». Это мнѣніе подкрѣпляется тѣмъ соображеніемъ, что «о пересмотрѣ этихъ законовъ никто еще и не помышляетъ; поэтому не зачѣмъ и вѣдаться въ подробности о томъ, каковы должны быть результаты этого пересмотра. Прежде всего необходимо, чтобъ распространилось и укоренилось убѣжденіе въ несостоятельности существующаго порядка и въ необходимости бросить путь безконечныхъ колебаній и частныхъ отступленій и замѣнить всѣ относящіеся сюда законы другими». Непод-

вижность же этого вопроса у насъ авторъ объясняетъ «равнодушіемъ къ общественнымъ интересамъ и апатіей общественной мысли» (№ 3 стр. 27 и 30).

Прежде всего несправедливо, будто бы у насъ не думаютъ о пересмотрѣ законовъ о наслѣдованіи: пересмотръ всѣхъ нашихъ законовъ по гражданскому праву составляетъ давнишнюю заботу правительства ¹⁾ и если это дѣло не движается съ желательною быстротою, то, главнымъ образомъ, не по равнодушію къ нему. Правда, что при нашемъ общественномъ строѣ нельзя и требовать такого же рациональнаго разрѣшенія обширныхъ законодательныхъ вопросовъ, какое мы видимъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Но нельзя сказать, чтобы у насъ разрѣшеніе такихъ вопросовъ тянулось безъ конца. Доказательствомъ тому служить наша судебная реформа, совершившаяся въ теченіи времени относительно непродолжительнаго. Нельзя же предполагать, что наше общество равнодушно относится къ преобразованію законовъ по гражданскому праву, чѣмъ къ судоустройству и судопроизводству, и предпочтеніе, данное послѣднимъ передъ первымъ, объясняется только несравненно болѣею трудностью предмета. Трудъ составителей нашихъ судебныхъ уставовъ былъ, относительно говоря, невеликъ, хотя и требовалъ много времени, потому что онъ состоялъ преимущественно въ примѣненіи готовыхъ уже образцовъ къ нашимъ мѣстнымъ потребностямъ, а извѣстно, что общія начала судоустройства и судопроизводства легко примѣняются во всякой мѣстности. Реформа законовъ по матеріальному гражданскому праву представляетъ несравненно болѣе трудностей, потому что, при той же возможности и здѣсь пользоваться иностранными гражданскими кодексами и обширной иностранной литературой по вопросамъ гражданского права, она требуетъ несравненно болѣе широкаго примѣненія такихъ мѣстныхъ условий, вытекающихъ изъ нашихъ коренныхъ нравовъ, безъ соблюденія которыхъ за-

¹⁾ Сколько мнѣ извѣстно, работы эти и теперь продолжаются во II отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи.

конъ былъ бы пустымъ звукомъ; изученіе же этихъ условій представляетъ очень трудную задачу. Эта-то сторона вопроса и составляетъ главный тормазъ въ движеніи указанной реформы. Впрочемъ, это затрудненіе мало относится къ вопросу, насъ занимающему. Онъ не можетъ быть скоро разрѣшенъ въ формѣ положительнаго закона, главнымъ образомъ, потому, что составляетъ часть всего гражданскаго права. Въ сущности же въ общественномъ сознаніи (по крайней мѣрѣ, относительно той части нашего общества, которая руководится писаннымъ закономъ, а не обычнымъ правомъ) онъ давно уже рѣшенъ — въ смыслѣ необходимости ввести безусловную равноправность женщинъ съ мужчинами въ порядкѣ наслѣдства по закону. Отголоски противоположнаго мнѣнія такъ слабы, что о нихъ и говорить не стоить. Поэтому мнѣ кажется несправедливымъ мнѣніе Оршанскаго и о томъ, будто бы еще необходимо распространять и укоренять убѣжденіе въ несостоятельности существующаго порядка.

Итакъ, основнымъ началомъ реформы нашихъ законовъ о наслѣдованіи по отношенію къ лицамъ женскаго пола должно быть полное и безусловное уравненіе ихъ съ мужчинами. Такими частными уступками въ пользу женщинъ, какія, напр., допущены у насъ для губерній черниговской и полтавской, мы довольствоваться не можемъ, тѣмъ болѣе, что достоинство этихъ уступокъ чисто относительное и зависитъ отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ; при извѣстныхъ же условіяхъ онѣ могутъ даже обратиться противъ женщинъ. Такъ, допущеніе дочерей къ одинаковому съ сыновьями наслѣдованію въ материнскомъ имуществѣ, конечно, значительный шагъ впередъ. Но какая отъ него для дочерей польза, когда наслѣдство открывается только въ отцовскомъ имѣніи? Выдѣлъ для дочери $\frac{1}{4}$ части наслѣдства, вмѣсто $\frac{1}{14}$, конечно, для нея гораздо выгоднѣе, но только въ такомъ случаѣ, когда дочерей не болѣе трехъ, потому что при четырехъ дочеряхъ выдѣлъ $\frac{1}{4}$ доли на всѣхъ ихъ каждой изъ нихъ даетъ право лишь на $\frac{1}{16}$ часть всего наслѣдственнаго имущества. Таковы частности. Съ точки зрѣнія принципа можно даже сказать, что система, принятая

въ губерніяхъ черниговской и полтавской, скорѣе служить къ обезпеченію сыновей, положеніе которыхъ въ этой системѣ не ставится въ зависимость отъ числа дочерей, чѣмъ къ огражденію интересовъ сихъ послѣднихъ. Только полное уравниеніе женщинъ съ мужчинами по наслѣдованію, одинаковое подчиненіе ихъ выгоднымъ и невыгоднымъ случайностямъ, можетъ устранить эти недостатки. Въ этомъ отношеніи нельзя согласиться ни на какую иную систему, кромѣ той, которая лежитъ въ основаніи законовъ, дѣйствующихъ въ царствѣ польскомъ.

Согласно этому и заповѣдныя имѣнія, а также майораты, насколько во владѣнію ими допускаются женщины, должны, безъ различія между мужчинами и женщинами, переходить по наслѣдству къ старшему (по лѣтамъ) изъ ближайшихъ, по установленному для этихъ имѣній порядку, родственниковъ умершаго владѣльца.

Кромѣ этого, законамъ, дѣйствующимъ въ царствѣ польскомъ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ русскими: 1) относительно наслѣдованія незаконнорожденныхъ дѣтей, 2) относительно наслѣдованія восходящихъ и 3) относительно вдовьей наслѣдственной части.

Незаконнорожденные дѣти по русскимъ законамъ поставлены въ чрезвычайно невыгодное положеніе. Между ними и ихъ родителями не признается почти никакой юридической связи, которая давала бы имъ относительно сихъ послѣднихъ какія-либо права. Только ребенокъ, рожденный вслѣдствіе изнасилованія дѣвицы (св. зак. т. X ч. 1 ст. 663), ребенокъ, происшедшій отъ брака, признаннаго недѣйствительнымъ вслѣдствіе совершенія его съ обманомъ или принужденіемъ (ст. 666), и ребенокъ, рожденный отъ противузаконнаго сожитія неженатаго мужчины съ незамужнею женщиною (улож. о наказ. ст. 994), имѣютъ право на полученіе отъ отца средствъ на приличное содержаніе и воспитаніе. Но такое обезпеченіе участи незаконнорожденныхъ дѣтей оказывается крайне недостаточнымъ, потому что: 1) они, конечно, не могутъ требовать отъ своихъ родителей больше, чѣмъ дѣти, рожденные въ бракѣ, и, слѣдо-

вательно, по ст. 172 св. зак. т. X ч. 1, могут считаться въ этомъ смыслѣ обезпеченными только до своего совершеннолѣтія; 2) добываніе средствъ въ жизни для нихъ крайне затруднительно вслѣдствіе неопредѣленности и даже фальшивости ихъ положенія въ обществѣ; 3) хотя обязанность отца обезпечить въ подобномъ случаѣ участь ребенка и составляетъ гражданскую мѣру, но такъ какъ мѣра эта неразрывно связана съ наказаніемъ за преступленіе незаконнаго сожитія, которое преслѣдуется только уголовнымъ порядкомъ (рѣш. гражд. кассац. деп. сен. по д. наслѣдниковъ Башкирцова 1873 г. № 1383), а по ст. 14 уст. уголов. суд. въ дѣлахъ уголовныхъ каждый несетъ отвѣтственность только самъ за себя, то подлежитъ еще сомнѣнію, простирается ли такая обязанность на наслѣдниковъ отца и не прекращается ли даже это ограниченное обезпеченіе съ его смертію. Право же законнаго наслѣдованія послѣ родителей, которое составляетъ самое вѣрное обезпеченіе матеріальнаго положенія со стороны родителей, незаконныя дѣти по нашимъ законамъ лишены вовсе. Конечно, въ правѣ наслѣдованія, которое служитъ средствомъ поддержанія семьи, дѣти, рожденныя внѣ семейства, не могутъ пользоваться одинаковымъ положеніемъ съ членами, входящими въ составъ его. Но съ одной стороны чувство естественной справедливости, а съ другой интересъ государственный—во избѣжаніе обремененія государства лицами, брошенными на произволъ судьбы,—требуютъ возможно наибольшаго обезпеченія незаконныхъ дѣтей имуществомъ виновниковъ ихъ рожденія. Дѣйствующіе въ царствѣ польскомъ законы избрали въ этомъ отношеніи вѣрную середину (я говорю о принципѣ, не входя въ обсужденіе подробностей), предоставивъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ извѣстное право въ имуществѣ ихъ родителей послѣ ихъ смерти, лишь въ меньшемъ сравнительно съ законными наслѣдниками размѣрѣ. Въ одномъ только законы эти здѣсь не выдерживаютъ критики, а именно, въ отношеніи совершеннаго устраненія отъ наслѣдованія дѣтей, рожденных отъ прелюбодѣянія или кровосмѣшенія. Единственное отличіе дѣтей этого рода отъ другихъ незаконнорожденныхъ дѣтей состоитъ въ томъ, что грѣхъ ихъ

происхожденія тяжёле. Но вѣдь это — не ихъ грѣхъ, а потому большая или меньшая степень его важности не должна имѣть никакого вліянія на ихъ положеніе и на тѣ соображенія, по которымъ признается необходимымъ допустить вообще незаконнорожденныхъ дѣтей къ наслѣдованію въ имуществѣ ихъ родителей. Правда, что этотъ недостатокъ закона нѣсколько возмѣщается правомъ дѣтей, рожденныхъ отъ прелюбодѣянія или кровосмѣшенія, требовать содержанія изъ наслѣдства ихъ родителей, если они не обучены какому-либо ремеслу или не были обезпечены при жизни своихъ родителей (код. Наполеона ст. 762 и 764). Но извѣстно, что вообще право требовать содержанія, подвергаясь вліянію разныхъ въ теченіе времени измѣняющихся обстоятельствъ, составляетъ обезпеченіе далеко не очень вѣрное и опредѣленное; а при возможности оспориванія его судебнымъ порядкомъ осуществленіе этого права иногда дѣлается весьма затруднительнымъ и потому оно никакъ не можетъ замѣнить права на полученіе извѣстной, опредѣленной части имущества въ полное и безспорное обладаніе. Съ другой стороны, предоставленіе дѣтямъ, рожденнымъ отъ прелюбодѣянія или кровосмѣшенія, права требовать содержанія изъ наслѣдства ихъ родителей стоитъ въ существенномъ противорѣчій съ отрицаніемъ ихъ права на такое наслѣдство, потому что обязанность законныхъ наслѣдниковъ выдавать таковымъ дѣтямъ содержаніе въ сущности уменьшаетъ ихъ наслѣдственные доли въ пользу этихъ дѣтей, между тѣмъ какъ при отрицаніи права сихъ дѣтей на наслѣдство послѣ ихъ родителей даже въ той ограниченной степени, въ какой оно признается за другими незаконнорожденными дѣтьми, не слѣдовало бы давать имъ возможности пользоваться симъ правомъ ни въ какой формѣ.

Русскіе законы ставятъ родителей наслѣдодателя относительно участія въ наслѣдствѣ въ положеніе очень неравное, отдавая имъ, въ случаѣ его бездѣтности, все благопріобрѣтенное его имущество въ пожизненное владѣніе, а подаренное ему ими даже въ собственность, и вовсе устраняя ихъ отъ наслѣдованія въ родовомъ имѣніи. Польскіе законы въ

этомъ отношеніи справедливыѣ, потому что они, за исключеніемъ имущества, подареннаго наслѣдодателю самими родителями, во всемъ остальномъ ставятъ ихъ въ конкуренцію съ другими ближайшими родственниками умершаго и отдають родителямъ предпочтеніе передъ сими послѣдними лишь относительно размѣра наслѣдственныхъ долей. Кромѣ того, они не устраняють, какъ русскій сводъ, отъ наслѣдства другихъ восходящихъ родственниковъ наслѣдодателя, основательно признавая въ нихъ лицъ не менѣе ему близкихъ, чѣмъ его боковые родственники.

Какъ русскіе (за исключеніемъ порядка, дѣйствующаго въ губерніяхъ черниговской и полтавской), такъ и польскіе законы не дѣлають относительно вдовой наслѣдственной доли никакого различія между мужемъ и женою. Но относительно размѣра и условій этой доли между ними огромная разница.

1) По русскимъ законамъ наслѣдственная доля вдовы изъ имѣнія ея мужа неизмѣнима: сколько бы ни было у него наслѣдниковъ и въ какой бы близости родства съ нимъ они ни состояли, доля эта всегда одна и та же. Польскіе законы равнообразять размѣръ этой доли, смотря по тому, съ какими наслѣдниками приходится вдовѣ конкурировать, и, при отсутствіи другихъ лицъ способныхъ наслѣдовать, признають за нею даже право на все имущество мужа, но никогда не уменьшаютъ эту долю ниже размѣра наслѣдственныхъ частей дѣтей умершаго. Преимущества послѣдней системы очевидны. Хотя точное разрѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ оставшагося въ живыхъ супруга къ кровнымъ родственникамъ умершаго по правамъ на оставшееся послѣ него наслѣдство довольно затруднительно, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во всякомъ случаѣ по чувству жена не менѣе близка къ мужу, чѣмъ дѣти къ отцу, и потому въ правѣ наслѣдованія, основанномъ главнымъ образомъ на предполагаемомъ чувствѣ расположенія наслѣдодателя къ наслѣдникамъ, нельзя ставить жену ниже дѣтей. Съ другой стороны, на этомъ же основаніи не слѣдуетъ и дѣтей обижать въ пользу матери, и потому вѣтъ ничего справедливыѣ, какъ уравненіе, относительно наслѣдства,

вдовы умершаго съ его дѣтьми. Правда, что при подобномъ принципѣ послѣдовательность требовала бы признавать вдову единственною наслѣдницею послѣ мужа, не оставившаго дѣтей, и допущеніе къ конкуренціи со вдовою наслѣдниковъ умершаго до 4-й степени составляетъ лишь необходимую уступку началу *родства* по крови. Но если имѣется нѣкоторое основаніе допустить подобную уступку въ пользу родового начала, то уже нѣтъ никакого основанія ограничивать права вдовы на имѣніе мужа въ пользу казны, какъ это дѣлаетъ нашъ законъ, признающій наслѣдство лица, не оставившаго послѣ себя кровныхъ родственниковъ, способныхъ наслѣдовать, выморочнымъ, за исключеніемъ лишь обыкновенной вдовой доли (св. зак. т. X ч. 1 ст. 1148, 1153 и 1162). Таковой порядокъ имѣлъ еще нѣкоторый смыслъ въ то время, когда жена считалась не наслѣдницею мужа въ строгомъ смыслѣ, а лишь имѣющею право на продолженіе того содержанія изъ имущества мужа, которымъ она пользовалась при его жизни, и когда повтому право ея на это имущество ограничивалось извѣстною частью, признававшеюся достаточною на житіе. Но теперь, когда отъ такого взгляда отступились какъ теорія права, такъ въ значительной степени и нашъ законъ, а наша практика не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакого различія между вдовою и другими наслѣдниками мужа, вдова должна быть подведена подъ общее начало, по которому наслѣдственное имущество считается собственностью наслѣдниковъ умершаго и лишь при совершенномъ отсутствіи наслѣдниковъ поступаетъ въ казну, какъ имущество, никому не принадлежащее.

2) По русскимъ законамъ вдова получаетъ свою наслѣдственную долю всегда въ собственность, по польскимъ же— при дѣлахъ только въ пожизненное пользованіе. Начало, принятое въ русскомъ законодательствѣ, несомнѣнно справедливѣе и практичнѣе. Во-первыхъ, это различіе между вдовою и дѣтьми (получающими свои наслѣдственные доли въ собственность) противорѣчитъ вышеприведенному началу, по которому жена должна считаться одинаково близкимъ къ мужу, какъ и дѣти его, лицомъ, и которое не допускаетъ, чтобы пер-

вая наслѣдовала не только въ меньшемъ размѣрѣ, но и на менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ дѣти. Во-вторыхъ, назначеніе вдовѣ наслѣдственной доли лишь въ пожизненное владѣніе не согласуется съ тѣмъ принципомъ, что вдова получаетъ свою долю не въ видѣ фонда для существованія до смерти, а какъ наслѣдница въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ третьихъ, въ чьихъ, спрашивается, интересахъ требуется ограниченіе вдовой доли правомъ пожизненнаго владѣнія. Мотивы, которыми руководились въ этомъ случаѣ составители польскаго гражданскаго уложенія 1825 г., заключаются въ томъ, что при назначеніи вдовой доли оставшемуся въ живыхъ супругу въ собственность «онъ обогатился бы на счетъ своихъ дѣтей». Если бы такое положеніе было справедливо, то слѣдовало бы признать, что и наоборотъ, при отдачѣ оставшемуся въ живыхъ супругу его наслѣдственной доли только въ пожизненное пользованіе, дѣти еще болѣе обогащаются на счетъ отца или матери, получая не только равныя съ ними доли, а даже болѣе ихъ, такъ какъ владѣніе на правѣ полной собственности доставляетъ гораздо болѣе выгоды, чѣмъ владѣніе на правѣ временнаго пользованія. Но предположеніе объ *обогащеніи* здѣсь совершенно неумѣстно. Оно могло бы имѣть нѣкоторое основаніе—при системѣ дѣленія имѣній на родовыя и благопріобрѣтенныя—относительно родоваго имѣнія, которое по родовому началу должно идти въ родъ умершаго и въ наслѣдованіи котораго жена его, какъ не принадлежащая къ его роду, не должна бы имѣть никакого участія; получая же изъ этого имуществъ известную часть, она тѣмъ самымъ какъ-бы лишается прямыхъ наслѣдниковъ части принадлежащей исключительно имъ собственности. Но воля скоро признана, что главнымъ основаніемъ наслѣдованія должно служить представленіе о чувствѣ личнаго расположенія умершаго въ своимъ родственникамъ и что супруги, хотя и не состоящіе въ кровномъ родствѣ между собою, но связанные другъ съ другомъ такимъ чувствомъ, которое никакъ не слабѣе чувства родственной привязанности, имѣютъ также право на наслѣдованіе другъ послѣ друга на томъ-же основаніи, какъ и его кровные родственники,—нѣтъ никакого

повода предполагать, что жена или мужъ, т.-е. одинъ изъ наслѣдниковъ умершаго, получая свою наслѣдственную долю, тѣмъ лишаютъ дѣтей своихъ—остальныхъ его наслѣдниковъ—изъ собственности. Наконецъ, отношенія между собственникомъ и пожизненнымъ владѣльцемъ одного и того же имѣнія могутъ подать поводъ къ весьма непріязненнымъ между ними чувствамъ: первый имѣетъ основаніе опасаться, чтобы послѣдній не нанесъ ущерба его собственности, а при нѣкоторыхъ условіяхъ даже желать скорѣйшей смерти пожизненного владѣльца, послѣдній же можетъ смотрѣть на перваго, какъ на лицо, мѣшающее ему извлекать всѣ возможные выгоды изъ имѣнія. Благоразумно ли допускать такіа отношенія между родителями и дѣтьми?

Еще болѣе несправедливъ въ этомъ отношеніи законъ, дѣйствующій въ губерніяхъ черниговской и волтавской, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ сокращаетъ долю вдовы или даже вовсе лишаетъ ее пользованія этою долей вслѣдствіе вступленія ея въ новый бракъ. Это устарѣлое начало, служившее въ прежнее время какъ бы средствомъ наказанія вдовы за нарушеніе вѣрности памяти умершаго мужа, теперь не имѣетъ никакого смысла. Вообще нельзя сказать, чтобы законъ этотъ былъ болѣе благопріятенъ для вдовы, чѣмъ общія постановленія русскаго свода законовъ. Правда, что вдовья доля по этому закону значительно больше, чѣмъ по общимъ русскимъ законамъ. Но за то полученіе этой доли вдовою обставлено такими условіями, что иногда вдова вовсе лишается этой доли, а иногда даже теряетъ свою собственность по смерти мужа. Прежде всего по указанному закону вдова получаетъ свою долю изъ наслѣдства мужа лишь въ такомъ случаѣ, когда приданое ея не было обезпечено надлежащимъ образомъ. Слѣдовательно, выдѣлъ этой доли не составляетъ для нея приращенія собственности, а только служитъ вознагражденіемъ (иногда даже недостаточнымъ) за утрату приданого. Если же она имѣетъ свое приданое, то ничего не получаетъ изъ наслѣдства мужа, хотя бы это приданое и было совершенно недостаточно для ея существованія. Далѣе, вдова только тогда

имѣть право на долю изъ имущества мужа (хотя бы и не имѣла своего приданого), когда самъ мужъ «при своей жизни, по доброй волѣ, ничего изъ своего имущества наъ движимаго, такъ и недвижимаго, ей законнымъ образомъ не уувѣпилъ или не далъ въ ей пожизненное владѣніе» (св. зак. т. X ч. 1 ст. 1157 п. 8). Такимъ образомъ мужъ можетъ, давъ женѣ такую набудъ ничего не стоящую бездѣлицу, лишитъ ее средствъ къ существованію послѣ его смерти. Наконецъ, если имущество супруговъ приобрѣтено ихъ общими трудами въ теченіи брачной жизни, то жена получаетъ изъ этого имущества при дѣлахъ $\frac{1}{2}$ часть. Но когда имущество *общее*, то, при неопредѣленіи долей каждаго изъ супруговъ, слѣдуетъ предполагать, что оно принадлежитъ обоимъ супругамъ въ равныхъ частяхъ, т.-е., что женѣ принадлежитъ $\frac{1}{2}$ этого имущества; получая же изъ него только $\frac{1}{3}$, она еще при жизни лишается въ пользу дѣтей умершаго $\frac{2}{12}$ долей всего имущества или $\frac{2}{6}$ долей своей половины.

3) По польскимъ законамъ вдова получаетъ свою наследственную долю только изъ наследства, оставшагося послѣ ее мужа, т. е. изъ имущества и правъ, принадлежавшихъ ему въ моментъ его смерти. По русскимъ же законамъ—также и изъ того имущества своего свекра (отца мужа), которое слѣдовало бы мужу, еслибы онъ находился въ живыхъ при открытіи наследства послѣ своего отца, а при извѣстномъ условіи вдова получаетъ свою долю изъ недвижимаго имущества даже при его жизни. Объяснить существованіе этого страннаго начала можно только желаніемъ законодательной власти въ нѣкоторой степени улучшить положеніе вдовъ увеличеніемъ ее небольшой наследственной доли изъ наследства мужа и ничтожнымъ значеніемъ въ прежнее время движимаго имущества въ сравненіи съ недвижимымъ: когда въ составъ наследственного имущества мужа входила только движимость, то предполагалось, что вдова не можетъ существовать на свою долю изъ этого имущества, состоявшаго по большей части изъ вещей, не приносящихъ дохода; но оправдать его невозможно, потому что оно противорѣчитъ самымъ основнымъ понятіямъ

о наследованіи и представляет много затрудненій. Признаніе за вдовою права на полученіе указанной доли изъ той части *наследства* послѣ свекра, которая слѣдовала бы ея мужу послѣ смерти свекра, еще имѣетъ нѣкоторое основаніе въ своего рода правѣ представленія вдовы, какъ наследницы мужа, хотя по нашимъ законамъ (ст. 1123) правомъ представленія могутъ пользоваться только нисходящіе родственники представляемаго и хотя рассматриваемый законъ, конечно, не имѣлъ въ виду этого основанія, предоставивъ вдовѣ право на указанную долю только изъ имущества свекра, а не свекрови и не дальнѣйшихъ восходящихъ родственниковъ мужа. Но какую тѣнь основанія можно принести для второй части этого начала? Во-первыхъ, оно даетъ вдовѣ, какъ наследницѣ мужа, такое право на имущество его отца, какого и самъ онъ не имѣлъ, потому что сынъ не можетъ требовать своей наследственной доли изъ имущества отца при жизни послѣдняго. Во-вторыхъ, оно, въ противорѣчіе общему правилу нашего законодательства, предоставляющему собственнику неограниченно распоряжаться его благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, по справедливому замѣчанію г. Побѣдоносцева ¹⁾ и вопреки мнѣнію гражд. кассац. деп. сената (рѣш. по дѣлу Соколова 1868 г. № 869), стѣсняетъ свекра въ пользу невестки въ распоряженіи всѣмъ его недвижимымъ имуществомъ. Въ-третьихъ, при нѣсколькихъ невесткахъ-вдовахъ выдѣлъ изъ имѣнія свекра указанныхъ долей каждой изъ нихъ можетъ сильно затруднить его въ средствахъ существованія. Въ-четвертыхъ, указанная доля вдовы должна быть выдѣляема изъ той части имущества свекра, которая слѣдовала бы ея умершему мужу. Но какъ опредѣлить эту часть при жизни свекра, когда размѣръ ея, по-настоящему, зависитъ отъ числа его дѣтей въ моментъ его смерти? Очевидно, что въ этомъ случаѣ можно принимать въ расчетъ только дѣтей свекра, состоящихъ на лицѣ въ моментъ заявленія невестки о выдѣлѣ указанной доли. Но въ случаѣ рожденія у свекра, послѣ такого выдѣла, еще другихъ

¹⁾ Курсъ гражд. права, ч. 2-я, стр. 275—279.

дтей справедливость требовала бы производить новое распределение наследства и отбирать от невестки то, что окажется по новому расчету излишне ею полученнымъ. Всегда такой поворотъ излишне полученнаго оказывается затруднительнымъ, а иногда, когда, напр., полученная невесткою указная доля уже отчуждена, даже невозможнымъ.

Все сказанное выше о порядкѣ законнаго наследованія относится почти исключительно къ высшимъ и среднимъ классамъ нашего общества и мало примѣняется къ крестьянскому, а отчасти и къ городскому сословіямъ, въ которыхъ порядокъ наследованія подчиняется не писанному закону, а своеобразному складу ихъ семейнаго быта ¹⁾. Такъ какъ городскіе и крестьянскіе обычаи относительно наследованія недостаточно извѣстны, то и нельзя сказать, какія особенности въ сравненіи съ общимъ закономъ слѣдуетъ допустить въ правилахъ по этому предмету для горожанъ и крестьянъ. Несомнѣнно только одно, что эти обычаи, укоренившіеся въ теченіи вѣковъ, ни въ какомъ случаѣ не должны быть игнорируемы при преобразованіи нашихъ законовъ о наследствѣ. Невозможно довольствоваться и той мѣрой, на которой остановились крестьянскія положенія въ имперіи и царствѣ польскомъ, предоставивъ крестьянамъ руководиться въ дѣлахъ о наследствѣ ихъ собственными обычаями, потому что такая мѣра при нынѣшнемъ устройствѣ крестьянскихъ судовъ, по крайней мѣрѣ, въ имперіи равносильна подчиненію этихъ дѣлъ безконтрольному произволу сельскихъ судей. Но, принимая въ руководство эти обычаи, слѣдуетъ относиться къ нимъ весьма осторожно, потому что они создались неестественно (въ смыслѣ справедливости), односторонне, подъ исключительнымъ вліяніемъ лишь одной мужской половины крестьянскаго и городского населенія и потому преимущественно въ ея интересахъ. Поэтому нельзя сказать вѣстѣ съ Оршанскимъ, что основой обычнаго порядка наследованія служить «народное убѣжденіе». Безгласная и забытая женщина могла вліять на образованіе этихъ

¹⁾ См. вышеуказанную статью Оршанскаго.

обычаевъ лишь настолько, насколько это допускала при-
коть отцовъ, мужей и братьевъ. Она не имѣла и теперь не
имѣетъ возможности заявить свои требованія и высказать, на-
сколько она считаетъ для себя невыгоднымъ и обиднымъ су-
ществующій обычный порядокъ наслѣдованія. Но не можетъ
быть сомнѣнія въ томъ, что она имъ тяготится и терпитъ его
только по необходимости. Дѣло законодателя—рѣшить за нее,
въ чемъ слѣдуетъ улучшить ея положеніе съ этой стороны.
Рѣшить это въ принципѣ нетрудно: и здѣсь, какъ и въ дру-
гихъ частяхъ женскаго вопроса, главною основою должно слу-
жить общесловное, даже общечеловѣческое начало равно-
правности женщины съ мужчиною. И здѣсь начало это дол-
жно подлежать только одному ограниченію крайней необхо-
димости, физической и логической невозможности полного ра-
венства обоехъ половъ. Такъ, напр, при существующемъ
устройствѣ нашей крестьянской семьи въ формѣ хозяйственной
ассоціаціи дѣлежъ общей собственности долженъ сообразо-
ваться съ количествомъ труда каждаго изъ ея членовъ и по-
тому весьма естественно, что женщина, работающая вообще
меньше, чѣмъ мужчина (хотя и не всегда по своей винѣ и
по своему желанію), имѣетъ меньшую долю въ этой собствен-
ности. Но не много нужно знать нашъ крестьянскій бытъ,
чтобы съ увѣренностью сказать, что въ дѣйствительности ея
доля обыкновенно бываетъ несоразмѣрно мала въ сравненіи
съ ея трудомъ и трудомъ входящихъ въ составъ семьи муж-
чинъ. Очень можетъ быть, что въ этомъ случаѣ тотъ трудъ,
который несетъ на своихъ плечахъ женщина въ стѣнахъ своей
избы, не принося непосредственной прибыли, не ставится ни
во что, но при этомъ забывается, что безъ такого труда были
бы невозможны и работы мужчинъ внѣ дома. А между тѣмъ
крестьянская женщина при выходѣ замужъ въ приданое по-
лучаетъ почти исключительно однѣ тряпича. Самое цѣнное
имущество, деньги, если онѣ имѣются въ семьѣ, остаются въ
рукахъ мужчинъ, подъ предлогомъ необходимости ихъ для
многочисленныхъ потребностей хозяйства, для уплаты податей
и проч., но при этомъ не упоминается о той части сихъ де-

негъ, которая остается въ кабакахъ и трактирахъ. При такихъ условіяхъ, соблюдая полное уваженіе въ общинахъ, не слѣдуетъ отступать передъ необходимостью принести нѣкоторые изъ нихъ въ жертву началу, достойному еще большаго уваженія — справедливости.

VI.

Сводя итогъ всему мною сказанному, я задаюсь вопросомъ: второму изъ двухъ законодательствъ, русскому или польскому, слѣдуетъ отдать предпочтеніе относительно семейственныхъ и гражданскихъ правъ женщинъ? Съ вѣшной стороны, русскій сводъ, отличающійся отрывочностью и безсвязностью своихъ правилъ, частными недомолвками и пробѣлами, неясностью редакціи и устарѣлостью многихъ выраженій, конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ двумя дѣйствующими въ царствѣ польскомъ гражданскими кодексами, представляющими систематическое изложеніе, хорошую разработку, отчетливость редакціи. По внутреннему содержанію — относительно законовъ о наслѣдствѣ — кодексы эти также далеко оставляютъ сводъ. Но за то основаніе, на которомъ построены русскіе законы объ имущественномъ, а отчасти и личномъ положеніи замужней женщины, ставятъ ихъ несравненно выше соответствующихъ польскихъ узаконеній. Сравнивая относительную важность этихъ достоинствъ и недостатковъ, мы находимъ, что вѣшніе недостатки, которыми страдаютъ правила русскаго свода, — недостатки случайные, поверхностные, устраненіе которыхъ требуетъ труда, но труда кабинетнаго, труда нѣсколькихъ лицъ, значительно облегчаемаго многочисленностью образцовъ и обширностью юридической литературы и во всякомъ случаѣ по времени измѣряемаго годами. Не такъ легко добиться принципа равноправности женщинъ съ мужчинами тамъ, гдѣ ложное и отжившее начало подчиненія женщины мужчине въѣлось глубокими корнями! Судя по тому, что мы видимъ въ другихъ странахъ, этого нельзя достигнуть въ сотни лѣтъ самыхъ равно-

стороннихъ и систематическихъ усилій тысячъ людей разныхъ классовъ общества. Съ другой стороны, недостатки польскихъ законовъ объ имущественномъ положеніи замужней женщины гораздо существеннѣе тѣхъ, которыми страдаетъ русскій сводъ относительно участія женщины въ наслѣдованіи. Русскій законъ не ставитъ права женщины по наслѣдованію въ положеніе безусловно для нея невыгодное, давая ей возможность при извѣстныхъ условіяхъ воспользоваться такою же наслѣдственной долей, какая достается и мужчинѣ. Польское же гражданское уложеніе не даетъ замужней женщинѣ, пока она состоитъ замужемъ, никакого выхода изъ тѣхъ стѣсненій, которыя не могутъ быть устранены по взаимному согласенію супруговъ или на которыя она при выходѣ замужъ сама согласилась, можетъ быть по неопытности или въ припадкѣ излишняго довѣрія, и ставить ее, такимъ образомъ, въ необходимость при вступленіи въ бракъ терять значительную часть тѣхъ выгодъ, которыя она пріобрѣтаетъ по наслѣдованію, отдавать ихъ мужчинѣ—своему мужу. Слѣдовательно, вообще говоря и не вдаваясь въ частности, оказывается, что тѣ недостатки, которыми по рассматриваемому предмету страдаютъ русскіе законы, менѣе важны и легче устранены чѣмъ тѣ, которые составляютъ большое мѣсто польскихъ законовъ, и потому на вышепоставленный вопросъ можно дать только одинъ отвѣтъ: русское законодательство по рассматриваемому вопросу лучше польскаго, потому что оно ближе къ совершенству.

Въ заключеніе я предлагаю слѣдующія основныя положенія, на которыхъ, по моему мнѣнію, должны быть построены законы о семейственныхъ и гражданскихъ правахъ женщинъ.

1) Гражданскіе законы опредѣляютъ только юридическія (а не нравственныя) отношенія жены къ мужу и матери къ дѣтямъ.

2) Жена пользуется равными съ мужемъ правами въ семействѣ и только въ тѣхъ вопросахъ семейной жизни, въ которыхъ, по свойству ихъ, каждый изъ супруговъ не можетъ дѣйствовать самъ по себѣ безъ дѣйствительнаго и непосредственнаго вліянія на положеніе другаго и при разрѣшеніи

которыхъ одинъ изъ нихъ неизбежно долженъ подчиниться другому, голосу мужа дается перевѣсъ. Общее мѣсто жительства супруговъ опредѣляется усмотрѣніемъ мужа. Одинъ супругъ не можетъ оставлять другаго безъ его согласія, если не имѣетъ на то уважительныхъ причинъ.

Примѣчаніе. Возникающіе между супругами споры по поводу ихъ личныхъ отношеній разрѣшаются общими судебными установленіями, третейскимъ или семейнымъ судомъ, по выбору жалующагося супруга.

3) Жестовое обращеніе мужа съ женою и неисполненіе однимъ супругомъ законныхъ требованій другаго могутъ служить, смотря по обстоятельствамъ, основаніемъ къ разлученію ихъ или къ расторженію брака.

4) Въ совершеніи всякаго рода гражданскихъ дѣйствій какъ замужнія, такъ и незамужнія женщины подчиняются лишь общимъ узаконеніямъ безъ особыхъ для нихъ ограниченій. Замужняя женщина не стѣсняется въ этомъ отношеніи волею мужа. На совершеніе однимъ супругомъ какой либо гражданской сдѣлки требуется согласіе другаго супруга лишь настолько, насколько она касается его семейственныхъ правъ.

5) Имущественныя отношенія между супругами опредѣляются ихъ договорами по этому предмету, заключаемыми при вступленіи въ бракъ или во время брачной жизни и подлежащими по ихъ взаимному соглашенію измѣненію во всякое время. Если договоромъ приданое жены предоставлено во владѣніе мужа, то положеніе приданого во всѣхъ отношеніяхъ опредѣляется тѣмъ условіемъ, что оно находится въ пользованіи мужа во время брачной жизни супруговъ, съ обязанностью его нести расходы семейной жизни.

6) Въ случаѣ незаключенія между супругами договора о ихъ имущественныхъ отношеніяхъ, каждый изъ нихъ владѣетъ, пользуется и распоряжается своею собственностью независимо отъ воли другаго. Изъ этого общаго правила исключается только та часть имущества каждаго изъ супруговъ, которая, по требованію другаго супруга, предназначена на покрытіе расходовъ семейной жизни и доходы съ которой поступаютъ исключи-

тельно на этот предмет. Размѣръ этой части опредѣляется закономъ, смотря по имущественному состоянію каждаго изъ супруговъ и составу ихъ семейства. Мѣры для обезпеченія цѣлости этой части и поступленія доходовъ съ нея принимаются не иначе, какъ по требованію заинтересованнаго супруга.

7) Супруги могутъ вступать между собою во всякіе дозволенные закономъ договоры, не противорѣчащіе ихъ семейственнымъ отношеніямъ.

8) Личныя и имущественныя отношенія супруговъ во время производства дѣла о разлученіи ихъ, разводѣ или признаніи ихъ брака недействительнымъ опредѣляются тѣмъ судомъ, разрѣшенію котораго подлежитъ дѣло по существу.

9) По разлученіи супруговъ на неопредѣленное время, по расторженіи брака или по признаніи его недействительнымъ всѣ бывшія во время брака между супругами имущественныя отношенія прекращаются. Невиновный въ разводѣ или уничтоженіи брака супругъ можетъ требовать съ виновнаго лишь вознагражденія за убытки на общемъ основаніи, а тотъ изъ супруговъ, на попеченіи котораго остаются дѣти, можетъ требовать изъ имущества другаго на содержаніе ихъ известной доли, примѣнительно въ правиламъ объ отдѣленіи имущества на покрытие расходовъ семейной жизни при существованіи брака.

10) Мать имѣетъ относительно дѣтей тѣ же права, какъ и отецъ, и лишь въ случаѣ разногласія между ними относительно дѣтей по такимъ вопросамъ, въ которыхъ мать не имѣетъ самостоятельнаго положенія, независимаго отъ воли отца, голосу послѣдняго дается перевѣсъ.

11) Юридическія права матери относительно дѣтей сохраняютъ силу лишь до достиженія ими совершеннолѣтія, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, требующихъ самостоятельнаго положенія дѣтей, какъ, напр., при вступленіи ихъ въ бракъ, поступленіи ихъ на службу и т. п., прекращаются и ранѣе.

12) Право опеки надъ дѣтьми принадлежитъ матери на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и отцу.

13) Мать можетъ быть лишена родительской власти въ случаѣ злоупотребленія ею.

14) Положеніе живущихъ при родителяхъ дѣтей во время производства дѣла о разлученіи, расторгеніи или уничтоженіи брака, а также послѣ разлученія, расторгенія или уничтоженія его, опредѣляется судомъ.

15) Въ порядкѣ законнаго наслѣдованія не дѣлается никакого различія между наслѣдниками по ихъ полу.

16) Въ восходящей линіи наслѣдуютъ не только мать, но и дальнѣйшія родственницы наслѣдодателя.

17) Наслѣдственная доля вдовы изъ имѣнія мужа равняется долямъ его законныхъ дѣтей. Если же наслѣдодатель законныхъ дѣтей не оставилъ, то вдовѣ выдѣляется отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{2}$ наслѣдства, смотря по тому, переходитъ ли оно къ ближайшимъ или дальнѣйшимъ родственникамъ наслѣдодателя. За отсутствіемъ лицъ, допускаемыхъ къ наслѣдованію въ данномъ случаѣ, все наслѣдство переходитъ ко вдовѣ умершаго. Вдова получаетъ наслѣдственное имущество мужа всегда на правѣ собственности.

18) Незаконнорожденные дочери наслѣдодателя участвуютъ въ наслѣдованіи, получая меньшую или большую часть, смотря по тому, дѣлятъ ли онѣ наслѣдство съ ближайшими или дальнѣйшими законными родственниками наслѣдодателя, но всегда въ меньшемъ противъ законныхъ дѣтей размѣрѣ. За отсутствіемъ другихъ законныхъ наслѣдниковъ онѣ, вмѣстѣ съ незаконнорожденными сыновьями наслѣдодателя, получаютъ все его наслѣдство.

П. Юреневъ.

Обзоръ кассационныхъ рѣшеній по вопросамъ уголовного судопроизводства за 1874 годъ.

Общая положенія.

Гражданскій искъ: по поводу 6 и 7 ст. уст. угол. суд. сенатъ объяснилъ, что хотя законъ въ видѣ изыятія допускаетъ предъявлять въ извѣстныхъ случаяхъ гражданскій искъ объ удовлетвореніи за вредъ и убытки непосредственно въ уголовномъ судѣ, совместно съ производствомъ уголовного дѣла, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы основанія такого иска въ чемъ-либо отличались отъ тѣхъ, на которыхъ можетъ быть предъявляемъ искъ въ судѣ гражданскомъ; существо же гражданского иска должно состоять въ томъ, чтобы онъ былъ предъявленъ къ извѣстному, опредѣленному лицу и заключалъ въ себѣ извѣстныя, опредѣленныя требованія, которыя съ одной стороны судъ можетъ удовлетворить, и съ другой—подсудимый можетъ исполнить, и которыя могутъ быть опредѣлены въ извѣстной денежной или имущественной цѣнности. Поэтому, при разрѣшеніи вопроса о допущеніи извѣстнаго лица къ участию въ дѣлѣ на правахъ гражданского истца, судъ долженъ удовлетворять такое требованіе лишь въ томъ случаѣ, когда оно относится непосредственно къ лицу обвиняемому, и когда со-

держитъ въ себѣ извѣстныя, опредѣленныя требованія, которыя могли бы быть заявлены и въ судѣ гражданскомъ, еслибы подсудимый по какимъ-либо причинамъ не былъ преданъ суду или еслибы искъ былъ предъявленъ въ судѣ гражданскомъ послѣ окончанія суда уголовнаго. Сверхъ этого, въ 644 ст. зак. гражд. содержится положительное постановленіе о томъ, что виновный въ совершеніи преступленія обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, непосредственно причиненные симъ преступленіемъ, изъ чего слѣдуетъ, что только при непосредственной зависимости вреда и убытковъ отъ преступленія и можетъ быть предъявленъ искъ о вознагражденіи. Слѣдовательно, искъ о вознагражденіи за розысканіе подсудимыхъ и свидѣтелей и за нравственный вредъ, происшедшій для потерпѣвшаго отъ преступленія, напр., отъ невозможности вступить во второй бракъ, не соответствуетъ правиламъ о предъявленіи гражданского иска въ уголовномъ дѣлѣ (рѣш. № 331). Далѣе, въ рѣш. № 712 сказано, что гражданскій искъ подлежитъ разрѣшенію суда уголовнаго лишь въ томъ случаѣ, когда, во-первыхъ, предметъ такого иска составляетъ вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, въ совершеніи котораго обвиняется отвѣтчикъ по этому дѣлу, и, во-вторыхъ, когда искъ о вознагражденіи былъ предъявленъ до открытія засѣданія по уголовному дѣлу и до прекращенія уголовного преслѣдованія по одной изъ причинъ, указанныхъ въ 16 ст. уст. угол. суд. Поэтому искъ о возвратѣ украденной вещи можетъ быть предъявленъ въ судѣ уголовномъ и разрѣшенъ въ порядкѣ уголовного судопроизводства лишь въ случаѣ обвиненія отвѣтника въ преступномъ приобрѣтеніи украденной у истца вещи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда истецъ, предъявляя искъ о возвратѣ украденной у него вещи, не заявляетъ противъ лица, во владѣніи котораго находится та вещь, обвиненія въ преступномъ приобрѣтеніи этой вещи, и если вмѣстѣ съ тѣмъ мировой судья не признаетъ нужнымъ возбудить противъ отвѣтника уголовного преслѣдованія по собственному усмотрѣнію, то такой искъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи ст. 1512 т. X ч. 1 въ порядкѣ гражданского судопроизводства.

Прекращеніе дѣла примиреніемъ (3 п. 16 ст.): поводомъ въ подобному прекращенію не можетъ служить одна подача мирового прошенія, а напротивъ, для полученія безошибочнаго убѣжденія въ томъ, что мировое прошеніе выражаетъ дѣйствительную волю сторонъ прекратить ихъ дѣло миромъ, долженъ быть соблюденъ порядокъ, содержащійся въ уст. гражд. суд., ст. 1362, и заключающійся въ томъ, что судъ дѣлаетъ допросъ лицамъ, изъявившимъ желаніе примириться, и только тогда, когда этимъ допросомъ подтвердится на судѣ означенное желаніе, заявленное въ мировомъ прошеніи, судомъ можетъ быть постановлено опредѣленіе о прекращеніи дѣла (рѣш. № 443).

Сила вошедшаго въ законную силу оправдательнаго приговора: оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ подлежащаго суда, согл. 21 ст. уст. угол. суд., не можетъ быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же самому преступленію; но правило это, какъ видно изъ слѣдующаго случая, не абсолютное: противъ коллежскаго ассессора Сапожкова было возбуждено приставомъ 1-го участка петербургской части уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ томъ, что онъ, Сапожковъ, занимающійся адвокатурою, проживаетъ безъ адреснаго билета, но за неименіемъ пристава къ разбору дѣла и отсутствіемъ данныхъ къ обвиненію, онъ, Сапожковъ, былъ мировымъ судьей оправданъ. Затѣмъ приставъ составилъ новый протоколъ о томъ же проступкѣ Сапожкова, вслѣдствіе чего онъ, Сапожковъ, былъ вновь привлеченъ къ отвѣтственности и на этотъ разъ признанъ виновнымъ; на приговоръ съѣзда, утвердившаго приговоръ мирового судьи, Сапожковъ принесъ кассационную жалобу, въ которой, между прочимъ, указалъ на то, что былъ неправильно привлеченъ вторично къ отвѣтственности по одному и тому же обвиненію. Сенатъ оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій, потому что подсудимый, какъ видно изъ дѣла, былъ привлеченъ къ отвѣтственности по вновь составленному протоколу пристава петербургской части; который имѣлъ право, въ виду неисполненія его законныхъ требованій, привлечь вновь

въ отвѣтственности Сапожкова, и мировой судья ничѣмъ не нарушилъ 21 ст. уст., разобравъ вновь дѣло, возбужденное вторичнымъ протоколомъ полиціи (№ 689).

Преюдициальные вопросы гражданского права: рѣшеніе гражданскаго суда должно предшествовать рѣшенію уголовному, когда дѣйствительность и свойство дѣянія, въ которомъ предполагается преступленіе, зависятъ отъ опредѣленія силы и значенія документовъ, установленныхъ закономъ и оспариваемыхъ одною изъ сторонъ, когда нарушеніе или неисполненіе какой-либо обязанности, основанной на договорѣ, различно объясняется обѣими, заключившими его сторонами, или когда обвиненіе состоитъ въ жалобѣ на предъявленіе ко взысканію долговаго обязательства, по которому уже произведенъ платежъ (№ 78). Далѣе, въ рѣш. № 487 сказано, что предварительное разсмотрѣніе дѣла въ судѣ гражданскомъ тогда только должно предшествовать суду уголовному, когда событіе преступленія зависитъ отъ толкованія свойства гражданской сдѣлки, основанной на формальномъ документѣ. Наконецъ, въ рѣш. № 343 и 569 сказано, что 27 ст. уст. угол. суд., какъ это разъяснено уже многими рѣшеніями сената, имѣетъ примѣненіе лишь тогда, когда для опредѣленія преступнаго дѣянія необходимо разрѣшеніе въ установленномъ порядкѣ *какою-либо спорнаго вопроса гражданского права*. Но обвиненіе можетъ быть предъявлено прямо въ уголовномъ порядкѣ, если обвиненіе въ преступленіи уголовномъ зависитъ отъ признанія или отрицанія такого событія, относящагося къ сферѣ гражданского права, которое можетъ быть доказываемо свидѣтельскими показаніями (рѣш. № 214), или когда самая сдѣлка является послѣдствіемъ обмана (рѣш. 419, 606 и друг). Въ частности сенатъ призналъ, что разсмотрѣніе дѣла въ гражданскомъ судѣ должно предшествовать суду уголовному: 1) въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленіе преступности дѣянія зависитъ отъ опредѣленія правъ собственности на недвижимое имущество (рѣш. № 662); впрочемъ, изъ этого общаго правила допускается какъ и прежде исключеніе, а именно, при разсмотрѣніи дѣлъ о порубкѣ лѣсовъ, находя-

щихся на основ. 6 и 7 ст. уст. гѣсн. въ вѣдѣніи и управленіи министерства государственныхъ имуществъ, уголовный судъ не останавливается разрѣшеніемъ сихъ дѣлъ, хотя подсудимые заявили о принадлежности имъ гѣса и представили на это установленныя закономъ доказательства (рѣш. № 273); 2) при заавленіи стороны о произведенной уже уплатѣ по долговому обязательству, предъявленному во взысканію (рѣш. № 73 и 78), если споръ о томъ, слѣдуетъ ли извѣстное обязательство считать уплаченнымъ или нѣтъ, основанъ на письменномъ актѣ, или вообще на доказательствахъ гражданского свойства (рѣш. № 615); 3) если преступность дѣянія зависитъ отъ разрѣшенія спора по векселямъ (въ данномъ случаѣ неполученіе валюты) (рѣш. № 216); или 4) спора по договорамъ (рѣш. № 71—письменное условіе; рѣш. № 337—довѣренность); но предварительное разсмотрѣніе дѣла въ гражданскомъ судѣ не требуется, если подсудимый обвиняется не въ нарушеніи предѣловъ довѣренности, или въ томъ, что, не имѣвъ ее вовсе, ложно увѣрилъ потерпѣвшаго, что имѣетъ довѣренность и выманилъ у него подъ этимъ предлогомъ деньги (рѣш. № 141); далѣе, когда преступность дѣянія зависитъ отъ опредѣленія силы и содержанія письменныхъ актовъ, но на судѣ сила и значеніе оныхъ не оспаривается сторонами, то уголовный судъ вправе почерпнуть изъ обзорѣнія этихъ документовъ необходимыя свѣдѣнія для разрѣшенія возбужденнаго уголовнымъ порядкомъ вопроса о виновности подсудимаго (рѣш. № 673); 5) при обвиненіи въ присвоеніи отданныхъ на храненіе вещей; въ рѣш. № 592 сказано, что дѣйствительность договора о поклажѣ можетъ быть доказываема свидѣтельскими показаніями только въ исключительныхъ случаяхъ, исчисленныхъ въ 2112 ст. 1 ч. X т.; во всѣхъ же другихъ случаяхъ нарушенія такого договора уголовное преслѣдованіе можетъ быть возбуждено не иначе, какъ по разрѣшеніи дѣла судомъ гражданскимъ и признаніи имъ какъ дѣйствительности договора поклажи, такъ и нарушенія его. Изъ этого рѣшенія можно далѣе вывести заключеніе, что 27

ст. примѣняется и въ случаяхъ присвоенія заклада ¹⁾. Но, въ случаѣ зависимости вопроса о преступности дѣянія отъ вопроса о правѣ собственности на движимое имущество, уголовный судъ можетъ разрѣшить этотъ вопросъ, если въ подтвержденіе этого права не представлено никакихъ письменныхъ доказательствъ (рѣш. № 545); въ случаѣ похищенія и истребленія документовъ уголовное преслѣдованіе возбуждается непосредственно (рѣш. № 270); при обвиненіи въ самоуправствѣ не требуется предварительнаго рѣшенія гражданскимъ судомъ вопроса о правѣ собственности на недвижимое имущество, составлявшее предметъ самоуправныхъ дѣйствій, такъ какъ для разрѣшенія обвиненія въ самоуправствѣ необходимо лишь разрѣшеніе вопроса о томъ, въ чьемъ фактическомъ владѣніи находился во время преступленія означенный предметъ, и этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній въ порядкѣ уголовного судопроизводства (рѣш. № 624, тоже рѣш. № 568); при обвиненіи въ присвоеніи имущества черезъ обманъ не требуется предварительнаго рассмотрѣнія дѣла судомъ гражданскимъ (рѣш. № 271); тоже самое правило должно быть соблюдено при обвиненіи во взятіи лихвенныхъ процентовъ, по крайней мѣрѣ въ рѣш. № 580 сказано: «что, въ виду зависимости, въ коей находился вопросъ о количествѣ слѣдовавшей истцу съ ответчика по всеслѣдствію суммы отъ вопроса о томъ, была ли допущена лихва при дачѣ въ займы денегъ, приостановленіе возбужденнаго уголовного преслѣдованія не могло имѣть мѣста».

Обязательность рѣшенія гражданскаго суда: по поводу 29 ст. сенатъ призналъ, что окончательное рѣшеніе гражданского суда обязательно для уголовного суда только въ отношеніи дѣйствительности событія или дѣянія; заключеніе же гражданского суда о томъ, что въ признанномъ имъ событіи онъ не усматриваетъ признаковъ преступленія, не имѣетъ обязательной

¹⁾ Возбужденію вопроса объ уголовной отвѣтственности попечителя или опекуна надъ спротави, принадлежащими къ сельскому сословію, въ растратѣ имущества опеваемыхъ должнъ предшествовать обсужденіе и учетъ со стороны сельского схода (рѣш. № 71).

силы для суда уголовного и не может служить основаніемъ къ освобожденію обвиняемаго отъ уголовного преслѣдованія, возбужденнаго въ установленномъ закономъ порядкѣ (№ 626).

Производство въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ.

Подсудность. Право признать или не признать въ противозаконномъ дѣяніи существованіе такого заявленнаго обвиненіемъ признака, при наличности котораго наказаніе за это дѣяніе можетъ быть опредѣлено исключительно высшимъ судомъ, должно принадлежать сему послѣднему суду, ибо иначе отъ низшаго суда зависѣло бы, опредѣляя въ каждомъ данномъ случаѣ свойство рассматриваемаго преступнаго дѣянія, устранять его по своему усмотрѣнію изъ подсудности высшаго суда (рѣш. № 48); въ частности сенатъ призналъ, что священно-служители по обвиненію въ предусмотрѣнныхъ 142 ст. уст. о нак. проступкахъ подсудны не мировымъ установленіямъ, а суду духовному (р. № 240). Относительно же дѣлъ, подсудныхъ мировымъ установленіямъ на основаніи 35 ст., въ р. № 651 сказано, что мировой судья въ случаѣ непримиренія сторонъ не обязанъ передать дѣло судебному слѣдователю или окружному суду, а можетъ дѣло у себя производствомъ прекратить.

Порядокъ начатія дѣла. Право возбудить дѣло по непосредственно усмотрѣннымъ преступнымъ дѣйствіямъ принадлежитъ мировымъ судьямъ, но не създамъ мировыхъ судей (р. № 122). По дѣламъ, начинающимся вслѣдствіе жалобы потерпѣвшаго, не можетъ имѣть примѣненія 47 ст. уст. угол. суд., по которой, въ случаѣ неуказанія обвиняемымъ именъ свидѣтелей, мировой судья имѣетъ право поручать собраніе необходимыхъ по дѣлу свидѣній полиціи, за неуказаніемъ лицъ, подлежащихъ преслѣдованію (р. № 328); но 48 ст., предоставляющая частнымъ лицамъ обращаться къ содѣйствію полиціи во всѣхъ случаяхъ причиненія имъ отъ преступленія вреда и убытковъ, относится и къ дѣламъ, начинающимся исключительно вслѣдствіе жалобы потерпѣвшаго, ибо подъ выраженіемъ «вредъ» законъ, какъ это видно изъ сравненія 48 ст. уст. угол. суд. съ 18 ст. о

нак., понимается не только вред имущественный, но также обиды и оскорбления (рѣш. № 4).

Разбирательство у мировыхъ судей.

Относительно *доверенностей*, требуемыхъ для дѣйствительности уполномочія на веденіе дѣла въ мир. суд. уст., сенатъ нашелъ, что дѣйствія, упомянутыя въ 250 ст. уст. гр. суд., должны быть опредѣлительно выражены въ доверенности независимо отъ того, въ какомъ дозволенномъ закономъ порядкѣ и въ какомъ видѣ она была совершена, т.-е. на письмѣ, или же посредствомъ словеснаго заявленія доверителя предъ судомъ (рѣш. № 607).

Интересно рѣш. № 618: по дѣлу о кражѣ у Иванова часовъ мировымъ судьей была вызвана въ качествѣ свидѣтельницы еврейка Марія Молидъ, относительно которой обвиняемый Феоктистовъ показывалъ, что украденные имъ часы онъ продалъ ей. Молидъ отзывалась, что она у обвиняемаго никогда не покупала часовъ. Изъ протокола же мирового суда не видно, чтобы онъ объявлялъ Молидъ, что на нее упадетъ какое либо обвиненіе по сему дѣлу, но затѣмъ присудилъ ее къ наказанію какъ за укрывательство кражи по 169 и 172 ст. уст. о нак. Въ апелляціонномъ отзывѣ своемъ Молидъ жаловалась на то, что, бывъ вызвана въ качествѣ свидѣтельницы, она привлечена была къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемой, тогда какъ никто не обвинялъ ее ни въ какомъ преступленіи, но, несмотря на то, приговоромъ отъ 31 марта 1873 г. съѣздъ присудилъ ее къ наказанію по 180 ст. уст. о нак. Разсматривая это дѣло вслѣдствіе кассационной жалобы Молидъ, сенатъ нашелъ, что мировой судья долженъ былъ прежде постановленія о Маріи Молидъ приговора объявить ей, что по обстоятельствамъ, обнаруженнымъ при разборѣ, на нее упадетъ обвиненіе въ покупкѣ заведомо краденыхъ часовъ, и спросить ее, признаетъ ли она себя виновною въ этомъ проступкѣ, и засимъ, въ случаѣ непризнанія

ею своей вины, выслушать оправданія ея по сему дѣлу (91 и 92 ст. уст. угол. суд.); что впрочемъ несоблюденіе мировымъ судьей этого порядка не можетъ влечь за собою отмѣну приговора мирового съѣзда, такъ какъ изъ самаго содержанія показанія обвиняемаго Феоктистова о продажѣ ей золотыхъ часовъ просительница *должна была заключить*, что на нее можетъ падать подозрѣніе въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ въ 180 ст. уст. о нак., и она въ своемъ апелляціонномъ отзывѣ на рѣшеніе мирового судьи имѣла полную возможность представить мировому съѣзду всѣ свои оправданія по сему дѣлу.

Установленная 98 ст. уст. подписка съ напомниманіемъ объ обязанности свидѣтеля показать по чистой совѣсти должна быть отбираема особо до дачи свидѣтелями показаній, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замѣнена отмѣткою въ протоколѣ послѣ показанія каждаго свидѣтеля, что онъ въ случаѣ надобности готовъ подтвердить свое показаніе присягою (рѣш. № 571).

Постановленіе рѣшенія. По поводу 119 ст. сенатъ призналъ, что нельзя отрицать права суда дѣлать тѣ или другіе выводы по существу дѣла и изъ личныхъ качествъ и занятій обвиняемыхъ по дѣлу лицъ, такъ какъ свѣдѣнія, относящіеся къ этимъ предметамъ, могутъ вести къ разъясненію дѣла и рѣшенію вопросовъ о виновности или невинности обвиняемыхъ, и собраніе свѣдѣній этого рода даже вѣнчается суду въ обязанность въ извѣстныхъ случаяхъ (рѣш. 661).

Заочный приговоръ. Въ разъясненіи 136 ст. въ рѣш. № 205 сказано, что разсмотрѣніе и рѣшеніе мировымъ судьей дѣла, несмотря на неявку обвинителя, не есть существенное нарушеніе, если дѣло это принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя не подлежатъ прекращенію за неявкою къ суду возбудившаго уголовное преслѣдованіе. Жалобы на постановленіе заочнаго приговора не могутъ быть допущены, такъ какъ о нихъ въ законѣ вовсе не упоминается (рѣш. № 52).

Апелляціонные отзывы и частныя жалобы.

Сенатъ какъ и прежде держался того мнѣнія, что апелляціонные отзывы могутъ быть приносимы на такія опредѣленія мировыхъ судей, постановленныя не по существу дѣла, которыми разборъ дѣла у мирового судьи окончательно разрѣшается, какъ, напр., о прекращеніи дѣла за неаекою обвинителя, за смертью, или за примиреніемъ, о признаніи возбужденнаго въ уголовномъ порядкѣ дѣла подлежащимъ гражданскому производству и т. п., или которыя состоялись въ дополненіе къ окончательнымъ приговорамъ, какъ, напр., о порядкѣ исполненія, такъ какъ опредѣленія такого рода собственно составляютъ приговоры, подлежащіе обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ; жалобы же на частныя постановленія мирового судьи, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ 152 ст. уст. угол. суд., отдѣльно отъ отзывовъ не допускаются (рѣш. № 641). Относительно довѣренности, коей повѣренный долженъ быть уполномоченъ на подачу апелляціоннаго отзыва, изъ рѣш. № 132 видно слѣдующее: при разсмотрѣніи въ бугульминскомъ мировомъ съѣздѣ дѣла по апелляціонному отзыву повѣреннаго Бѣловой, сына ея Бѣлова, съѣздъ, имѣя въ виду, что явившійся на разбирательство дѣла сынъ Бѣловой не представилъ довѣренности на хожденіе дѣла и подачу апелляціоннаго отзыва, опредѣлилъ признать рѣшеніе мирового судьи вошедшимъ въ законную силу. Въ кассационной жалобѣ Бѣловъ объяснилъ, что ему не было извѣстно о неоставленіи при дѣлѣ, при возвращеніи ему судьею подлинной довѣренности, копій съ оной, и что хотя онъ просилъ отсрочить разсмотрѣніе дѣла на полчаса для представленія довѣренности, но ему было въ этомъ отказано. Разсмотрѣвъ эти обстоятельства, сенатъ нашелъ, что мировой судья допустилъ кассатора въ качествѣ повѣреннаго къ объявленію неудовольствія на приговоръ по дѣлу Бѣловой; что вслѣдствіе сего съѣздъ, встрѣчая сомнѣніе въ уполномочіи просителя на веденія дѣлъ Бѣловой въ виду 149 ст. уст. угол. суд., не вправѣ былъ безъ предварительнаго разъясненія этого

обстоятельства порядкомъ, указаннымъ въ 167 ст. того же уст., признавать приговоръ мирового судьи вошедшимъ въ законную силу; что если мировой судья при подачѣ Бѣловымъ отзыва, руководствуясь 128 ст. уст. угол. суд., разъяснилъ бы просителю о необходимости соблюденія имъ требуемой 250 ст. уст. гражд. суд. формальности при представленіи жалобы повѣренными, то не лишилъ бы его, Бѣлова, права на разсмотрѣніе жалобы его въ сѣздѣ; что мировой судья, принявъ отъ Бѣлова отзывъ безъ истребованія отъ него довѣренности и представивъ отзывъ вмѣстѣ съ дѣломъ на разсмотрѣніе сѣзда, тѣмъ самымъ удостовѣрилъ просителя въ подачѣ имъ жалобы въ установленномъ закономъ порядкѣ. Въ рѣш. № 943 далѣе сказано, что пространство правъ повѣреннаго, предоставляемыхъ ему довѣренностью, опредѣляется не отдѣльными выраженіями въ видѣ закономъ опредѣленныхъ терминовъ, но главнымъ образомъ смысломъ и содержаніемъ довѣренности, поэтому сѣздъ не имѣлъ права не допустить довѣреннаго подсудимаго Гусева на томъ основаніи, что въ довѣренности предоставленіе ему права вести это дѣло въ сѣздѣ написано между строки и не оговорено надлежащимъ образомъ; ибо довѣренность была выдана именно по настоящему дѣлу, такъ что не оставалось никакого сомнѣнія, что этою довѣренностью Гусевъ предоставлялъ повѣренному защиту своихъ правъ по этому дѣлу именно въ сѣздѣ.

Порядокъ разбирательства въ мировыхъ сѣздахъ. Разбирательство дѣлъ, не указанныхъ въ первыхъ двухъ пунктахъ 89 ст., при закрытыхъ дверяхъ допускается лишь въ исключительномъ случаѣ, предусмотрѣнномъ 3 п. этой статьи; если же заявленія сторонъ о закрытіи дверей не послѣдовало, то всѣ дѣла должны производиться публично, съ тѣмъ, что если представляется необходимость въ изслѣдованіи обстоятельствъ, которые могутъ быть причислены къ упоминаемымъ во 2 п. 89 безстыднымъ дѣйствіямъ, то мировыя учрежденія имѣютъ право удалить публику изъ засѣданія только на это время, а не на все время всего производства дѣла (рѣш. № 476). Сѣздъ, постановляя свое заключеніе о прекращеніи дѣла въ распоряди-

тельно, а не въ судебномъ засѣданіи, нарушилъ 151 ст. утр. суд. уст. (рѣш. № 168). Въ случаѣ отіѣны въ кассационномъ порядкѣ приговора съѣзда, съѣздъ, въ который дѣло передано, обязанъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла въ общемъ апелляціонномъ порядкѣ, и не имѣетъ права основывать свой приговоръ на показанія свидѣтелей, данныхъ при разбира- тельствѣ дѣла въ первомъ мировомъ съѣздѣ (рѣш. № 315). По смыслу 157 ст. уст. угол. суд. подсудимый, который по роду преступленія, введеного на него обвиненіемъ, можетъ быть приговоренъ къ тюремному заключенію, долженъ быть вызванъ къ слушанію его дѣла въ съѣздѣ; поэтому съѣздъ, рассматривая дѣло въ отсутствіи подсудимаго, который хотя и былъ приговоренъ мировымъ судьей лишь къ аресту, но могъ быть подвергнутъ вслѣдствіе жалобы обвинителя заключенію въ тюрьмѣ, допускаетъ нарушение 157 ст. Но нарушение пра- вила, выраженнаго 157 ст. и установленнаго въ видахъ ограж- денія правъ подсудимыхъ, нельзя признать существеннымъ, если кассаторъ (обвинитель) не домогался вызова подсудимаго и не настаивалъ на отсрочкѣ засѣданія, и если съѣздъ не нашелъ возможнымъ обвинить подсудимаго въ введеномъ на него преступленіи не вслѣдствіе невыслушанія его объясненій, а потому, что не нашелъ къ тому основаній въ самомъ дѣлѣ (рѣш. № 672). Мнѣніе, прежде уже высказанное сенатомъ, что мировой съѣздъ вправе допросить въ качествѣ свидѣтеля, по обстоятельствамъ, относящимся до другихъ подсудимыхъ, лицо обвиненное по тому же дѣлу, но подчинившееся приговору мирового судьи, подтверждено рѣш. № 442. Участвующей въ дѣлѣ сторонѣ принадлежитъ безусловное право давать заклю- ченіе и представлять объясненія свои по каждому дѣйствию, происходящему на судѣ; поэтому мировой съѣздъ, приступая къ разсмотрѣнію дѣла по апелляціонному отзыву повѣреннаго обвинителя и возбуждая предварительно вопросъ о томъ, упол- номоченъ ли повѣренный надлежащею довѣренностью на при- несеніе этого отзыва, не можетъ постановить опредѣленія своего по сему предмету безъ выслушанія объясненій находившагося въ съѣздѣ налицо повѣреннаго обвинителя; нарушение этого

порядка—существенное (рѣш. № 607). Въ рѣш. № 406 упоминается о другомъ существенномъ нарушеніи порядка разбирательства въ мировомъ сѣздѣ; изъ этого рѣшенія именно видно, что когда повѣренный обвиняемаго, прерванный товарищемъ прокурора, продолжалъ послѣднее слово, то председатель объяснилъ ему о достаточномъ уже разъясненіи дѣла и судьи удалились въ совѣщательную комнату. Такое дѣйствіе председателя не можетъ не быть признано нарушеніемъ 166 ст. уст. угол. суд., ибо ни председателю сѣзда, ни судьямъ, составляющимъ присутствіе онаго, не предоставлено закономъ права предрѣшать, что послѣднее слово обвиняемаго или его повѣреннаго не будетъ заключать ничего, могущаго служить къ разъясненію истины.

Производство въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

Обвинительный актъ (520 ст.). Помѣщеніе въ обвинительномъ актѣ свѣдѣній о томъ, что подсудимый по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ высланъ былъ въ Вологду подъ надзоръ полиціи за кражу, дурное поведеніе и связи съ подозрительными людьми, какъ не относящихся до предмета обвиненія, составляетъ нарушение 520 ст., но это нарушение нельзя признать существеннымъ, ибо подсудимый имѣетъ возможность представить на судѣ возраженія свои противъ означенныхъ включенныхъ въ обвинительный актъ свѣдѣній (рѣш. 709).

Приготовительная къ суду распоряженія. Подсудимый Гиндинъ, обвиняемый въ оскорбленіи своего отца насильственнымъ дѣйствіемъ, жаловался на то, что ему вопреки 556 ст. не сообщена была копія съ жалобы его отца, по которой начато было дѣло. Сенатъ нашелъ, что Гиндину сообщена была копія съ опредѣленія судебной палаты, по которому послѣдовало преданіе его суду; но копія съ жалобы его отца, по которой возбуждено было это дѣло въ порядкѣ частнаго обвиненія, ему сообщена не была, тогда какъ въ дѣлахъ этого рода согласно

556 ст. уст. угол. суд. копія съ жалобы частнаго обвинителя должна быть сообщаемъ обвиняемому, а въ настоящемъ случаѣ въ опредѣленіи палаты именно было указано, что за основаніе судебного слѣдствія должна быть принята упомянутая жалоба; въ этомъ сенатъ усмотрѣлъ существенное нарушеніе 568 ст. (рѣш. № 143). Особенное вниманіе заслуживаетъ рѣш. № 346: въ числѣ правилъ уст. угол. суд., сказано въ этомъ рѣшеніи, имѣющихъ цѣлю доставленіе обвиняемымъ дѣйствительныхъ средствъ къ защитѣ, однимъ изъ главнѣйшихъ является предоставленіе подсудимому, по врученіи ему копій съ обвинительнаго акта или съ жалобы частнаго обвинителя и списка лицъ, подлежащихъ вызову въ судъ, право указать лицъ для допроса въ качествѣ свидѣтелей и имѣть защитника на судѣ. Въ настоящемъ дѣлѣ предсѣдатель окружнаго суда эту существенную гарантію подсудимыхъ обратилъ въ лишенную всякаго значенія формальность. Вызвать подсудимую Максимову въ судъ для отобранія отъ нея вышеозначенныхъ объясненій и узнавъ отъ сопровождавшаго ее конвойнаго, что подсудимая, не давая никакого отвѣта на предлагаемые ей вопросы, мордовка и по русски не понимаетъ, предсѣдатель ограничился лишь занесеніемъ этого обстоятельства въ протоколъ, съ присовокупленіемъ, что переводчика мордовскаго языка въ зданіи суда не оказалось. Такимъ образомъ, предсѣдатель, убѣдившись, что Максимова по русски не понимаетъ, вмѣсто приписанія и приглашенія лица, свѣдущаго въ томъ языкѣ, на которомъ могла объясниться подсудимая, и отобранія отъ нея чрезъ посредство этого лица объясненій, вовсе не исполнилъ требованій 561 ст. Затѣмъ предсѣдатель не озаботился и о назначеніи защитника подсудимой. Хотя по 566 ст. предсѣдатель назначаетъ подсудимому защитника вслѣдствіе просьбы его о томъ, такъ какъ подсудимый имѣетъ право самъ избрать защитника, или же защищать себя лично, но въ настоящемъ случаѣ для предсѣдателя при серьезномъ отношеніи къ дѣлу и положенію подсудимой, обвинявшейся въ тяжкихъ преступленіяхъ, должно было быть очевидно, что она, вслѣдствіе одного незнанія русскаго языка, не можетъ защи-

щать себя лично, и въ виду необьясненія ей, что она имѣетъ право избрать себѣ защитника, подсудимая и не могла воспользоваться этимъ правомъ, еслибы и находилась въ возможности присвать лицо, которое согласилось бы взять на себя ее защитить на судѣ. Если же въ распоряженіи суда нѣтъ лица, которому могла быть вѣрена защита подсудимаго, на председателѣ лежитъ обязанность предупредить объ этомъ подсудимаго еще до открытія судебного засѣданія и спросить его, находитъ ли онъ возможнымъ защищать себя лично, или желаетъ отсрочить судебное засѣданіе до присванія защитника. По настоящему дѣлу ничего этого председателемъ не было исполнено. Поэтому, за нарушеніемъ 561 и 566 ст. уст. угол. суд., сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ.

По вопросу о порядкѣ вызова свидѣтелей согласно просьбѣ подсудимыхъ сенатъ, повторяя многія положенія прежнихъ лѣтъ, призналъ существенными нарушеніями слѣдующія отступленія отъ законнаго порядка: 1) необьявленіе подсудимымъ объ отказѣ въ вызовѣ просимыхъ ими свидѣтелей, или объявленіе объ этомъ при самомъ открытіи засѣданія, и рассмотрѣніе дѣла, несмотря на ходатайство подсудимаго объ отсрочкѣ засѣданія (рѣш. № 21,334); 2) отказъ въ вызовѣ свидѣтеля, спрошеннаго на предварительномъ слѣдствіи (рѣш. № 75; 3) отказъ въ вызовѣ свидѣтеля на счетъ подсудимаго въ случаяхъ, указанныхъ въ 576 ст. уст. угол. суд. (рѣш. № 392); 4) отказъ въ вызовѣ свидѣтеля безъ обсужденія важности обстоятельствъ, о которыхъ онъ, согласно заявленію подсудимаго, можетъ показывать (рѣш. № 385); 5) невызовъ по ошибкѣ канцеляріи свидѣтеля, котораго судъ постановилъ вызвать по просьбѣ подсудимаго (рѣш. № 217), или значущагося въ спискѣ, приложенномъ при обвинительномъ актѣ (рѣш. № 710). Далѣе, въ рѣш. № 51 сказано, что мѣра, указанная въ 576 ст. уст. угол. суд., относится собственно до новыхъ свидѣтелей, неспрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи, о вызовѣ которыхъ не заявлено суду по ст. 575 и въ семидневный срокъ, и въ рѣш. № 71,—что если судомъ назначена экспертиза по какому либо

вопросу, то объ этомъ долженъ быть увѣдомленъ подсудимый или защитникъ.

Интересно рѣш. № 735, въ которомъ сенатъ говоритъ, что согл. 548, 630, 629 ст. уст. угол. суд. и 452 ст. уст. гражд. суд. нельзя не прійти къ заключенію, что судъ во время приготовительныхъ дѣйствій обязанъ войти въ обсужденіе ходатайства участвующихъ въ дѣлѣ лицъ объ истребованіи документовъ или свѣдѣній, находящихся въ дѣлахъ присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ, и что судъ можетъ отказывать въ этомъ истребованіи непосредственно или выдачею свидѣтельства лишь тогда, когда признаетъ, что представляемые къ тому причины не имѣютъ достаточнаго основанія, или же что просимые документы или свѣдѣнія не относятся къ дѣлу или не могутъ послужить къ разъясненію указываемыхъ просителями обстоятельствъ, или что сіи послѣдніе не имѣютъ для дѣла никакого значенія. Отказъ же безъ соображенія важности для дѣла просимыхъ документовъ и свѣдѣній есть существенное нарушеніе. — Наконецъ, согл. рѣш. № 355, невозможъ въ судъ защитника, избраннаго самимъ подсудимымъ, есть существенное нарушеніе 581 ст. уст. угол. суд. — За неисполненіемъ 589 ст. сенатъ отмѣняетъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда въ одномъ случаѣ въ виду того, что въ сообщенномъ подсудимому спискѣ судей не уважено фамиліи почетнаго судьи Попова, и объ участіи его въ составѣ суда подсудимый не былъ предупрежденъ передъ открытіемъ засѣданія, а между тѣмъ въ кассационной жалобѣ подсудимымъ представлены указанія на законный поводъ къ отводу Попова (рѣш. № 141). — Относительно сообщенія согл. 589 подсудимому списка присяжныхъ засѣдателей сенатъ въ рѣш. № 282 высказалъ, что въ этомъ спискѣ должны быть указаны не только имена, отчества, фамиліи присяжныхъ, но и званіе ихъ; но въ данномъ случаѣ неуказаніе ихъ званій не можетъ быть причиной отмѣны приговора, потому что подсудимый и защитникъ его ни до суда, ни при открытіи судебного засѣданія, не заявили о какомъ либо недоразумѣніи, встрѣченномъ ими по поводу неопредѣленія въ спискѣ присяжныхъ званія ихъ, что при загла-

ни о семъ лишь, при предъявленіи списка для отвода, председателствующимъ предоставлена была имъ возможность ознакомиться съ званіями присяжныхъ, но они сами не пожелаали воспользоваться этимъ и не просили объ отсрочкѣ судебного засѣданія, и что подсудимый въ кассационной жалобѣ не указываетъ, чтобы въ составѣ присутствія находились лица, не обладавшія качествами, необходимыми для исполненія обязанностей присяжныхъ заседателей, и отводъ которыхъ подсудимый признавалъ бы необходимымъ. Неврученіе подсудимому вовсе списка присяжныхъ есть существенное нарушеніе, если подсудимый указываетъ, что это упущеніе суда имѣло своимъ послѣдствіемъ неправильный составъ присяжныхъ (рѣш. № 487).

Повѣренный гражданского истца (ст. 594) долженъ быть уполномоченъ на участіе въ судебномъ засѣданіи не иначе, какъ доверенностью, засвидѣтельствованною въ установленномъ порядкѣ; но если подсудимые и защитники не заявили своевременно отводъ противъ повѣреннаго гражданского истца, то они уже не вправе выставить неисполненіе требованія 249 ст. уст. гражд. суд. и 592 ст. уст. угол. суд. поводомъ въ отбѣнъ состоявшагося о нихъ рѣшенія (рѣш. № 44). Временное отсутствіе повѣреннаго гражданского истца изъ залы засѣданія не можетъ служить причиною въ устраненіи отъ разсмотрѣнія на судѣ уголовномъ гражданского иска (рѣш. № 197).

Составъ присутствія для судебного засѣданія.

Не могутъ присутствовать въ судебномъ засѣданіи: 1) двое почетныхъ мировыхъ судей, хотя и при двухъ членахъ суда (рѣш. № 84); 2) кандидаты на судебныя должности и исправляющіе должность судебного слѣдователя (рѣш. № 54, 55 и 165). Впрочемъ, въ рѣш. № 103 сказано противоположное, а именно, что кандидаты, исправляющіе обязанности судебныхъ слѣдователей, могутъ заступать мѣсто членовъ суда. Въ рѣш. № 490 подсудимый жаловался на то, что въ составѣ суда при раз-

смотрѣніи его дѣла находится членъ суда Лебедевъ, который былъ переведенъ приказомъ во вѣдомству министерства юстиціи въ полтавскій окружный судъ еще до открытія засѣданія. Сенатъ нашелъ, что присутствіе въ судебномъ засѣданіи члена окружного суда Лебедева послѣ полученія приказа о переводѣ его въ полтавскій окружный судъ не можетъ быть признано поводомъ къ оти́внѣ приговора; званіе члена острожскаго суда давало Лебедеву законное право находиться въ составѣ присутствія по настоящему дѣлу, и одно полученіе приказа о переводѣ его въ другой судъ не дало ему права исполнять обязанности, сопряженныя съ званіемъ члена острожскаго окружного суда, дѣло, поему, дела не послѣдовало со стороны суда надлежащаго распоряженія объ оставленіи имъ должности, вслѣдствіе оставшагося и полученнаго въ судъ приказа. Судья можетъ быть отведенъ, если защитникомъ подсудимаго состоитъ одинъ изъ упомянутыхъ въ 1 и 600 ст. родственниковъ его (рѣш. № 715); да́же, можетъ быть отведенъ городской голова (въ качествѣ почетнаго мирового судьи), если имъ было возбуждено преслѣдованіе противъ подсудимаго, ибо хотя этотъ отводъ и не подходитъ буквально подъ условія, указанныя въ 85 и 600 ст. уст. угол. суд., но основательность его явствуетъ изъ соображенія общаго смысла упомянутыхъ статей и главныхъ началъ, положенныхъ въ основу судебного преобразованія (рѣш. № 603). — Несоблюденіе 606 ст., т.-е. необъявленіе судьямъ объ извѣстной ему причинѣ отвода, не есть такое существенное нарушеніе, которое могло бы вести къ оти́внѣ судебного приговора, основаннаго на рѣшеніи присяжныхъ заседателей (рѣш. № 70).

Управленіе ходомъ дѣла въ судебномъ засѣданіи.

Въ законѣ не указанъ порядокъ, въ какомъ должно производиться судебное слѣдствіе въ случаѣ, если подсудимый обвиняется въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, подлежащихъ одновременному разрѣшенію суда, т.-е. долженъ ли судъ ста-

вить вопросы по каждому изъ такихъ обвиненій отдѣльно и затѣмъ приступать къ дальнѣйшему разсмотрѣнiю этихъ вопросовъ присяжными, или же онъ можетъ по окончанiи судебного слѣдствiя по всѣмъ упاداющимъ на подсудимаго обвиненiямъ помѣстить вопросы по всѣмъ этимъ обвиненiямъ на одномъ вопросномъ листѣ, которые и разрѣшаются присяжными засѣдателями за одинъ разъ; но изъ смысла 611 и 613 ст. нельзя не придти къ заключенiю, что разрѣшенiе затрудненiй въ этихъ случаяхъ всецѣло принадлежитъ предсѣдателю (рѣш. № 320). Разрѣшенiе предсѣдателемъ собственною властью прочесть ¹⁾ актъ осмотра есть существенное нарушенiе (рѣш. № 526). Объ отпускѣ присяжныхъ засѣдателей изъ суда говорится въ любезитномъ рѣшенiи № 457; изъ протокола суда видно, что присяжные были отпущены на ночь по домамъ, потому что вслѣдствiе сильнаго дождя во временномъ помѣщенiи суда оказалась такая сырость, что, по мнѣнiю врача, нельзя было оставлять въ немъ для ночлега присяжныхъ безъ всякаго ущерба для ихъ здоровья, а отводить ихъ каждодневно на ночь въ постоянное помѣщенiе суда и приводить обратно подъ охраною стражи, въ виду 2-хъ-верстнаго разстоянiя, было бы весьма стѣснительною и крайне неудобною мѣрою. Сенатъ нашелъ, что во вниманiе къ этимъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, а также и къ тому, что присяжные каждый разъ были отпускаемы по домамъ спустя нѣсколько времени по закрытiи засѣданiй, когда уже не было постороннихъ лицъ, что предсѣдателемъ было дѣлаемо имъ установленное внушенiе о соблюденiи ими требованiй закона въ этихъ случаяхъ, и что никто изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, во все время производства настоящаго дѣла въ окружномъ судѣ, не заявлялъ о какихъ-либо недозволенныхъ сношенiяхъ присяжныхъ съ посторонними лицами или о внѣшнемъ на нихъ влiянiи, а даже въ кассационныхъ жалобахъ на то не указываетъ, — допущенное отступленiе отъ предписаннаго прав. сенатомъ въ дир-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ прочтенiе акта осмотра имѣло мѣсто по произнесенiи обвинительной и защитительной рѣчей.

вумрномъ указѣ его 8-го апрѣля 1873 г. порядка исполненія 616 ст. уст. угол. суд. не представляется настолько существеннымъ, чтобы вести за собою отмѣну состоявшагося по сему дѣлу приговора.

Условия производства дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ.

Относительно *публичности* засѣданій въ р. № 112 сказано, что если судъ находитъ, что по дѣламъ, неуказаннымъ въ 620 ст. уст. угол. суд., въ показаніяхъ свидѣтелей и сторонъ могутъ содержаться обстоятельства, оскорбительныя для нравственности, то онъ обязанъ въ опредѣленіи своемъ указать, какія именно дѣйствія слѣдственнаго производства не должны происходить публично; неисполненіе этого и необъясненіе въ опредѣленіи, по какимъ именно причинамъ судъ признаетъ необходимымъ произвести все дѣло при закрытыхъ дверяхъ, есть существенное нарушеніе 621 ст. (р. № 112). Неоткрытіе дверей послѣ означенія судебныхъ премій есть тоже поводъ къ кассациі (р. № 113).

Относительно *прочтенія показаній* сенатъ призналъ и теперь, что нахожденіе свидѣтеля въ другомъ судебномъ окрѣгѣ въ такомъ только случаѣ признается законной причиною неявки, дающей право на прочтеніе его показанія, если свидѣтель находится въ такомъ дальнемъ разстояніи, что не могъ безъ особенныхъ затрудненій явиться по вызову, нарушеніе этого правила—существенное (р. № 342, 215 и др.); при этомъ неровысканіе мѣста жительства свидѣтеля не можетъ служить еще удостовѣреніемъ о безвѣстной и дальней отлучкѣ его (р. № 567).

Прочтеніе показаній свидѣтелей, о врученіи коимъ повѣсти о вызовѣ въ судъ свидѣній не имѣется, есть тоже существенное нарушеніе (р. № 435 и 567). Можетъ быть прочтано показаніе свидѣтеля вовсе не вызывавшагося въ судъ, если онъ не былъ розысканъ во время составленія и утвержденія судебною палатою списка лицъ, подлежащихъ вызову въ судебное

засѣданіе, ибо нельзя считать обязательнымъ для обвинительной власти включать въ подобный списокъ такое лицо, вызовъ котораго былъ бы бесполезенъ (р. № 483). Признаніе одного состава суда, что показаніе не явившагося свидѣтеля существенное, не лишаетъ другой составъ возможности признать, что это показаніе несущественное, и поэтому прочтенію не подлежитъ (р. № 403). Наконецъ, въ р. № 670 разрѣшенъ слѣдующій случай: защитникъ подсудимаго жаловался, что въ судебномъ засѣданіи было читано не только показаніе свидѣтеля Козырева, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, но и еще другое показаніе его, данное мировому посреднику. Сенатъ нашелъ, что хотя неповтореніе въ протоколъ слѣдователя о допросѣ Козырева перваго показанія его и составляетъ отступление отъ порядка допроса, но тѣмъ не менѣе, если уже такое упущеніе при предварительномъ слѣдствіи допущено, единственно возможное средство въ исправленію онаго заключается въ прочтеніи и того показанія, на которое въ показаніи Козырева, данномъ слѣдователю, содержится ссылка, если связь этихъ обоихъ показаній будетъ установлена судомъ. А такъ какъ вопросъ о внутренней связи двухъ показаній есть вопросъ существа, не подлежащій повѣркѣ, въ данномъ же случаѣ судомъ связь между двумя показаніями Козырева признана существующею въ той мѣрѣ, что, безъ прочтенія перваго показанія Козырева, второе показаніе его становится непонятнымъ, то и не усматривается нарушенія 626 и 627 ст. Въ прочтеніи показаній умершихъ или неровнсыданныхъ подсудимыхъ относятся рѣшенія № 245, 521; въ первомъ сказано: хотя въ р. 1870 г. № 1228 сенатомъ признано, что прочтеніе показанія умершаго подсудимаго, по требованію сторонъ, не составляетъ нарушенія ст. 626 уст. угол. суд., но при этомъ указаны мотивы, на основаніи которыхъ иррациональствующій сенатъ нашелъ возможнымъ прибѣгнуть въ этихъ случаяхъ ст. 626, относящуюся буквально только къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Мотивы эти существенно заключаются въ томъ, что въ показаніяхъ, данныхъ умершимъ или отсутствующимъ обвиняемымъ на предварительномъ слѣдствіи, могутъ

быть указанія, разъясняющія дѣло и служащія въ пользу или противъ подсудимыхъ, и *хотя показанія эти не имѣютъ характера достоверности*, но тѣмъ не менѣе они не должны быть оставляемы безъ вниманія при разрѣшеніи вопроса о виновности по внутреннему убѣжденію, для котораго необходимо разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла въ совокупности. Поэтому сенатъ призналъ возможнымъ допустить прочтеніе тѣхъ частей показаній умершихъ обвиняемыхъ, въ которыхъ обвиняемый свидѣтельствуетъ о фактической сторонѣ дѣла, т.-е. когда показаніе имъ дано было, такъ сказать, въ качествѣ свидѣтеля. Въ виду сего очевидно, что требованія сторонъ о прочтеніи показаній умершихъ до суда подсудимыхъ должны быть мотивированы ими съ объясненіемъ, почему именно и какія части показаній находятъ онѣ существенно важными и требующими быть прочитанными на судѣ, и эти заявленія сторонъ относительно существенности показаній подлежатъ обсужденію суда. Между тѣмъ изъ протокола по дѣлу не видно, чтобы тов. прокурора, просившій о прочтеніи всѣхъ показаній, данныхъ умершимъ подсудимымъ Славущенскимъ, представилъ бы основанія къ своему требованію, а потому судъ, отказавши ему въ прочтеніи показанія Славущенскаго, не вышелъ изъ предѣловъ власти, предоставленной ему 626 ст. уст. угол. суд. Во второмъ рѣшеніи говорится, что подсудимый, который умеръ или сдѣлалъ побѣгъ до открытія судебного засѣданія, *уже не можетъ считаться подсудимымъ по дѣлу*: показаніе его не можетъ быть замѣнено даннымъ на судѣ и если показаніе его заключается въ себѣ положительныя или отрицательныя указанія на дѣйствія наличныхъ подсудимыхъ, то оно по требованію сторонъ можетъ быть прочтено въ качествѣ свидѣтельскаго показанія, примѣняясь къ 626 ст. уст. угол. суд., притомъ все равно, скрылся ли подсудимый до или послѣ преданія его суду. Упомянутыя въ 629 ст. уст. документы, къ которымъ не принадлежатъ прошенія, составленныя самимъ предъявителемъ и не поданныя имъ своевременно по назначенію (рѣш. № 302), предъявленные на судъ подсудимымъ, могутъ быть читаны не только въ случаѣ большей или меньшей

связи съ объясненіями подсудимаго, но и для опроверженія свидѣтельскаго показанія (рѣш. № 681).

630 ст., какъ извѣстно, опредѣляетъ, какими правами пользуются стороны на судѣ; относительно формы, въ которой сторона должна изъяснить свои требованія суду, въ рѣш. № 173 сказано, что судъ былъ въправѣ отказать защитнику въ просьбѣ его о прочтеніи протокола мирового судьи, какъ не указавшему ни основанія, ни цѣли его заявленія по этому предмету.

Дѣйствія, сопровождающія открытіе судебного засѣданія. Постановленіе о возможности или невозможности производства судебного слѣдствія безъ не явившихся свидѣтелей можетъ быть постановлено не иначе какъ по выслушаніи сторонъ (рѣш. № 342); постановленія эти должны быть основаны исключительно на существенности или несущественности показаній не явившихся свидѣтелей, а не на соображеніяхъ совершенно постороннихъ; нарушеніе сего правила существенное (рѣш. № 14); судъ можетъ не останавливать судебного засѣданія за неявкою вызванныхъ свидѣтелей лишь въ случаѣ, если признастъ показанія ихъ несущественными или если свидѣтели не явились по одной изъ законныхъ причинъ (388 и 624 ст.); нарушеніе этого правила, какъ извѣстно, тоже считается существеннымъ (рѣш. № 364, 456 и др.); если судъ въ опредѣленіи своемъ не объяснилъ, какое значеніе придаетъ показанію не явившихся свидѣтелей, но нашелъ необходимымъ прочтеніе этихъ показаній, то желая не признать, что судъ придавалъ этимъ показаніямъ существенную важность (рѣш. № 364). 645 ст. уст. угол. суд., устанавливая общее правило о предупрежденіи стачекъ между свидѣтелями, цѣль котораго, какъ уже неоднократно разъяснено, состоитъ въ томъ, чтобы свидѣтели допрошенные не могли входить въ сношенія съ свидѣтелями недопрошенными и передавать имъ о происходившемъ на судѣ, не обязываетъ председателя ни объявлять сторонамъ, какія именно мѣры будутъ приняты имъ въ данномъ случаѣ, ни предлагать эти мѣры на ихъ обсужденіе, а предоставляетъ ему дѣйствовать въ этомъ отношеніи по своему усмотрѣнію, сообразно условіямъ времени, мѣста и т. п., стороны же имѣютъ право о каждомъ дошед-

пнемъ до нихъ свидѣіиіи нарушеніи 645 ст. требовать разслѣдованія и указывать въ кассационныхъ жалобахъ и протестахъ (рѣш. № 654). То обстоятельство, что свидѣтели во время перерыва засѣданія входили въ сношенія съ посторонними лицами, хотя и указываетъ, что принятыя предсѣдателемъ суда на основ. 645 ст. мѣры относительно свидѣтелей не были вполне достаточны, не можетъ служить поводомъ къ отмене приговора, если допросъ свидѣтелей начался лишь послѣ этого случая (рѣш. № 118). Наконецъ, хотя помѣщеніе приведенныхъ къ присягѣ и ожидавшихъ призыва къ допросу свидѣтелей не въ особой комнатѣ, а въ образованномъ полотняною перегородкою отдѣленіи той же самой залы, гдѣ происходило засѣданіе, и составляетъ нарушение 645 ст. уст. угол. суд., но въ виду того, что помѣщеніе такимъ образомъ свидѣтелей было вызвано крайнею необходимостью, ибо по многочисленности подсудимыхъ и свидѣтелей по самому дѣлу засѣданіе по оному не могло происходить въ аданіи суда; что означенное помѣщеніе для свидѣтелей было устроено въ концѣ залы длиною въ 17 саж., противуположнымъ тому отдѣленію окой, гдѣ происходило засѣданіе; что предсѣдателемъ были приняты мѣры для предупрежденія возможности сношеній между свидѣтелями допрошенными и недопрошенными, а стороны во время засѣданія не заявляли, чтобы эти мѣры были недостаточны или недействительны, и что о сношеніяхъ и ставѣ недопрошенныхъ свидѣтелей съ допрошенными и гражданскими истцами подсудимые заявили въ первый разъ въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ ими на протоколѣ судебнаго засѣданія, постановленіемъ суда опровергаемыхъ, и въ своихъ кассационныхъ жалобахъ и притомъ совершенно голословно, то означенное нарушение 645 ст. не можетъ быть признано существеннымъ (рѣш. № 456).

Отводы присяжныхъ заседателей допускаются только до составленія присутствія (рѣш. №№ 10, 468, 399), какъ это было признано сенатомъ и прежде; интересъ случай, разрѣшенный въ рѣш. № 468. Въ засѣданіи курскаго суда отъ 18-го мая по замѣчанію товарища прокурора о томъ, что присяжный

засѣдатель Ильинъ вѣроятно не хорошо слышитъ, послѣдній заявилъ, что онъ дня 3 или 4 тому назадъ сталъ не совсѣмъ хорошо слышать; при врачебномъ освидѣтельствованіи Ильинъ объяснилъ, что страдаетъ тупостью слуха около 10 лѣтъ и передъ дурною погодою слухъ его болѣе притупляется; врачъ призналъ, что Ильинъ одержимъ значительною тупостью слуха. Поэтому за нарушеніемъ 5 п. 82 ст. учр. суд. уст. товарищъ прокурора просилъ отмѣнить рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей отъ 14-го марта. Сенатъ однако оставилъ это ходатайство безъ послѣдствій, ссылаясь на то, что отводъ противъ Ильина заявленъ несвоевременно и что того, что Ильинъ слышалъ дурно въ засѣданіи 14-го марта, судомъ и товарищемъ прокурора замѣчено не было, и самимъ Ильинымъ не заявлено.

Что же касается до самаго способа составленія присутствій присяжныхъ засѣдателей, то сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ, потому что, при выборѣ ихъ, билеты съ именами присяжныхъ были дѣйствительно положены не въ ящикъ, а въ ялпу, между тѣмъ какъ законъ, въ виду гарантіи безпристрастнаго выбора присяжныхъ, ставитъ необходимымъ условіемъ, чтобы билеты эти владись въ ящикъ и перемѣшались, чѣмъ очевидно устраняется всякая возможность вліянія суда на выборъ присяжныхъ, и выборъ ставится въ зависимость единственно отъ случая, чего не можетъ быть вполнѣ достигнуто, если билеты съ именами присяжныхъ будутъ опущены въ такое открытое помѣщеніе, какимъ представляется ялпа (рѣш. № 875). Въ рѣшеніи № 423 сказано, что по сему дѣлу хотя требованіе 659 ст. не было соблюдено въ точности, ибо билеты съ именами присяжныхъ были опущены не въ ящикъ, а въ стеклянную урну; но эти билеты до вынутія ихъ и провозглашенія именъ выбранныхъ присяжныхъ не находились открытыми, а брались закрытыми изъ сосуда около восьми вершковъ глубиною, притомъ покрытаго внутри густымъ слоемъ черной краски; слѣдовательно, написанныя на билетахъ имена не могли быть видны снаружы; какъ поэтому, такъ и въ виду того, что относительно вышеописаннаго способа составленія присутствій присяжныхъ со стороны касаторовъ никакихъ за-

явленій сдѣлано не было, жалоба не заслуживаетъ уваженія. Наконецъ, въ рѣш. № 396 признано, что 659 и 660 ст. въ видахъ сохраненія въ тайнѣ именъ, отведенныхъ сторонами присяжныхъ, не требуетъ объявленія именъ выбранныхъ. Участіе запасныхъ присяжныхъ при выборѣ старшины можетъ быть признано существеннымъ нарушеніемъ только въ случаѣ избранія старшины изъ числа запасныхъ (рѣш. № 495).

О неграмотности старшинъ присяжныхъ говорится въ р. № 360; подсудимый жаловался на то, что старшина не могъ прочесть вопросы, что происходило отъ неумѣнья читать писанное, какъ это видно изъ редакціи отвѣтовъ и сдѣланныхъ въ нихъ ошибокъ; изъ протокола же судебного засѣданія видно, что старшина изъ слабости зрѣнія нѣкоторые словъ въ вопросахъ не разбиралъ, а нѣкоторые слова при ошибочномъ ихъ произношеніи поправлялъ председатель, саміе же отвѣты присяжныхъ старшина произносилъ внятно и безъ ошибокъ. Въ виду сихъ обстоятельствъ сенатъ нашелъ, что старшина Труновъ, какъ умѣющій читать и писать, не можетъ быть причисленъ къ лицамъ неграмотнымъ, которые согл. 670 ст. уст. упол. суд. не могутъ быть избираемы старшиною присяжныхъ засѣдателей; что слабость зрѣнія не принадлежитъ въ числу тѣхъ физическихъ недостатковъ, которые по 5 п. 82 ст. уст. суд. устан. служатъ препятствіемъ быть присяжнымъ засѣдателемъ, что ни защитникъ подсудимыхъ, ни они сами не указываютъ, чтобы этотъ недостатокъ, а также объясняемая ими неграмотность Трунова имѣла какія нибудь вредныя послѣдствія, и что нѣтъ никакого основанія предполагать, что Труновъ принялъ на себя исполненіе обязанностей, которыхъ не могъ исполнить, — и потому оставилъ жалобу подсудимаго безъ послѣдствій. Относительно вопроса о *отношеніяхъ присяжныхъ засѣдателей съ посторонними лицами* во время засѣданій (ст. 675) заслуживаетъ вниманія р. № 375. Изъ объясненія суда на протоколъ видно, что во время перерыва засѣданія присяжные изъ своей комнаты отправлялись съ особымъ благонадежнымъ полицейскимъ служителемъ черезъ корридоръ и дворъ въ отхожее мѣсто, ходили они не болѣе

какъ по 2 или 3 человека вмѣстѣ. Предсѣдательствующій, независимо даннаго имъ предостереженія полицейскому лицу, лично наблюдая за присяжными, замѣтилъ, что во время прохода присяжныхъ черезъ корридоръ подсудимый Степановъ желалъ что-то сказать проходившимъ присяжнымъ, но былъ остановленъ предсѣдательствующимъ; изъ прочихъ же лицъ никто съ проходившими присяжными не разговаривалъ; подсудимый же Степановъ объяснилъ въ своей жалобѣ, что присяжные имѣли сношенія съ потерпѣвшимъ и съ свидѣтелями; такимъ образомъ, говорить сенатъ, жалоба Степанова, если не подтверждается вполне, то во всякомъ случаѣ изъ самаго объясненія суда нельзя не видѣть, что присяжные по нѣсколькимъ человекъ проходили чрезъ корридоръ и дворъ, гдѣ находились и постороннія лица, съ которыми они могли приходить въ столкновение. Хотя судъ и удостовѣряетъ, что присяжные засѣдателями не приходили ни съ кѣмъ изъ постороннихъ лицъ въ такое столкновение, но этотъ выводъ сдѣланъ лишь изъ того, что предсѣдатель разъ замѣтилъ, что Степановъ хотѣлъ сообщить что-то присяжнымъ, и потому вовсе не убѣждаетъ въ томъ, что присяжные вообще не входили въ столкновение съ посторонними лицами. Поэтому сенатъ признаетъ, что нарушение 675 ст. въ данномъ случаѣ существенное.

Порядокъ производства судебного слѣдствія.

Требованіе предсѣдателемъ отъ подсудимаго, вслѣдствіе ходатайства товарища прокурора, объясненія относительно разногласія въ показаніи, данномъ имъ при предварительномъ слѣдствіи, съ показаніями на судѣ свидѣтелей есть отступленіе отъ порядка установленнаго 626, 679 и 684 ст. уст. угол. суд.; но нарушение этихъ статей не представляется существеннымъ, если предсѣдатель, предлагая подсудимому дать объясненіе, вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ его, что онъ имѣетъ право не отвѣчать на оное, и въ заключительной рѣчи своей объяснилъ присяжнымъ, что при постановленіи рѣшенія они

не должны принимать означенное заявление товарища прокурора во внимание, и, наконец, защитникъ возразилъ не въ свое время (р. № 212). Признание подсудимаго хотя и даетъ поводъ къ непроизводству судебного слѣдствія, если оно не возбуждаетъ никакого сомнѣнія и если ни присяжные, ни прокуроръ, ни участвующіе въ дѣлѣ лица не потребуютъ судебного изслѣдованія (681 и 682 ст.), но не предоставляетъ суду права допустить одну и устранить другую часть тѣхъ доказательствъ, которыя были указаны сторонами въ установленномъ порядкѣ до открытія судебного засѣданія; напротивъ того, 682 ст. не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что если будетъ признано необходимымъ произвести слѣдствіе несмотря на признание подсудимыхъ, то въ такомъ случаѣ судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію и повѣркѣ доказательствъ не иначе, какъ соблюдая притомъ всѣ тѣ правила, которыя указаны въ послѣдующихъ статьяхъ той же 7-й главы; даже то обстоятельство, что свидѣтели были вызваны лишь по просьбѣ той самой стороны, которая впоследствии ходатайствовала объ увольненіи ихъ, не можетъ служить основаніемъ къ этому, ибо нигдѣ въ законѣ не указано, чтобы подобное право было предоставлено сторонамъ (р. № 457).

Прочтеніе документовъ. Согласно 687 ст. могутъ быть прочитываемы на судѣ не только акты, прямо въ ней указанные, но вообще всѣ тѣ документы, содержаніе которыхъ не можетъ быть сдѣлано извѣстнымъ суду и присяжнымъ путемъ свидѣтельскихъ показаній (р. № 585); дажѣ, въ рѣш. № 302 сказано, что прочтеніе по требованію одной изъ сторонъ документа, истребованнаго въ дѣлу судебнымъ слѣдователемъ во время производства предварительнаго слѣдствія, не противорѣчитъ точному смыслу 687 ст. Въ частности можетъ быть читана представленная подсудимымъ судебному слѣдователю записка, въ которой изложены обстоятельства того преступнаго дѣянія, въ совершеніи котораго обвиняется подсудимый, ибо способъ полученія слѣдователемъ вещественнаго или письменнаго доказательства, т. е. добыто ли оно чрезъ обыскъ или инымъ законнымъ путемъ, не можетъ имѣть вліянія на значеніе этого

доказательства, и потому и представленная самим подсудимым записка, какъ служащая къ разъясненію обстоятельствъ дѣла, должна быть признана письменнымъ доказательствомъ и потому, на основ. 687 ст., подлежить прочтенію на судебномъ слѣдствіи (р. № 252). По тѣмъ же основаніямъ, какъ письменное доказательство, и можетъ быть читана записка подсудимаго къ одному изъ свидѣтелей (р. № 410). Наконецъ, въ рѣш. № 626 сказано, что если въ обвинительномъ актѣ приведены какія либо бумаги въ числѣ основаній къ обвиненію подсудимыхъ и бумаги эти приобщены въ дѣлу, какъ письменные документы, могущіе служить подтвержденіемъ обвиненія и подлежащіе по требованію сторонъ или по усмотренію суда предъявленію суду и повѣрѣ имъ въ порядкѣ, установленномъ для разсмотрѣнія доказательствъ, собранныхъ какъ противъ, такъ и въ пользу подсудимыхъ, — то разрѣшеніе судомъ прокурору ссылаться на эти документы, предъявленные присяжнымъ заседателямъ, представляется исполнѣ правильнымъ.

Соподушіе люди. Повѣрка актовъ предварительнаго слѣдствія объ освидѣтельствованіяхъ и т. д. зависитъ исполнѣ отъ усмотрѣнія суда; потому, если подсудимый былъ освидѣтельствованъ въ порядкѣ, указанномъ 355 ст., то судъ, рассматривая впослѣдствіи дѣло о немъ въ судебномъ засѣданіи, обязанъ произвести новое освидѣтельствованіе лишь тогда, когда признаетъ произведенное уже экспертами и заключеніе ихъ о состояніи подсудимаго во время совершенія имъ преступленія недостаточными (рѣш. № 283). Прочтеніе на судебномъ слѣдствіи показаній, данныхъ экспертами при предварительномъ слѣдствіи, согласно прежнимъ разъясненіямъ сената можетъ быть допущено (рѣш. № 197), въ особенности въ присутствіи тѣхъ экспертовъ, которыми была произведена экспертиза при предварительномъ слѣдствіи, но какъ прочтеніе таковыхъ показаній только можетъ быть допущено судомъ и на основаніи закона для суда необязательно, то отказъ суда въ прочтеніи ихъ не можетъ служить поводомъ къ отгнѣнѣ рѣшенія (рѣш. № 453). Приводъ экспертовъ къ присягѣ обязателенъ; но до-

просъ эксперта безъ присяги не можетъ считаться существеннымъ нарушеніемъ, если кассаторъ сдѣлалъ заявленіе о томъ, что экспертъ не приведенъ къ присягѣ не своевременно, а лишь по объявленіи приговора (рѣш. № 519). Не можетъ быть предметомъ экспертизы толкованіе законовъ (рѣш. № 72).

Вещественныя доказательства. Письма или письменные документы, приобщенные къ предварительному слѣдствію, въ такомъ только случаѣ могутъ считаться вещественными доказательствами, прочтеніе которыхъ можно требовать на судѣ, если относительно ихъ соблюдены были правила ст. 371 уст. угол. суд., или сдѣлана ссылка въ обвинительномъ актѣ (рѣш. № 656). Если подсудимый при предварительномъ слѣдствіи не сослался на письменныя доказательства, и они не составляли вещественныхъ доказательствъ преступленія, приобщаемыхъ къ дѣлу по требованію самаго закона (371 и 372 ст.), то впослѣдствіи во время приговорительныхъ къ судебному засѣданію распоряженій онъ можетъ просить объ истребованіи этихъ документовъ къ дѣлу лишь въ томъ случаѣ, если они представляются вновь открывшимися доказательствами по дѣлу (рѣш. № 83). Непредъявленіе вещественнаго доказательства есть весьма существенное нарушеніе 696 ст. уст. угол. суд., но оно не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ приговора, если оно вслѣдствіе опущенія слѣдователя не можетъ быть восстановлено при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла (рѣш. № 47). Показанія подсудимыхъ, данныя ими при производствѣ другаго дѣла въ качествѣ свидѣтелей, которыя, по признаніи ихъ ложными, послужили основаніемъ къ преданію подсудимыхъ суду собственно за ложныя показанія, составляютъ по сему послѣднему дѣлу письменное доказательство, приложенное къ дѣлу въ числѣ вещественныхъ доказательствъ къ обвиненію подсудимыхъ, которое, какъ могущее послужить къ разъясненію обстоятельствъ дѣла, подлежитъ прочтенію на судебномъ слѣдствіи; отказъ же въ прочтеніи этихъ показаній есть существенное нарушеніе, имѣющее послѣдствіемъ отмену рѣшенія (рѣш. № 112).

Порядокъ допроса свидѣтелей. Изъ прямого смысла 702

и 703 ст. уст. слѣдуетъ, что свидѣтели предварительно допрашиваются о такихъ отношеніяхъ своихъ къ подсудимымъ, которыя могутъ по закону служить основаніемъ предъявляемыхъ отводовъ противъ свидѣтелей потому неправильно спросить свидѣтелей, состоятъ ли они должными подсудимому, ибо и при утвердительномъ отвѣтѣ свидѣтелей подобное отношеніе ихъ къ подсудимому не можетъ составлять причины, по которой законъ допускаетъ выраженіе недовѣрія къ правдивости свидѣтельскихъ показаній (рѣш. № 668). Допросъ повѣреннаго гражданскаго истца въ качествѣ свидѣтеля есть существенное нарушеніе 709 ст. (рѣш. № 105); но съ другой стороны, исключеніе судомъ изъ числа свидѣтелей лица, указаннаго въ спискѣ, утвержденномъ судебною палатою безъ выслушанія заключенія прокурорской власти, требовавшей вызова этого свидѣтеля, основанное лишь на заявленіи свидѣтеля, что онъ повѣренный гражданскаго истца, находится въ явномъ противорѣчіи съ 573 ст. и не соотвѣтствуетъ точному смыслу 709 ст. и, слѣдовательно, тоже ведетъ къ отмѣнѣ рѣшенія (рѣш. № 340).

Приводъ свидѣтелей изъ иудействующихъ (караимовъ) къ присягѣ предсѣдателемъ вполне согласенъ съ правиломъ, означеннымъ въ 715 ст. (рѣш. № 72). По смыслу 715 ст. предсѣдателю разрѣшается приводить къ присягѣ лицъ иновѣрныхъ исповѣданій не только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ городѣ, или иной мѣстности, гдѣ присутствуетъ судъ, нѣтъ духовнаго лица вѣроисповѣданія, исповѣдуемаго свидѣтелемъ, но вообще во всѣхъ случаяхъ, когда такого лица нѣтъ въ замѣнъ суда; изъ этого правила не сдѣлано исключенія для евреевъ (рѣш. № 375).

Недѣланіе предсѣдательствующимъ свидѣтелю, спрошенному безъ присяги, напоминанія говорить одну только правду (717 ст.) не есть существенное нарушеніе, если подсудимый сознался въ введенномъ на него преступленіи, и свидѣтель былъ спрошенъ не потому, чтобы признаніе подсудимаго возбудило какое либо сомнѣніе, и если никакихъ замѣчаній относительно противорѣчія или лживости въ показаніяхъ свидѣтеля не заявлено (рѣш. № 411). Несоблюденіе требованій 718 ст., т.-е. не-

напоминание свидетелю не примѣшивать къ своему показанію обстоятельствъ постороннихъ и не давать показанія по слухамъ, тоже не составляетъ существеннаго нарушенія, если свидетель о постороннихъ обстоятельствахъ не говорилъ, и ни на судѣ, ни въ своей жалобѣ кассаторъ не указывалъ на то, чтобы свидетель показывалъ по слухамъ или примѣшивалъ въ своемъ показаніи постороннія обстоятельства (тоже рѣш.); въ рѣшеніи же № 318 сказано, что если предсѣдательствующій сдѣлать внушеніе свидетелямъ показать одну правду и что имъ самимъ извѣстно по дѣлу, но не сказалъ при этомъ, что свидетели не должны повторять слуховъ, неизвѣстно отъ кого исходящихъ, то одно упущеніе этихъ словъ не составляетъ нарушенія 718 ст.

Если предсѣдательствующій при началѣ допроса предложилъ свидетелю разсказать все извѣстное ему по дѣлу, а свидетель заявилъ, что ему ничего неизвѣстно, то въ случаѣ предложенія ему предсѣдательствующимъ нѣсколькихъ вопросовъ относительно обстоятельствъ, о которыхъ онъ вызванъ былъ давать показанія, нельзя признавать, чтобы предсѣдательствующій допрашивалъ свидетеля по обстоятельствамъ дѣла, а скорѣе слѣдуетъ признавать, что онъ предложилъ свидетелю нѣсколько вопросовъ съ цѣлью навести его или напомнить ему предметъ, о которомъ свидетель призванъ давать показанія, а такое обращеніе къ свидетелю со стороны предсѣдательствующаго нельзя признавать нарушеніемъ правъ сторонъ, указанныхъ въ 719 ст. уст. угол. суд. (рѣш. № 524).

По вопросу о томъ: *о чемъ могутъ быть спрашиваемы свидетели* сенатъ призналъ, что нѣтъ закона, который бы предоставлялъ сторонамъ, при отсутствіи допускаемыхъ ст. 704 и слѣд. уст. угол. суд. причинъ въ отводу свидетелей, опоро-чивать ихъ на судѣ разспросами о личныхъ качествахъ ихъ и событіяхъ минувшей ихъ жизни, подъ предлогомъ оцѣнки достовѣрности представляемыхъ ими показаній, ибо за силою ст. 718 и 719 уст. угол. суд. вызванные въ судѣ свидетели обязаны излагать въ своихъ показаніяхъ только то, что имъ извѣстно по данному дѣлу, и стороны могутъ предлагать сви-
дѣтелямъ дополнительные вопросы также по тѣмъ только пред-

метамъ показаній ихъ, которые относятся до событія судимаго преступленія (рѣш. № 372). Далѣе, въ рѣш. № 718 сказано, что судъ, не удовлетворивъ просьбы подсудимаго о вызовѣ свидѣтеля по несущественности обстоятельствъ, для разъясненія коихъ подсудимый указывалъ на этого свидѣтеля, не имѣетъ не только основанія, но и права воспрепятствовать прокурору предлагать вопросы по тѣмъ же обстоятельствамъ, относящимся къ дѣлу, такимъ свидѣтелямъ, которые были вызваны въ законномъ порядкѣ, хотя бы эти обстоятельства, по мнѣнію суда, и не имѣли существеннаго значенія, ибо свидѣтелямъ, явившимся въ судъ, могутъ быть предложены всѣ вопросы, относящіеся до разсматриваемаго дѣла, и единственное ограниченіе указано лишь въ 722 ст. По дѣламъ, предусмотрѣннымъ во 2 п. 994 ст. улож., свидѣтелямъ могутъ быть предложены вопросы о легкомъ поведеніи матери ребенка въ продолженіи того времени, когда, по показанію ея, она находилась въ противозаконномъ сожитіи съ обвиняемымъ (рѣш. № 733). Хотя свидѣтелямъ не должны быть предлагаемы вопросы, касающіеся къ передачѣ присяжнымъ сущности показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, но частное лицо, присутствовавшее при допросѣ подсудимаго у судебного слѣдователя, можетъ быть спрошено о томъ, какъ давалъ показанія подсудимый; впрочемъ, законъ разрѣшаетъ и полицейскимъ чинамъ и слѣдователю давать показанія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ допросъ подсудимаго (рѣш. № 268); потому судебный слѣдователь можетъ быть допрошенъ объ обстоятельствахъ, относившихся до внѣшняго вліянія на свидѣтелей при производствѣ ихъ предварительнаго слѣдствія; но если основаніемъ показаній слѣдователя служили протоколы предварительнаго слѣдствія, составленные согл. 467 и 475 ст. уст. угол. суд., то стороны не могутъ быть лишены права, примѣняясь къ ст. 627 и 690, просить о прочтеніи тѣхъ изъ сихъ протоколовъ, содержаніе которыхъ по мнѣнію ихъ разнорѣчить съ удостовѣреніями слѣдователя на судѣ; во всякомъ случаѣ слѣдователь не вправе касаться въ объясненіяхъ своихъ показанія, даннаго свидѣтелями на предварительномъ слѣдствіи по существу разсматри-

заемаго дѣла, и передавать на судъ эти показанія (рѣш. № 668). Лица, производившія дознаніе по дѣлу, допускаются въ общемъ порядкѣ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, хотя бы дознаніе было секретное (рѣш. № 326); разрѣшеніе, данное судомъ свидѣтелю разсмотрѣть составленный имъ по должности исправника актъ дознанія, есть нарушение 716 и 725 ст., но нарушение это не можетъ быть поводомъ къ отмѣнѣ приговора, ибо, съ одной стороны, оно уже не можетъ быть исправлено и при новомъ разсмотрѣніи дѣла, а, съ другой стороны, подсудимый и защитникъ его имѣли возможность возразить противъ объясненій, данныхъ свидѣтелями (рѣш. № 289). Допросъ свидѣтелей, о вызовѣ конхъ подсудимый не былъ увѣдомленъ, не составляетъ существеннаго нарушения, если подсудимый ни при повѣркѣ списка свидѣтелей, ни впослѣдствіи во время судебного слѣдствія не заявлялъ, что подобное представленіе новыхъ доказательствъ стѣсняетъ его въ защитѣ, и не просилъ объ отсрочкѣ засѣданія (рѣш. № 436).

Свидѣтели допрошенные могутъ быть отпущены домой для ночлега (рѣш. № 47) и во время перерывовъ, съ тѣмъ только, чтобы они не входили въ сношенія съ недопрошенными (рѣш. № 654).

Судебныя претія. Указаніе обвинителемъ въ обвинительной рѣчи на такія обстоятельства, которые не относятся къ дѣлу (напр., на то, что производилось другое дѣло о подсудимомъ по обвиненію его въ такомъ же или подобномъ проступкѣ) и не были предметомъ судебного слѣдствія, хотя и составляетъ нарушение (737 и 739 ст. уст. угол. суд.), но, однако, не можетъ быть поводомъ отмѣны приговора (рѣш. № 311 и 425).

О порядкѣ постановленія и объявленія приговоровъ.

Постановка вопросовъ. Такъ какъ присяжные засѣдатели призываются въ судъ единственно для разрѣшенія *вопросовъ о виновности*, то имъ не можетъ быть предложенъ вопросъ о

правъ собственности на недвижимое имущество (рѣш. № 26); вопросъ о томъ, была ли украденная книга употребляема при богослуженіи, можетъ быть предложенъ присяжнымъ, потому что въ этомъ вопросѣ заключаются лишь тѣ фактическіе признаки, которые должны служить основаніемъ для разрѣшенія вопроса о принадлежности предмета къ церковному имуществу (рѣш. № 117). Отказъ сторонамъ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса, вытекающаго изъ судебного слѣдствія и преній, есть существенное нарушение 751 ст. (рѣш. № 723); если судебное слѣдствіе не производилось или оно представляло только то, что заключалъ въ себѣ основанный на предварительномъ слѣдствіи обвинительный актъ, то основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить вытекающіе изъ обвинительнаго акта выводы; но законъ вовсе не требуетъ, чтобы судъ въ семъ случаѣ излагалъ вопросы непременно по тѣмъ признакамъ, которые указаны въ законѣ, приведенномъ въ обвинительномъ актѣ, если оказывается, что преступное дѣяніе подсудимаго, выведенное по обвинительному акту, не подходитъ подъ дѣйствіе означеннаго закона; поэтому, если, напр., по выводамъ обвинительнаго акта и судебного слѣдствія не оказывалось, чтобы причиненные подсудимыми потерпѣвшему побой, имѣвшіе послѣдствіемъ увѣчье его, угрожали опасностью жизни, но судъ нашелъ нужнымъ помѣстить это обстоятельство въ вопросахъ, предложенныхъ присяжнымъ, собственно на томъ основаніи, что обстоятельство сіе составляетъ существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго въ законѣ, указанномъ въ обвинительномъ актѣ (1489 и 1490 ст. улож.), то подобная постановка вопроса есть существенное нарушение 751 ст. (рѣш. № 261). Если извѣстные факты, подавшіе поводъ къ уголовному преслѣдованію подсудимаго, включены были въ обвинительный актъ, какъ основанія къ обвиненію подсудимаго, то судъ можетъ при постановкѣ вопросовъ придать этимъ фактамъ другое значеніе, т.-е. признать самостоятельнымъ преступленіемъ такое дѣяніе подсудимаго, которое, по выводамъ обвинительнаго акта, признавалось придаточнымъ (рѣш. № 76). При рѣшеніи дѣлъ безъ

участія присяжныхъ засѣдателей судебнаго мѣста должны въ точности соблюдать правила, выраженные въ 751 и слѣд. ст. уст. угол. суд., т.-е. налагать въ вопросахъ всѣ тѣ факты, которые входятъ въ составъ обвиненія, и въ приговорахъ своихъ не выходить изъ предѣловъ обвиненія, причемъ всякое отступленіе отъ этого, т.-е. обвиненіе подсудимаго въ такихъ дѣяніяхъ, которыя не указаны въ вопросѣ, признается существеннымъ нарушеніемъ 762 ст. уст. угол. суд. (рѣш. № 96).

На основаніи 755 ст. уст. угол. суд., главный вопросъ о виновности подсудимаго долженъ заключать въ себѣ всѣ признаки того преступнаго дѣянія, въ которомъ онъ обвиняется; но соединеніе этихъ признаковъ въ одинъ вопросъ или раздробленіе ихъ на нѣсколько вопросовъ зависитъ отъ суда, который постановляетъ вопросы, вытекающіе изъ судебного слѣдствія и заключительныхъ преній (рѣш. № 318, 101); поэтому, отказъ суда въ выдѣленіи одного изъ существенныхъ признаковъ преступления въ особый вопросъ, «какъ требующій, для повѣрки, разсмотрѣнія существа дѣла, предметомъ кассационной жалобы быть не можетъ (рѣш. № 80) ¹⁾; знаніе подсудимыми поддѣлывателей или переводчиковъ фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, по обвиненію въ сбытѣ которыхъ они были преданы суду, составляетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ этого преступления (рѣш. № 80).

Для опредѣленія значенія «существенныхъ видовыхъ признаковъ» важно рѣш. № 231. Присяжнымъ были предложены, между прочимъ, вопросы: 1) виновенъ ли Кузьминъ въ кражѣ у Дунаевой, причемъ для совершенія оной оторвалъ запертое изнутри окно, и 2) виновенъ ли Санинъ въ томъ, что, не принимая участія въ кражѣ у Дунаевой чрезъ запертое окно имущества, но зная, какимъ способомъ совершена

¹⁾ Въ рѣш. № 8 сказано, что просьба подсудимаго о выдѣленіи вопроса о тяжести побоевъ не подлежала безусловному удовлетворенію, ибо тяжесть побоевъ по 1489 ст. входитъ въ составъ существенныхъ признаковъ преступления, предусмотрѣннаго этою статьей, а потому по 760 ст. подлежала выключенію въ вопросы.

та кража, принявъ отъ похитителей имущество Дунаевой. На вопросы эти присяжные отвѣтили, на 1-ый, «да, виновенъ, но не изъ запертаго извнутри окна квартиры», и на 2-ой, «да, виновенъ.» Судъ примѣнилъ къ Санину 2 ч. 1647, 121, 124 ст. улож. о нак.; на этотъ приговоръ Санинъ подалъ кассационную жалобу, въ которой объяснилъ, что онъ признанъ виновнымъ лишь въ укрывательствѣ простой кражи. Сенатъ нашелъ, что присяжные, признавъ обвиняемаго въ похищеніи вещей у Дунаевой виновнымъ въ совершеніи этой кражи не черезъ запертое окно, а укрывателя похищеннаго имущества Дунаевой въ знаніи о совершеніи этой кражи чрезъ запертое окно, допустили существенное отличіе въ способѣ совершенія этой кражи, отвергнувъ по отношенію къ лицамъ, непосредственно участвовавшимъ въ кражѣ, взломъ, составляющій существенный признакъ особаго вида похищенія, и допустивъ по отношенію къ не принимавшему непосредственнаго участія въ кражѣ существованіе этого признака преступленія, предусмотрѣннаго 1647 ст. Хотя присяжные въ рѣшеніи своемъ могутъ отвергать одинъ признакъ преступленія по отношенію къ лицу, непосредственно совершившему преступленіе, и признавать существованіе *этого признака, увеличивающаго вину*, по отношенію къ другимъ подсудимымъ, участвовавшимъ въ преступномъ дѣяніи; но въ данномъ случаѣ, по соображеніи предложенныхъ присяжнымъ вопросовъ о винѣ подсудимыхъ по настоящему дѣлу съ данными отвѣтами, не представляется въ рѣшеніи присяжныхъ ничего подобнаго ни въ отношеніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступное дѣяніе подсудныхъ, ни ~~также~~ *болѣе* въ отношеніи взлома, составляющаго въ кражахъ не особо увеличивающее вину обстоятельство, а особый *существенный видовой признакъ* тайнаго похищенія имущества. По точному смыслу вопроса о винѣ подсудимаго Санина, онъ обвинялся лишь въ укрывательствѣ имущества, похищеннаго у Дунаевой, зная способъ совершенія этой кражи, который приведенъ былъ судомъ, какъ въ предыдущихъ вопросахъ въ отношеніи лицъ, непосредственно совершившихъ эту кражу, такъ и въ первой части вопроса о Санинѣ; по смыслу же рѣшенія присяжныхъ

при кражѣ не было валома, а потому, обвиняя Санина въ знаніи о похищеніи имущества Дунаевой означеннымъ способомъ, присяжные признавали его виновнымъ въ укрывательствѣ простой кражи.

Вопросъ о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей подсудимаго можетъ быть предложенъ, хотя бы эксперты къ судебному засѣданію и не были вызваны, если только на судѣ былъ прочтенъ актъ освидѣтельствованія, составленный согласно 355 ст. уст. угол. суд. (рѣш. № 283).

Постановка вопроса въ слѣдующей редакціи: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, «слѣдуя вѣроученію спиритической ереси, осклонилъ себя отнятіемъ янцъ или дозволилъ сдѣлать надъ собою такое осклоненіе», составляетъ нарушение 756 ст., такъ какъ въ вопросѣ этомъ заключается два обстоятельства, изъ которыхъ одно можетъ быть разрѣшено утвердительно, другое отрицательно; но нарушение это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ каждое изъ этихъ обстоятельствъ въ отдѣльности составляло само по себѣ существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго 201 ст. улож. о нак. (рѣш. № 656). Неправильна далѣе слѣдующая редакція вопроса: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что умышленно нанесъ тяжкіе побои Давыдову съ переломомъ ему двухъ реберъ, и были ли эти побои опасны для жизни Давыдова», ибо хотя въ этомъ вопросѣ соединены лишь всѣ существенные признаки преступленія, но они изложены такъ, что каждый изъ нихъ требуетъ отдѣльнаго отвѣта. Если на подобный вопросъ послѣдовать отвѣтъ, «да, виновенъ», и судъ не обратилъ присяжныхъ къ новому совѣщанію для дополненія даннаго имъ отвѣта, то нарушение 756 ст. признается существеннымъ (рѣш. № 32).

757 ст. не считается нарушенною, если вопросъ былъ изложенъ въ такой редакціи, что изъ приведенныхъ фактическихъ данныхъ можно вывести заключеніе, какого рода было покушеніе, совершенное подсудимымъ, т.-е. остановился ли онъ по собственной волѣ или нѣтъ (рѣш. № 57). 760 ст. хотя и разрѣшаетъ употребленіе въ вопросахъ присяжнымъ

засѣдателямъ выраженій, упоминаемыхъ въ законѣ, если они не относятся къ юридическимъ терминамъ, но съ другой стороны и не запрещаетъ замѣны такихъ выраженій другими, болѣе доступными пониманію присяжныхъ, и потому замѣна выраженій въ запальчивости и раздраженіи выраженіемъ «въ страстномъ порывѣ» не можетъ быть признана нарушеніемъ 760 ст. (рѣш. № 268). Вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что умышленно лишилъ жизни крестьянина Оазонова, заключается въ себѣ нарушение 760 ст., которая не допускаетъ употребленія въ вопросѣ выраженія умышленно, такъ какъ слово это безъ сопоставленія его съ предумышленіемъ съ одной стороны, и съ неосторожностью съ другой, можетъ быть не вполне понято присяжными (рѣш. № 89). Слова «скопческая ересь», за разъясненіемъ ихъ экспертами изъ духовнаго звѣнія, являются въ вопросахъ не юридическимъ терминомъ, а вполне понятнымъ для присяжныхъ выраженіемъ (рѣш. № 314).

Постановленіе приговора съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Уподобленія и сопоставленія, сдѣланныя предсѣдателемъ въ своей заключительной рѣчи въ присяжнымъ, не основанныя на обстоятельствахъ дѣла и имѣющія источникомъ его личный взглядъ и убѣжденіе, или употребленіе выраженій, обнаруживающихъ личное мнѣніе предсѣдателя (напр., что мельница сгорѣла отъ поджога, а не отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, о чемъ достаточно свидѣлствуетъ показаніе свидѣтеля), не могутъ быть признаны достаточнымъ поводомъ для отмѣны рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, если имъ объяснено было мнѣніе съ тѣмъ содержаніемъ 803 и 804 ст. уст. (рѣш. № 126 и 372). Необъясненіе присяжнымъ, что они имѣютъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, и неправильное разъясненіе присяжнымъ способа разрѣшенія имъ предложенныхъ вопросовъ есть существенное нарушеніе (рѣш. № 411 и 560). Но необъясненіе

присяжнымъ права, предоставленнаго имъ 812 ст. уст. угол. суд., не можетъ быть признано достаточнымъ поводомъ къ отъинѣ рѣшенія присяжныхъ (рѣш. № 636).

Вслѣдствіе просьбы присяжныхъ засѣдатель предсѣдательствующій можетъ вновь произвести допросъ подсудимому и послѣ произнесенія имъ заключительной рѣчи; но въ такомъ случаѣ послѣ отвѣта подсудимаго не можетъ быть отказано сторонамъ въ представленіи объясненій какъ относительно вопросовъ, предложенныхъ подсудимому, такъ и данныхъ имъ по этому поводу отвѣтовъ (р. № 523). Разрѣшеніе присяжнымъ засѣдателямъ взять съ собою въ совѣщательную комнату составленный судебнымъ слѣдователемъ чертежъ мѣстности, имѣющійся въ дѣлѣ, составляетъ существенное нарушеніе 805 ст. уст. угол. суд., ибо подобный чертежъ не можетъ не быть отнесенъ къ числу актовъ письменнаго производства, такъ какъ составляетъ дополненіе къ протоколу судебного слѣдователя (р. № 44). Согл. 811 ст. уст., рѣшеніе важнаго вопроса должно состоять изъ утвердительнаго «да», или отрицательнаго «нѣтъ», съ присовокупленіемъ того слова, въ которомъ заключается сущность отвѣта. Поэтому отвѣтъ: «рѣшить не можемъ», если судъ не обратилъ присяжныхъ въ новому совѣщанію, есть существенное нарушеніе 811 ст. (р. № 429); но отвѣтъ: «по сему предварительному слѣдствію постановилъ старшина съ присяжными засѣдателями со всѣми лицами въ участіи виновнымъ», хотя и не согласенъ съ формою, указанною въ 811 ст., не можетъ быть признанъ существеннымъ нарушеніемъ этой статьи, ибо изъ отвѣта вполне ясно, что подсудимый по рѣшенію присяжныхъ признанъ виновнымъ во введенномъ на него преступленіи (р. № 669). Хотя 812 ст. и разрѣшаетъ присяжнымъ засѣдателямъ ограничивать утвердительный отвѣтъ отрицаніемъ тѣхъ или другихъ изъ обстоятельствъ, входящихъ въ составъ вопроса, но это право ихъ не можетъ быть примѣняемо въ тѣхъ случаяхъ, когда они не признаютъ въ дѣяніи подсудимаго обстоятельствъ, отсутствіе которыхъ колеблетъ самое основаніе обвиненія, такъ какъ очевидно, что при отрицаніи ихъ окончательно упадетъ обвиненіе, ибо никто не можетъ

быть признанъ виновнымъ въ преступленіи, если дѣяніе его, по всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ признакамъ не совмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ элементовъ, обусловливающихъ преступность дѣянія и наказуемость его (р. № 89 и 724); поэтому, напр., на вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что въ запальчивости и раздраженіи, но однакожь и не случайно, а съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія толкнулъ потерпѣвшаго кнутовищемъ такъ сильно въ лѣвый глазъ, что повредилъ оный, вслѣдствіе чего потерпѣвшій лишился зрѣнія на лѣвый глазъ, какимъ образомъ подсудимый причинилъ потерпѣвшему умыленно тяжкое увѣще», — присяжные не выравъ отвѣтить, «да, виновенъ, но не съ умысломъ нанести ему увѣще» (р. № 724). Наконецъ, въ томъ случаѣ, если подсудимый преданъ суду въ особомъ порядкѣ, установленномъ для преступленій по должности, присяжные не могутъ выдѣлать изъ общаго вопроса о виновности того признака, который именно указываетъ на то, что подсудимый совершилъ преступленіе по должности, а должны признавать подсудимаго или оправданнымъ или виновнымъ въ преступленіи по должности (р. № 344). Если же присяжные даютъ отвѣты несогласные съ изложенными здѣсь правилами, то судъ обязанъ ихъ возвратитъ для новаго обсужденія и разрѣшенія вопросовъ (тоже рѣш.). Вообще, какъ это объяснено сенатомъ неоднократно, возвращеніе присяжныхъ засѣдателей къ новому совѣщанію обязательно для суда при неясности или противорѣчій отвѣтовъ на предложенные вопросы (р. 28, 371, 462); возвращеніе присяжныхъ и разъясненіе имъ предложенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которые они могутъ дать, должно исходить отъ самаго суда, который обязанъ постановить особое по сему предмету опредѣленіе, объявить его присяжнымъ въ засѣданіи суда въ присутствіи подсудимаго и внести оное въ протоколъ судебного засѣданія съ изложеніемъ принятыхъ къ тому оснований; несоблюденіе этого порядка и предоставленіе судомъ председательствующему дать эти объясненія лично отъ себя есть существенное нарушеніе (р. № 339). Въ частности, судъ обязанъ возвратитъ присяжныхъ къ новому совѣщанію (кромя указанныхъ выше

случаевъ): 1) если на вопросъ: «дѣйствовали ли подсудимый съ полнымъ разумѣніемъ», послѣдовалъ отвѣтъ «безъ разумѣнія» (р. № 28); 2) если къ отвѣту, «да, виновенъ», прибавлено опредѣленіе о томъ, къ какому роду преступленій относятся тѣ противозаконныя дѣйствія, въ совершеніи коихъ присяжные признали виновнымъ подсудимаго (р. № 387); 3) если вопросъ, требующій отвѣта, оставленъ безъ отвѣта (р. № 462).

Присужденіе гражданскаго иска. Если лица, участвовавшія въ самомъ совершеніи преступленія, неизвѣстны или не отысканы, то гражданская отвѣтственность, т. е. обязанность вознаградить потерпѣвшее лицо, на точномъ основ. 652 ст. X т. ч. 1 св. законовъ, падаетъ на укрывателей; поэтому, если въ подобномъ случаѣ гражданскій искъ предъявленъ въ уголовномъ судѣ своевременно, то судъ не имѣетъ права устранить себя отъ разрѣшенія сего иска (№ 207). Хотя въ уст. угол. суд. и не установлено какихъ либо формальныхъ доказательствъ для признанія цѣны гражданскаго иска, требуемой истцомъ, правильною, и судъ въ этихъ случаяхъ принимаетъ во вниманіе всѣ открывшіяся обстоятельства, а также и показанія потерпѣвшаго, но тѣмъ не менѣе суду не можетъ быть предоставлено право произвольно опредѣлять вознагражденіе, безъ приведенія къ тому какихъ либо основаній (р. № 445).

Объявленіе приговора. 832 ст. уст. угол. суд. къ числу упомянутыхъ въ ней участвующихъ въ дѣлѣ лицъ не относитъ лицъ прокурорскаго надзора и не можетъ предполагать необходимости въ объясненіи послѣднимъ со стороны суда правилъ обжалованія судебныхъ приговоровъ; поэтому не только въ томъ случаѣ, когда членъ суда вовсе не исполнилъ требованія ст. 832, но даже и въ томъ, когда бы онъ ошибочно указалъ въ своемъ объясненіи срокъ или порядокъ обжалованія судебного приговора, эта ошибка члена суда не можетъ служить оправданіемъ для лица прокурорскаго надзора въ представленномъ имъ протестѣ не въ установленный срокъ или не въ установленномъ порядкѣ (р. № 466).

Порядокъ обжалованія уголовныхъ приговоровъ.

Лицо прокурорскаго надзора имѣть право обжаловать приговоръ, коимъ подсудимому опредѣлено слишкомъ строгое наказаніе (р. № 22).

Протесты и отзывы противъ судебныхъ приговоровъ должны быть представляемы въ двухъ-недѣльный срокъ, начиная исчисленіе этого срока не по истеченіи сутокъ, а со дня, слѣдующаго за объявленіемъ приговора; поэтому и согл. 821 и 825 ст. уст. гражд. суд., приѣзжими въ равной мѣрѣ и къ срокамъ по уголовнымъ дѣламъ, двухнедѣльный срокъ протеста противъ приговора, объявленнаго, напр., въ понедѣльникъ 22 апрѣля, истекаетъ въ понедѣльникъ 6-го мая въ 3 часа по полудни или съ закрытіемъ присутствія въ сей день суда (р. № 466). Если лицо, изъятое отъ тѣлеснаго наказанія по правамъ состоянія, было присуждено къ заключенію въ арестантскія роты, то подобные приговоры въ такихъ случаяхъ, когда подсудимые окажутся принадлежащими къ такому состоянію и пользующимися такого рода отличіями, которыхъ они могли быть лишены только съ высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, согл. 945 ст. не могутъ считаться вошедшими въ законную силу и по окончаніи опредѣленныхъ въ 865 и 910 ст. сроковъ; поэтому жалобы и протесты на такіе приговоры принимаются по истеченіи этихъ сроковъ. Но приговоръ, присудившій лицу непривилегированнаго состоянія къ наказанію, положенному лицамъ, пользующимся особыми преимуществами, можетъ быть обжалованъ только въ общемъ порядкѣ (р. № 256).

Апелляціонное производство въ судебныхъ палатахъ.

Правила, изложенныя въ уст. угол. суд. относительно вызова свидѣтелей въ окружный судъ (ст. 573 — 578), не имѣютъ примѣненія къ дѣламъ апелляціоннымъ, поступающимъ въ

судебную палату; напротив, палатамъ въ этомъ отношеніи предоставлено право по своему усмотрѣнію разрѣшать вопросъ о вызовѣ свидѣтелей; но 879 ст. не предоставляетъ палатѣ права отказывать въ просьбѣ о вызовѣ свидѣтелей безъ обсуждения, насколько просьба эта уважительна, и безъ указанія причинъ своего отказа или существующихъ препятствій въ удовлетворенію просьбы; исполненіе этихъ правилъ представляется необходимымъ и въ томъ случаѣ, когда возбуждается вопросъ о томъ, должно ли быть отсрочено засѣданіе по случаю неявки вызванныхъ свидѣтелей, ибо въ силу 878 ст. уст. угол. суд. палатѣ, признавшей необходимость произвести въ своемъ засѣданіи повѣрку судебного слѣдствія, слѣдуетъ соблюсти тотъ порядокъ, какой установленъ на этотъ предметъ закономъ для судовъ первой степени (р. № 516).

Если окружнымъ судомъ при допросѣ свидѣтелей нарушены были 630, 632, 718 ст. уст. угол. суд. (напр. допросъ свидѣтелей разрѣшенъ былъ лишь одной стороной), и палата, несмотря на указаніе этого нарушенія закона въ апелляціонной жалобѣ, не обратила на это вниманія, и даже приняла въ соображеніе при постановленіи приговора показанія этихъ свидѣтелей, то подобный приговоръ палаты подлежитъ отмѣнѣ (рѣш. № 733). Назначеніе подсудимому, избравшему защитника, другаго защитника и разсмотрѣніе дѣла не въ тотъ день, который назначенъ въ спискѣ судей, препровожденномъ подсудимому, есть тоже существенное нарушеніе 880, 882 и 888 ст. уст. угол. суд. (рѣш. № 719). Если апелляторы жалуются на неправильный составъ суда первой инстанціи, то апелляціонный судъ обязанъ входить въ разсмотрѣніе этой жалобы (рѣш. № 103). Если подсудимый обвиняется въ оскорбленіи, и дѣло переходило въ палату по его жалобѣ, то палата не вправе признать его виновнымъ въ оскорбленіи потерпѣвшаго такими выраженіями, которыя не были признаны оскорбительными окружнымъ судомъ (рѣш. № 316). Обнаруженіе апелляціоннымъ судомъ такихъ проступковъ, которые вовсе не были судимы въ судѣ 1-й степени, не лишаетъ безъ сомнѣнія апелляціонный судъ права обратить обвиненіе въ такихъ проступкахъ

въ узаконенномъ порядкѣ на разсмотрѣніе суда первой степени, но тогда только, когда вновь открывшіяся обстоятельства указываютъ на необходимость возбужденія совершенно новаго обвиненія, а не тогда, когда по мнѣнію апелляціоннаго суда представляются въ иномъ видѣ тѣ самыя дѣянія, которыя уже были обсуждены судомъ 1-й степени и не могутъ подлежать въ отношеніи обвиняемаго пересмотру апелляціоннаго суда за вступленіемъ приговора о немъ суда 1-й степени въ окончательную законную силу (рѣш. № 549). Правило уст. угол. суд., воспреещающее суду 2-й степени усиливать наказаніе подсудимаго безъ требованія обвинительной власти, когда приговоръ суда 1-й степени пересматривается лишь по отзыву самаго подсудимаго, не можетъ имѣть того значенія, чтобы апелляціонный судъ, при опредѣленіи свойства преступнаго дѣянія и при соображеніяхъ своихъ о слѣдующемъ по закону наказанію виновному, былъ стѣсненъ неправильною квалификаціею преступнаго дѣянія, послѣдовавшею въ судѣ 1-й степени, или его ошибками въ изложеніи приговора и вопросовъ. Дѣйствительное значеніе этого правила состоитъ въ томъ, что апелляціонный судъ не можетъ въ такомъ случаѣ приговорить виновнаго къ наказанію болѣе строгому, чѣмъ то, которое онъ понесъ бы, еслибы не подалъ отзыва на приговоръ суда 1-й степени. Поэтому, палата при опредѣленіи свойства преступнаго дѣянія подсудимаго и подведенія онаго подъ соотвѣтствующую статью уложенія, должна руководствоваться тѣми правилами, которыя установлены на этотъ предметъ въ законѣ, а затѣмъ уже еслибы наказаніе, опредѣленное ею, оказалось строже того, къ какому былъ присужденъ подсудимый окружнымъ судомъ, принять во вниманіе, что дѣло поступило на ея разсмотрѣніе лишь по отзыву подсудимаго, и что въ виду ея нѣтъ законнаго требованія объ усиленіи наказанія (рѣш. № 353). Изъ общаго смысла 859 и 944 ст. уст. угол. суд. слѣдуетъ заключить, что апелляціонный судъ по жалобѣ, принесенной на судъ 1-й степени гражданскимъ истцомъ, не входитъ въ обсужденіе виновности подсудимаго, но при этомъ однако не лишенъ права опредѣлить инымъ образомъ, не-

если судъ 1-й степени, признавъ и законное значеніе того дѣянія подсудимаго, которое хотя и не было вѣщено ему въ вину приговоромъ суда 1-й степени, не обжалованнымъ обвинителемъ, но служить основаніемъ иска гражданскаго истца, принесшаго жалобу на этотъ приговоръ; поэтому, еслибы судомъ 1-й степени было отвергнуто самое событіе судимаго дѣянія, или же подсудимый признанъ былъ не изобличеннымъ въ совершеніи этого дѣянія, или же судомъ приведены въ приговоръ свои такіа основанія невмѣненія подсудимому въ вину этого дѣянія, которыя, по мнѣнію гражданскаго истца, лишаютъ его права на требованіе вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные этимъ дѣяніемъ, то апелляціонный судъ обязанъ войти въ разсмотрѣніе приговора уголовного суда 1-й степени по симъ предметамъ и, не касаясь виновности подсудимаго, оправданнаго уголовнымъ приговоромъ, вступившимъ по необжалованію его обвинителемъ въ окончательную законную силу во всѣхъ частяхъ, не относящихся до гражданскаго иска, исправить, если признастъ справедливымъ, тѣ положенія уголовного приговора, которыми опредѣляется законность и правильность требованій гражданскаго истца. Но касаться уголовной отвѣтственности подсудимаго и возбуждать по ст. 231 уст. угол. суд. вопросъ объ измѣненіи подсудности дѣла о такомъ дѣяніи подсудимаго, по обвиненію въ коемъ онъ оправданъ приговоромъ суда 1-й степени, вступившимъ въ этой части его въ окончательную законную силу, палата не вправе (рѣш. № 727).

Постановленіе палаты, состоявшееся по отзыву гражданскаго истца на приговоръ суда 1-й степени, должно быть признано не частнымъ опредѣленіемъ, а приговоромъ, подлежащимъ обжалованію въ кассационномъ порядкѣ; частныя опредѣленія палаты постановляются лишь въ исчисленныхъ въ законѣ (893 и слѣд. ст. уст. угол. суд.) случаяхъ (рѣш. № 221).

По смыслу 893 и 894 ст. частныя жалобы не могутъ быть приносимы на опредѣленія, постановленныя въ судѣ второй степени, за исключеніемъ лишь жалобъ, приносимыхъ

на принятие жалобъ кассационныхъ; на опредѣленія же, постановленныя судебными мѣстами въ качествѣ суда второй степени, допускаются только жалобы кассационныя, въ которыхъ могутъ заключаться указанія на существенныя изъ нарушеній порядка судопроизводства, составляющіе предметъ частныхъ жалобъ. Но такъ какъ при подачѣ кассационной жалобы на приговоръ, не вошедшій еще въ законную силу, невозможно предвидѣть и обжаловать неправильное исполненіе состоявшагося приговора, какъ дѣйствіе еще не совершившееся, а между тѣмъ при исполненіи приговора судъ можетъ сдѣлать, въ измѣненіе или дополненіе его, такое постановленіе, которое не было бы оставлено подсудимымъ безъ обжалованія въ кассационномъ порядкѣ, еслибы оно было выражено своевременно въ приговорѣ, то само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ подсудимый не можетъ быть лишенъ права обжаловать такое незаконное постановленіе въ дополнительной жалобѣ. Поэтому, если напр. налота дополнила свой приговоръ о подсудимомъ опредѣленіемъ объ оставленіи безъ уваженія прошенія о примиреніи его съ потерпѣвшимъ, то такое опредѣленіе можетъ быть обжаловано подсудимыми въ кассационномъ порядкѣ (рѣш. № 467).

Кассационное производство въ правительственныхъ мѣстахъ.
На основаніи 5 ст. учр. суд. уст. правительствующій сенатъ между прочимъ не входитъ въ разсмотрѣніе указанія кассатора на подсудность дѣла не общимъ судебнымъ мѣстамъ, а волостному суду, если кассаторъ не возбуждалъ этого вопроса въ низшихъ инстанціяхъ (рѣш. № 41); также остаются безъ разсмотрѣнія указанія кассатора на то, что одинъ изъ мировыхъ судей, присутствовавшихъ при рѣшеніи дѣла, потерялъ право быть таковымъ, если только судья утверждёнъ въ своемъ званіи въ установленномъ порядкѣ и не устраненъ подлежащею властью (рѣш. № 152); далѣе, сенату въ кассационномъ порядкѣ не подлежитъ рѣшеніе вопроса о томъ, правильно ли извѣстное лицо признано потерпѣвшимъ (рѣш. № 360), и какое наказаніе представляется болѣе строгимъ для подсудимаго, денежное взысканіе или арестъ (рѣш. № 561).

Сенатъ выходилъ при разсмотрѣніи дѣлъ въ кассационномъ

порядкѣ, какъ и прежде, нерѣдко изъ предѣловъ жалобъ, протестовъ, напр. 1) рѣш. № 96: сенатъ, не входя въ разсмотрѣніе кассационныхъ поводовъ, представляемыхъ подсудимымъ, отмѣнилъ приговоръ судебной палаты на томъ основаніи, что въ приговорѣ сущность обвиненія изложена несогласно съ вопросомъ, и что несогласіе это существенно; 2) р. № 270: признавъ ходатайство подсудимаго объ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ и преданія его суду за нарушеніемъ 27 ст. уст. угол. суд. не заслуживающимъ уваженія, сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ за нарушеніемъ 751 и 760 ст. уст. угол. суд., хотя кассаторъ не указалъ на эти нарушенія; 3) № 371 и 421: сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ помимо просьбы объ этомъ кассаторовъ, когда жалоба принесена была на неправильное примѣненіе статьи уложенія къ фактамъ, признаннымъ присяжными засѣдателями, а между тѣмъ отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей не только былъ въ самомъ себѣ противорѣчивъ, но и несогласенъ съ опредѣленіемъ закона о существенныхъ признакахъ того преступнаго дѣянія, въ которомъ подсудимый былъ признанъ виновнымъ, или же отвѣтъ этотъ не заключалъ въ себѣ всѣхъ существенныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступленіе подсудимаго, для правильнаго примѣненія одной изъ статей уложенія, опредѣляющихъ наказаніе за тотъ видъ преступленія, въ совершеніи коего признанъ виновнымъ подсудимый; 4) р. № 308: подсудимый, признанный виновнымъ въ томъ, что при предъявленіи ему векселя, выданнаго имъ купцу Малиутину, заявилъ завѣдомо ложно, что вексель этотъ подложный, между тѣмъ какъ вексель этотъ дѣйствительно былъ выданъ имъ, просилъ объ отмѣнѣ приговора суда, присудившаго его къ наказанію по 940 ст. улож., такъ какъ, по его мнѣнію, въ признанныхъ присяжными фактахъ не заключается признаковъ преступленія. Сенатъ, находя, что проступокъ подсудимаго прямо предусмотрѣнъ 562 ст. уст. гражд. суд., отмѣнилъ не только приговоръ суда, но и рѣшеніе присяжныхъ и опредѣленіе палаты о преданіи его суду; 5) р. № 646: подсудимый Зоревъ былъ наказанъ въ 1872 г. за покушеніе на кра-

жу со взломомъ, учиненное безъ полнаго разумѣнія, и въ 1873 г. во второй разъ за простую кражу; когда затѣмъ въ 1874 г. Зорковъ вновь былъ признанъ виновнымъ въ простой кражѣ, и судъ примѣнилъ къ нему 146 и 1 ч. 1655 ст. улож., то товарищъ прокурора принесъ кассационный протестъ, въ которомъ доказывалъ, что подсудимый долженъ быть подвергнутъ наказанію, опредѣленному за совершеніе во 2-й разъ кражи со взломомъ; сенатъ оставилъ этотъ протестъ безъ уваженія, но отмѣнилъ приговоръ суда въ виду того, что Зорковъ подлежитъ наказанію не по 1655 ст. улож., а по 169 ст. уст. о нак.

Объясненія суда, изложенныя въ рапортѣ, при которомъ дѣло представлено, разсматриваются сенатомъ и принимаются въ соображеніе при постановленіи рѣшенія (р. № 456).

Если сенатомъ было отмѣнено постановленіе судебной палаты о непріятіи кассационной жалобы безъ перевода подписи подсудимаго подъ эту жалобу, то разсмотрѣніе палатою дѣла по существу въ томъ же составѣ, въ которомъ состоялось отмѣненное постановленіе, не есть нарушение 329 ст. уст. угол. суд. (рѣш. № 183).

Прежнее мнѣніе сената объ абсолютной обязательности его рѣшеній осталось неизмѣненнымъ; такъ, напр., въ № 383 сказано: «дать знать о вышеизложенномъ вышеупомянутому мировому съѣзду указомъ для точнаго впередъ руководства и исполненіи ст. 6 воин. уст. о нак., по вышеупомянутому мировому судебному округу»; въ рѣш. № 423 сказано, что нарушение 659 ст. уст. угол. суд., заключающееся въ томъ, что билеты были опускаемы не въ ящикъ, а въ стеклянную урну, не можетъ быть признанъ существеннымъ между прочимъ и потому, что указъ сената отъ 28-го мая 1874 г., разъясняющій 659 ст. уст. угол. суд., полученъ въ елецкомъ окружномъ судѣ 5-го іюня 1874 г., почему не могъ быть принятъ въ руководство при разсмотрѣніи сего дѣла, производившагося 27-го мая 1874 г. Впрочемъ, въ одномъ рѣшеніи (№ 456) сенатъ призналъ, что суды могутъ иногда отступить отъ пра-

вить, заключающихся въ рѣшеніяхъ сената, хотя бы даже изложенныхъ въ циркулярномъ указѣ.

Обзоръ кассационныхъ рѣшеній за 1874 г. по уголовному судопроизводству не можетъ не убѣдить насъ, что рѣшенія эти имѣютъ тотъ же общій характеръ, какъ и рѣшенія прежнихъ лѣтъ по сему предмету. Способъ изложенія не измѣнился: являются только чаще рѣшенія безъ изложенія обстоятельствъ дѣла, тѣмъ очень затрудняется вѣрное пониманіе этихъ рѣшеній. По содержанию своему, рѣшенія за 1874 г. большею частью повторяютъ, объясняютъ или развиваютъ мнѣнія, высказанныя сенатомъ еще прежде; эти объясненія и дальнѣйшія развитія не привели однако, какъ слѣдовало бы ожидать, къ уничтоженію или по крайней мѣрѣ уменьшенію прежнихъ ошибокъ и противорѣчій¹⁾. Но рядомъ съ этими повтореніями сенатомъ было высказано нѣсколько новыхъ положеній, не лишенныхъ интереса. Прежде всего укажу на р. № 26, хотя и сомнительно, слѣдуетъ-ли высказанное въ немъ положеніе причислять къ новымъ или нѣтъ. Въ рѣшеніи этомъ именно признано, что присяжные призываются въ судъ для разрѣшенія вопроса о *виновности*. Вопросъ о виновности (*Schuldfrage*), какъ извѣстно всякому юристу, юридическій терминъ, очень часто встрѣчаемый въ литературѣ; какъ не менѣе извѣстно, предоставленіе присяжнымъ рѣшать вопросъ о виновности противопоставляется мнѣнію французскихъ и другихъ иностранныхъ судовъ, ограничивающихъ юрисдикцію присяжныхъ одними фактическими обстоятельствами. Слѣдовательно, если понимать въ приведенномъ рѣшеніи и вопросъ о виновности въ общепринятомъ смыслѣ, то очевидно, что сенатъ оторвался отъ своего прежняго, неправильнаго взгляда на значеніе присяжныхъ. Подобная переменъ мнѣнія сената тѣмъ болѣе важна, что она не можетъ ограничиться однимъ теоретическимъ опредѣленіемъ правъ присяжныхъ, но и должна оказать вліяніе на ученіе о

¹⁾ Какъ на доказательство этого можно, напр., указать на рѣшенія, объясняющія 27 ст., и на рѣшенія, относящіяся къ постановкѣ вопросовъ.

постановѣй вопросовъ, въ особенности на разъясненіе 760 ст. Но по всѣмъ этимъ вопросамъ рѣшенія 1874 г. лишь продолжаютъ практику прежнихъ лѣтъ. Поэтому то и является нѣкоторое сомнѣніе, въ какомъ смыслѣ сенатъ понялъ вопросъ о виновности въ юридическомъ или въ какомъ-нибудь иномъ.

Цѣль предварительнаго слѣдствія и вообще всей подготовки дѣла, наконецъ и самаго судебного слѣдствія, заключается, безъ сомнѣнія, въ собраніи какъ возможно болѣе *достовѣрныхъ* доказательствъ противъ или за подсудимаго. Доказательства, лишенные этой достовѣрности, напр. слухи, неизвѣстно отъ кого исходящіе, свидѣтельскія показанія, записанныя въ актахъ дознанія, и т. д. не представляются суду въ качествѣ доказательствъ. Но сенатъ не вполне признаетъ правильность этого мнѣнія; въ рѣш. № 245, напр., сказано, что хотя показанія отсутствующихъ подсудимыхъ не имѣютъ характера достовѣрности, но тѣмъ не менѣе они не должны быть оставляемы безъ вниманія при разрѣшеніи вопроса о виновности по внутреннему убѣжденію, для котораго необходимо разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла по совокупности; далѣе, по р. № 585 могутъ быть прочитаны на судѣ не только акты, прямо въ 687 ст. указанные, но вообще всѣ тѣ документы, содержаніе которыхъ не можетъ быть сдѣлано извѣстнымъ суду и присяжнымъ путемъ свидѣтельскихъ показаній. Очевидно, что по смыслу этихъ рѣшеній число доказательствъ, подлежащихъ повѣркѣ передъ судомъ, рѣшающимъ дѣло по существу, должно значительно увеличиваться.

Относительно вопроса о прочтеніи документовъ въ судебномъ засѣданіи вообще, въ рѣшеніяхъ 1874 г. встрѣчается большая неясность, такъ какъ сенатъ не отдѣлилъ актовъ, подлежащихъ прочтенію по 687 ст., отъ письменныхъ вещественныхъ доказательствъ, подлежащихъ прочтенію какъ таковыя.

Далѣе, замѣчательно рѣш. № 231; мотивы этого рѣшенія изложены такъ, что представляютъ самыя серьезныя затрудненія къ пониманію ихъ; но предполагая, что эти мотивы не составляютъ лишенную всякаго содержанія придачу къ омон-

чительному выводу, нужно придти къ заключенію, что по мнѣнію сената присяжные хотя и могутъ отвергать обстоятельство, особо увеличивающее вину, по отношенію къ лицу, непосредственно совершившему преступленіе, и признавать существованіе его по отношенію къ другимъ подсудимымъ, участвовавшимъ въ преступномъ дѣланіи, но не пользуются этимъ правомъ относительно существенныхъ видовыхъ признаковъ: а именно, если какой-либо существенный признакъ преступленія отвергнуть въ отношеніи къ непосредственно совершившему преступленіе, то онъ долженъ быть отвергнутъ и относительно другихъ подсудимыхъ. Если таково въ самомъ дѣлѣ мнѣніе сената, то оно неминуемо поведетъ къ большому практическому затрудненію, тѣмъ болѣе, что и самъ правительствующій сенатъ, какъ извѣстно, не умѣлъ разъяснить, въ чемъ именно заключается теоретическая разница между обстоятельствомъ особо увеличивающимъ вину и существеннымъ видовымъ признакомъ преступленія.

Въ рѣшеніяхъ президіума гдѣ неоднократно говорилось о правѣ присяжныхъ прибавить, согл. 812 ст., нѣсколько словъ къ утвердительному отвѣту и, такимъ образомъ, выдѣлить по своему усмотрѣнію изъ общаго вопроса о виновности то или другое обстоятельство; но при этомъ сенату не приходилось рассмотреть дальнѣйшій вопросъ, какія именно обстоятельства присяжные могутъ выдѣлять при утвердительномъ отвѣтѣ? Пробѣлъ этотъ пополненъ рѣшеніями № 89 и 724, коими совершенно правильно признано, что право присяжныхъ ограничивать утвердительный отвѣтъ отрицаніемъ тѣхъ или другихъ изъ обстоятельствъ, входящихъ въ составъ вопроса, не можетъ быть примѣняемо въ тѣхъ случаяхъ, когда они не признаютъ въ дѣяніи подсудимаго обстоятельство, отсутствіе коихъ колеблетъ самое основаніе обвиненія, т.-е., когда отрицаніемъ этихъ обстоятельствъ введенное на подсудимаго противозаконное дѣяніе становится непроступнымъ или ненаказуемымъ. Но сенатъ не остановился на этомъ правилѣ, а въ рѣш. № 344 высказалъ еще то мнѣніе, что если подсудимый преданъ суду въ особомъ порядкѣ, установленномъ для

преступлений по должности, то присяжные не могут выдѣлить изъ общаго вопроса о виновности того признака, который именно указываетъ на то, что подсудимый совершилъ преступленіе по должности, хотя и послѣ отрицанія сего признака подсудимый оказался виновнымъ въ дѣяніи преступномъ и наказуемомъ. Но съ этимъ рѣшеніемъ трудно согласиться. Право отвѣтить отрицательно на тѣ и другія обстоятельства дано присяжнымъ 812 статьею безусловно и одинаково по всѣмъ родамъ дѣлъ; правда, что самая сущность этого права требуетъ извѣстнаго ограниченія его, какъ это вѣрно признано въ рѣшеніяхъ № 69 и 724, но идти далѣе и особенно ставить это право въ зависимость отъ порядка преданія суду или порядка производства едва ли правильно. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе это несогласно съ прежней практикой сената по подобному вопросу, въ которой было признано, что въ случаѣ обвиненія подсудимаго въ преступленіи, производимомъ въ общемъ порядкѣ, присяжные могутъ его признать виновнымъ въ проступкѣ, преслѣдуемомъ въ порядкѣ частнаго обвиненія.

А. фонъ-Резонтъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Обзоръ вышедшихъ въ 1877 году законовъ, относящихся къ судебному дѣлу. Осуществленіе сенатской реформы 10 іюня 1877 г. Что слѣдуетъ читать нашимъ юристамъ-практикамъ и что они читаютъ.

Вотъ уже пятый годъ къ ряду намъ приходится начинать юридическую хронику первой вышки сътованіемъ на истекшій годъ, что онъ не оправдалъ ожиданій юристовъ на счетъ нѣсколькихъ важныхъ перемѣнъ въ законодательствѣ по части уголовного и гражданскаго права и судопроизводства. Опять положенія объ опекахъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ, объ укрѣпленіи правъ на имущество, о преобразованіи коммерческихъ судовъ, о конкурсномъ производствѣ, о векселяхъ, объ отлѣнѣ указанныхъ процентовъ и личнаго задержанія за долги и т. д. — остались предметомъ ожиданія въ будущемъ.

Еще въ первой половинѣ истекшаго года ходили весьма настойчивые слухи, что законопроекты о процентахъ и личномъ задержаніи за долги прошли уже въ государственномъ совѣтѣ и даже удостоены будто бы высочайшаго утвержденія; но законы по этимъ предметамъ до сихъ поръ не обнародованы и, слѣдовательно, слухъ объ окончательномъ утвержденіи этихъ законовъ — надо думать — былъ не вѣрнъ. Оно, можетъ быть, и въ лучшемъ: по крайней мѣрѣ съ отлѣною личнаго задержанія за долги еще очень можно бы не торопиться; а вошь нравы у насъ улучшатся и окотники хорошо пожить на чу-

жой счетъ поубавятся... Либералы наши (они же, болѣею частью, и не платящіе должники) не одобрятъ, конечно, такого отношенія къ давно ожидаемому закону; но за то огромное болѣшинство дѣловыхъ людей, кажется, думаютъ за-одно съ нами, что законопроектъ, о которомъ идетъ рѣчь, можно бы, безъ грѣха, поставить однимъ изъ самыхъ послѣднихъ въ очередномъ спискѣ государственнаго совѣта. Есть реформы гораздо болѣе настоятельныя, а главное—гораздо болѣе безспорныя въ принципѣ; съ нихъ-то и слѣдовало бы начинать; таковы, напр., реформы: ~~опредѣляющаго~~ ууредженій, конкурснаго процесса, дѣйствующаго порядка укрѣпленія правъ на имущества. Послѣдняя изъ названныхъ нами сей-часъ реформъ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, уже совсѣмъ на чеку; по крайней мѣрѣ, разсмотрѣніе проекта по этому предмету начато въ государственномъ совѣтѣ еще въ концѣ прошлаго года и продолжается по нынѣ каждую пятницу. Говорятъ, впрочемъ, что надеждъ на утверждение этого проекта въ нынѣшнемъ году весьма немного: до сихъ поръ не рѣшено даже, могутъ ли быть приняты основныя начала этой реформы въ томъ видѣ, какъ ихъ выработала коммисія, или государственному совѣту придется самому установить тѣмъ начала, съ тѣмъ чтобы проектъ ипотечнаго устава былъ потомъ составленъ заново согласно съ тѣми основаніями, какія будутъ указаны государственнымъ совѣтомъ.

Оставимъ, однако, въ сторонѣ пока виды на нынѣшній годъ, и обратимся, по обычаю, въ году минувшему: что далъ намъ, судебнымъ дѣателямъ, этотъ—во всѣхъ другихъ отношеніяхъ безспорно замѣчательнѣйшій—годъ?

Уложение и уставъ о наказанияхъ остались въ 1877 году безъ всякихъ перемѣнъ. Почти тоже можно сказать и объ *уставѣ уголовнаго судопроизводства*, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ уставѣ подверглись нѣкоторому измѣненію только 978 и 979 ст., касающіяся вопроса о вознагражденіи экспертовъ по уголовнымъ дѣламъ. Въ силу этихъ статей устава, эксперты по уголовнымъ дѣламъ, въ отношеніи вознагражденія ихъ за трудъ, были сравнены со свидѣтелями, т.-е. получали прогонныя деньги по 3 коп. на версту или плату за проездъ

по желѣзнымъ дорогамъ въ III классѣ, и затѣмъ 25 коп. сурочнаго довольствія. Закономъ же 11 января 1877 г. положено, чтобы на будущее время призываемые въ судебныя установленія переводчики съ иностранныхъ языковъ и свидѣтели, не исключая и врачей, получали вознагражденіе—въ случаѣ, если они заявятъ о томъ просьбу—по правиламъ, возложеннымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, т.-е. въ размѣрѣ отъ 25 коп. до 25 рублей, «сообразно съ качествомъ труда, цѣною рабочаго дня и другими уважительными обстоятельствами». Мѣру эту нельзя, конечно, не признать вполне справедливою. Эксперты въ огромномъ большинствѣ случаевъ—люди, живущіе трудомъ, и отрывать ихъ отъ своего дѣла—иногда на нѣсколько дней—за такое вознагражденіе, какъ 25 коп. въ сутки, значитъ явно нарушать самыя существенныя ихъ права. По-нятно, что при дѣйствіи ст. 979 многіе эксперты принимали всѣ мѣры, чтобы уклониться отъ явки на судъ, которая—не говоря уже о другихъ непріятныхъ сторонахъ экспертизы—всегда почти влекла за собою болѣе или менѣе значительный убытокъ для эксперта. Но мѣру эту, какъ намъ кажется, слѣдовало бы провести далѣе. Свидѣтели по уголовнымъ дѣламъ часто находятся въ положеніи еще болѣе затруднительномъ, чѣмъ эксперты. Многимъ изъ свидѣтелей приходится во время суда не только терять заработокъ, но еще и наголодаться въ волю или просить подавнія, если судъ происходитъ не въ мѣстѣ ихъ пребыванія. Въ самомъ дѣлѣ, 25 копѣекъ—это такіе деньги, на которыхъ въ настоящее время едвали можно приобрести помѣщеніе и человѣческую пищу въ какомъ бы то ни было городѣ россійской имперіи, а ужъ о столицахъ и такихъ городахъ, какъ, напр., Харьковъ и Одесса, нечего, конечно, и говорить. Какъ же быть свидѣтелю, который вызванъ въ городъ по большому дѣлу и долженъ оставаться тамъ нѣсколько дней, иногда цѣлую недѣлю? За неявку въ судъ законъ вѣдь грозитъ всѣмъ нешуточнымъ штрафомъ: до ста рублей въ казну, да вознагражденіе остальныхъ, вызванныхъ въ судъ, лицъ, если засѣданіе не состоится за неявою штрафуемаго. Въ виду такого положенія, вѣроятно, и нѣвышнимъ свидѣте-

лимъ приходится иногда вспомнить старинную поговорку: «доказчику—первый кнутъ». Желательно бы, поѣтому, чтобы 979 ст. уст. угол. суд. была измѣнена и въ отношеніи свидѣтелей въ томъ же смыслѣ, какъ въ отношеніи свѣдущихъ людей, т.-е. чтобы и свидѣтели по уголовнымъ дѣламъ были сравнены со свидѣтелями по дѣламъ гражданскимъ, какъ это сдѣлано въ отношеніи экспертовъ; тогда свидѣтелямъ по уголовнымъ дѣламъ судъ вправѣ былъ бы назначать вознагражденіе отъ 25 копѣекъ до 3 рублей въ сутки, а это уже совсѣмъ не то, что имѣвшееся вознагражденіе.

Другихъ перемѣнъ по части уголовного права и судопроизводства въ истекшемъ году, какъ уже сказано, не произошло.

Не многимъ больше сдѣлано въ истекшемъ году и по части *гражданскаго права и судопроизводства*. Законъ 10 мая о введеніи судебныхъ сборовъ съ гражданскихъ дѣлъ, производящихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ; законъ 22 октября о задаточныхъ роспискахъ, и того же числа — «о предоставленіи земельнымъ кредитнымъ учрежденіямъ права требовать, въ случаѣ обезпѣченія заложеннаго имущества, возврата выданныхъ ссудъ и ранѣе наступленія онымъ срока» — вотъ и все, на чемъ можно остановиться обзорѣтелю.

а) Первымъ изъ этихъ законовъ положено: съ каждаго исковаго прошенія, заявленнаго мировому судѣ словесно или письменно, а также съ каждаго встрѣчнаго иска, прошенія третьихъ лицъ о вступленіи въ дѣло, отзыва на заочное рѣшеніе и апелляціонной жалобы, взыскивать судебную пошлину въ размѣрѣ *одной копѣйки* съ каждаго рубля отыскиваемой или оспариваемой суммы. По дѣламъ же, не подлежащимъ оцѣнкѣ, судебная пошлина опредѣляется мировымъ судьей, при постановленіи рѣшенія, въ размѣрѣ не выше пяти рублей. Затѣмъ, съ каждаго листа поданной по гражданскому дѣлу просьбы и *приложеній* къ ней (хотя бы приложенія были написаны на гербовой бумагѣ?), равно съ каждаго листа бумаги, какъ поступающихъ отъ тяжущихся, такъ и исполнительныхъ

листовъ, копій рѣшеній, справокъ и т. п. взимается особый сборъ въ размѣрѣ 10 копѣекъ. Съ прошенія, заявленнаго оловесно, взимается сборъ за одинъ листъ.—Отъ сборовъ этихъ освобождены: а) дѣла, обращенныя, по желанію сторонъ, на рѣшеніе почетныхъ мировыхъ судей; б) дѣла, разрѣшаемыя мировыми судьями по совѣсти, на основаніи ст. 30 уст. гражд. суд.; в) иски, цѣна конхъ не превышаетъ десяти рублей; г) происходящія изъ уголовныхъ дѣлъ гражданскія взысканія, разсмотрѣніе которыхъ происходитъ одновременно съ производствомъ уголовного дѣла, и д) иски казенныхъ установлений. Неимущія лица могутъ быть освобождены мировымъ судьей отъ уплаты этихъ сборовъ, но не иначе, какъ по особому для каждаго лица и дѣла постановленію, причемъ жалобы на постановленія этого рода не допускаются. Сборы эти, какъ сказано въ самомъ законѣ, назначаются *въ пособіе земству* по содержанію мировыхъ судебныхъ установлений.

Иложенный сейчасъ законъ не представляетъ ничего почти новаго сравнительно съ закономъ 23 апрѣля 1874 года, которыми были установлены точъ въ точъ такіе же сборы и на тѣхъ же основаніяхъ въ 9 западныхъ губерніяхъ. Со времени изданія этого послѣдняго закона—насколько намъ помнится—въ печати ни разу не появлялось заявленій о какихъ либо неудобствахъ примѣненія его къ дѣлу. Нѣсколько же мировыхъ судей западнаго края, съ которыми намъ привелось говорить объ этомъ законѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что сборъ, о которомъ идетъ рѣчь, никогда не бываетъ причиною непредъявленія иска или отказа отъ апелліаціи. Можно надѣяться, поэтому, что и законъ 10 мая не повлечетъ за собою особенныхъ неудобствъ для населенія въ пользованіи мировымъ судомъ, если, конечно, наши мировые судьи будутъ благоразумно и умѣренно пользоваться правомъ безапелляціонно отказывать нуждающимся въ просьбахъ о признаніи за ними права бѣдности.

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать разсматриваемый законъ произведеніемъ вполне удовлетворительнымъ. Мысль объ изданіи такого закона, т. е. особаго налога на тяжущихся

у мировыхъ судей, возникла въ средѣ самаго земства. Если не ошибаемся, въ 1872 году нѣкоторые земскія собранія обратились къ правительству съ ходатайствомъ въ этомъ смыслѣ, объясняя, что содержаніе мировыхъ судебныхъ учрежденій обходится земству очень дорого, а между тѣмъ денежныя средства земскія плохи и, слѣдовательно, безъ такого налога, какой установится теперь закономъ, трудно обойтись. Не знаемъ, были ли потребованы заключенія по этому предмету всѣхъ уѣздныхъ земствъ и каковы были эти заключенія, если они были даны. Но пусть даже всѣ уѣздныя собранія, сколько ихъ есть въ настоящее время, высказались за необходимость установленія особаго сбора съ тяжущихся въ мировыхъ учрежденіяхъ. И все же едва ли правильно было давать такое категорическое и общее рѣшеніе этому вопросу, какое дано ему закономъ 10 мая. Не слѣдовало при этомъ упускать изъ виду, что судебная пошлина вовсе не составляетъ существенной принадлежности хорошаго порядка судопроизводства, что она, напротивъ, лишь необходимое зло, избѣжать котораго было бы крайне желательно, если бы только финансовая наука или практика придумали какое-нибудь безобидное средство для этого. Судъ тогда только и можно будетъ считать вполне надежнымъ оплотомъ правъ, когда обращеніе къ нему каждаго обиженнаго во всякое время не будетъ затруднено никакими искусственными преградами: болѣе или менѣе высокою пошлиною, необходимостію нанимать специалиста-повѣреннаго и т. п. Поэтому, установленіе пошлины на право просить судебной защиты тамъ, гдѣ такой пошлины прежде не было, во всякомъ случаѣ нельзя признать шагомъ впередъ въ дѣлѣ правосудія. Копейка съ рубля цѣны иска и 10 копѣекъ съ каждаго листа поданной судѣ бумаги — деньги, конечно, не большія; но все же небогатый простолюдинъ можетъ иногда и не имѣть этихъ денегъ въ наличности, и слѣдовательно — если и не откажется вовсе отъ иска по этой причинѣ, то во всякомъ случаѣ будетъ принужденъ къ отсрочкѣ въ осуществленіи своихъ законныхъ правъ. Съ другой стороны, судъ, какъ и полиція, нуженъ не только для того, кто считаетъ себя обиженнымъ въ данный моментъ

и просить защиты, но и для всѣхъ вообще жителей данной мѣстности, какъ сила, предупреждающая правонарушенія самымъ фактомъ своего существованія. Поэтому, взимать хоти бы только часть содержанія суда съ просителей, а не со всѣхъ, для того тотъ судъ существуетъ—дѣло во всякомъ случаѣ не безобидное. Помнится, еще Бентамъ сказалъ, что взыскивать судебную пошлину съ тяжущихся все равно, что взыскивать, напр., пожарную пошлину съ погорѣльцевъ, которые въ данный моментъ нуждаются въ услугахъ пожарной команды. Въ виду сказаннаго, кормленіе суда на животахъ тяжущихся можетъ быть допусваемо лишь въ томъ случаѣ, когда государственная или земская (по принадлежности) касса дѣйствительно не въ состояніи взять это кормленіе исключительно на себя. Глядя же на дѣло съ этой точки зрѣнія и принимая во вниманіе, что содержаніе мировыхъ судебныхъ учреждений отнесено закономъ въ обязанности уѣздныхъ земствъ, изъ коихъ нѣкоторые—если не теперь, то въ будущемъ—могутъ и не нуждаться въ субсидіи, установленной закономъ 10 мая, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, придать этому закону но крайней мѣрѣ факультативный характеръ, т.-е. постановить, что уѣздныя земскія собранія *могутъ*, будо захотятъ, вводить у себя судебныя сборы не свыше такого-то размѣра. Такое разрѣшеніе вопроса было бы болѣе согласно и съ правами самихъ земствъ. Назначеніе, раскладка и взиманіе сборовъ, необходимыхъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей каждаго уѣзда, отнесены закономъ (полож. о земск. учрежд. ст. 2 п. XI) въ разрядъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію самихъ земскихъ собраній; отъ нихъ зависитъ уменьшать и увеличивать и даже вовсе отменить тотъ или другой видъ земскихъ налоговъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и состоянію земской казны каждаго уѣзда въ данный моментъ. Зачѣмъ же было нарушать такую прерогативу земскихъ учреждений въ этомъ частномъ случаѣ? Весьма возможно вѣдь, что нѣкоторые земства высказались бы противъ пошлины съ бѣднаго люда на мировой судъ, такъ какъ вовсе не нуждаются въ какихъ-либо ресурсахъ, кромѣ тѣхъ, которые есть уже у нихъ въ наличности; а между тѣмъ законъ 10 мая

навязываетъ эту половину *ex nobile* всѣмъ земствамъ и при томъ въ неизмѣнномъ размѣрѣ, каковы бы ни были хозяйственныя условія каждаго уѣзда въ отдѣльности.

б) Гораздо болѣе удачнымъ, хотя и заноздалымъ нѣсколько, представляется законъ 22 октября о задаточныхъ роспискахъ. Дѣло тутъ вотъ въ чемъ. Житейская практика наша, а затѣмъ и законодательство, съ давняго времени усвоили себѣ въ отношеніи договора купли-продажи то, что въ римскомъ правѣ называется *actum de reo contrahendo*, т.-е. договоръ, по которому одна сторона обязывается продать другой къ назначенному сроку недвижимое или движимое имущество за опредѣленную цѣну. Но по законамъ 1821 и 1826 гг. договоръ этотъ, называемый «запродажною записью», если онъ касается недвижимаго имущества, долженъ быть совершаемъ, подъ опасеніемъ признанія его недействительнымъ, явочнымъ у крѣпостныхъ дѣлъ порядкомъ. Отсюда возникло то практическое неудобство, что предварительныя условія о куплѣ-продажѣ недвижимостей не могли быть немедленно, по соглашеніи сторонъ, облекаемы въ законную форму въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни крѣпостныхъ дѣлъ, ни нотаріусовъ. Въ устраненіе этого неудобства, 7 іюня 1854 года высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ введено особое предварительное условіе о куплѣ-продажѣ, извѣстное подъ названіемъ задаточной росписки, т.-е. такого, совершаемаго домашнимъ порядкомъ, акта, который выдается покупщику продавцомъ въ удостовѣреніе полученнаго имъ задатка. Но дѣйствіе росписки о задаткѣ, вѣроятно по соображеніямъ финансоваго характера—чтобы не вытѣснить изъ употребленія запродажныя записи, совершаемыя на крѣпостной гербовой бумагѣ—ограничено шестинедѣльнымъ со дня ея выдачи срокомъ; въ случаѣ отказа продавца—онъ долженъ возвратить задатокъ вдвойнѣ, а въ случаѣ отказа покупщика—онъ теряетъ задатокъ. По истеченіи же шестинедѣльнаго срока росписка теряетъ всякую силу. Этотъ новый законъ породилъ, однако, новое неудобство. Дѣйствіе росписки о задаткѣ, какъ сказано, ограничено шестинедѣльнымъ срокомъ; отсюда слѣдуетъ, что до послѣдняго дня

и часа стороны могут совершить формальный акт, и, следовательно, росписка не может быть представлена ко взысканію; а между тѣмъ въ тотъ же послѣдній день и часть она теряетъ уже свою силу, если актъ не будетъ совершенъ. Кроме того, законъ 1854 года не дѣлалъ никакихъ распоряженій на тотъ случай, если формальный актъ не будетъ совершенъ по винѣ обѣихъ сторонъ, или же по невозможности для которой-нибудь изъ нихъ. Практика наша жѣ силъ выбилась, чтобы найти сколько-нибудь безобидный для сторонъ выходъ изъ этихъ затрудненій: одному вопросу о значеніи шестинедѣльнаго срока посвящено до 20 кассационныхъ рѣшеній, и все-таки вопросъ оставался вопросомъ, такъ какъ очевидно, что тутъ никакимъ толкованіемъ ни до чего нельзя было дойти, — нужно было издать новый законъ. Такой законъ и послѣдовалъ 22 октября истекшаго года.

Этотъ новый законъ вноситъ слѣдующія перемѣны въ дѣйствующія правила о задаточныхъ роспискахъ: а) въ роспискахъ этихъ стороны сами могутъ назначать срокъ, въ теченіе котораго долженъ быть совершенъ формальный актъ (купчая крѣпость или запродажная запись), только не долѣе *одного года* со дня выдачи росписки; б) по истеченіи назначеннаго сторонами для совершенія формальнаго акта срока, или, если онъ не былъ назначенъ, по прошествіи года со дня выдачи задаточной росписки, она, относительно обязанности совершить купчую крѣпость или запродажную запись, считается ничтожною, но въ продолженіе еще одного года сохраняетъ силу въ отношеніи нижеслѣдующаго: в) если формальный актъ не будетъ совершенъ по винѣ продавца, то онъ обязанъ возвратить задатокъ въ двойномъ количествѣ; если же актъ не будетъ совершенъ вслѣдствіе отказа или по винѣ покупателя, то этотъ послѣдній теряетъ свой задатокъ въ пользу продавца; г) когда формальный актъ не будетъ совершенъ или по взаимному соглашенію, или по винѣ обѣихъ сторонъ, или же по невозможности совершить оный для обѣихъ сторонъ или для одной изъ нихъ, то условіе о продажѣ уничтожается простымъ возвращеніемъ задатка продавцомъ покупателю, и д) законными при-

чинами неяви въ совершенію акта признаются: а) лишеніе свободы; б) прекращеніе сообщеній въ время заразы, нашествія непріятеля, необыкновеннаго разлітія рѣкъ и т. п. непреодолимыхъ препятствій; в) внезапное разереніе отъ несчастнаго случая; д) болѣзнь, дѣлающая возможности стлутиться изъ дому; е) смерть родителей, мужа, жены или дѣтей, или же тяжкая грозящая смертію болѣзнь ихъ.

Мы назвали этотъ законъ нѣскольке заповѣдальнымъ по двумъ основаніямъ: *во-первыхъ*, потому, что съ введеніемъ въ дѣйствіе нотаріальнаго положенія 1866 года строгія правила о формѣ запродажныхъ записей потеряли свою силу, такъ что записки эти въ настоящее время могутъ быть совершаемы и домашнимъ порядкомъ¹⁾; вслѣдствіе сего публика совершенно отказалась уже теперь отъ задаточной росписки, какъ документа не необходимого и оказавшагося вполнѣ ненадежнымъ; по крайней мѣрѣ, въ дѣйствующемъ окружномъ судѣ въ послѣдніе 3—4 года иски, основанные на задаточныхъ роспискахъ, почти вовсе не встрѣчаются. *Во-вторыхъ*, неудовлетворительность закона 1864 г. признана была уже давно; практика наша, какъ уже сказано, очень много и почти столь же бесплодно потрудила на примиреніи этого закона съ жизнью, и, по всей вѣроятности, свѣдѣнія объ этихъ затрудненіяхъ практикой не вчера только дошли до нашихъ законодательныхъ органовъ; а между тѣмъ новый законъ является только теперь, когда законъ 64 года успѣлъ уже надѣлать много горя добросовѣстнымъ покупателямъ, и когда самый документъ, установленный этимъ закономъ — документъ, въ сущности, весьма практичный и полезный — началъ выходить изъ употребленія. Впрочемъ, съ изданіемъ закона 22 октября, задаточная росписка, по всей вѣроятности, оживетъ, и окончательно вытѣснитъ, пожалуй, запродажную записку.

г) Закономъ того же числа «о предоставленіи земельнымъ

¹⁾ Гражд. ассас. д-тъ въ рѣшеніи за 1870 г. по дѣлу Матицова съ Ракитинской высказалъ взглядъ, противоположный нашему; но въ послѣдующихъ затѣмъ рѣшеніяхъ (напр., за 1871 г. №№ 1198 и 1200) отказался отъ прежняго своего мнѣнія.

кредитнымъ установленіямъ права требовать, въ случаѣ обезцѣненія заложеннаго имущества, возврата выданныхъ ссудъ и ранѣ наступленія онымъ срока» — положено: «предоставить министру финансовъ, по ходатайствамъ земельныхъ банкоу, городскихъ кредитныхъ обществъ и общества взаимнаго поземельнаго кредита... вводить въ уставы сихъ учрежденій правило о томъ, что въ случаѣ уменьшенія цѣнности заложеннаго недвижимаго имущества, *по волю собственника*, кредитное установленіе имѣетъ право потребовать возврата соразмѣрной части ссуды и ранѣ истеченія первоначально назначеннаго при залогѣ имущества срока; если же *собственникъ* не удовлетворитъ этого требованія добровольно, то кредитному установленію предоставляется вчинать противъ *владѣльца* имущества искъ въ судѣ о взысканіи части ссуды, соразмѣрно такому обезцѣвленію».

По поводу этого закона можно и слѣдовало бы сказать многое, какъ о техническихъ приемахъ нашей законодательной практикѣ, такъ и о выработываемыхъ ею началахъ гражданскаго права. Но мѣсто и время вынуждаютъ насъ ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями. Прежде всего, рождается, конечно, вопросъ о томъ, откуда взялся этотъ законъ? Чтѣ послужило поводомъ въ его изданію и какіе интересы предполагается имъ охранять? А затѣмъ уже вопросъ о томъ, дѣйствительно ли и въ какой мѣрѣ законъ этотъ можетъ достигнуть той цѣли, для которой онъ написанъ?

Поводомъ въ изданію этого закона послужили, по всей вѣроятности, ходатайства земельныхъ банкоу, заявленные правительству еще въ 1872 и 1874 годахъ. Говоримъ «по всей вѣроятности» — потому, что законъ 22 октября только отчасти отвѣчаетъ на эти ходатайства, да и то лишь въ томъ случаѣ, если практика наша дастъ этому закону самое широкое толкованіе. Въ чемъ же заключались эти ходатайства? А вотъ въ чемъ. Нѣкоторые залогодатели, въ виду 1099 и 1100 ст. уст. гражд. судопр., объявляющихъ дѣйствительными договоры по имѣнію, заключенные до полученія повѣстки объ исполненіи, стали *обезцѣнивать* заложенные имѣнія отдачею ихъ въ долго-

срочную аренду за плату, гораздо низшую действительной доходности имѣнія, но за то съ полученіемъ одновременно извѣстной денежной суммы, въ договорѣ неозначасмой, или же: передъ наступленіемъ сроковъ для платежа извѣстной суммы земельному банку продавали изъ имѣнія лѣсъ на срубъ, постройки на сносъ и т. п. Вслѣдствіе этого на первомъ сѣздѣ представителей земельных банковъ, происходившемъ въ 1872 году, постановлено: «ходатайствовать, чтобы изъ числа арендныхъ договоровъ, заключенныхъ владѣльцемъ имѣнія послѣ припечатанія запрещенія о выдачѣ залоговаго свидѣтельства для залога того имѣнія въ земельномъ банкѣ, только тѣ договоры признавались, въ случаѣ продажи имѣнія за долгъ банку, обязательными для покупателя имѣнія, которые были заключены съ разрѣшенія банковаго учрежденія». Это постановленіе сѣзда, въ числѣ прочихъ, было представлено министру финансовъ, который препроводилъ его, въ свою очередь, на заключеніе министра юстиціи. Но послѣдній нашелъ неудобнымъ разрѣшать этотъ частный вопросъ «въ виду скораго разрѣшенія общаго предположенія объ ипотекѣ», которое уже тогда находилось въ государственномъ совѣтѣ. Поэтому, министр юстиціи высказалъ въ заключеніи, что рѣшеніе возбужденнаго сѣздомъ вопроса должно быть отложено до разсмотрѣнія ипотечнаго устава. Въ 1874 году вновь собрался сѣздъ представителей ипотечнаго кредита, и на этотъ сѣздъ поступили отъ нѣсколькихъ земельных банковъ настоятельныя требованія о скорѣйшемъ, неотложномъ рѣшеніи поставленнаго первымъ сѣздомъ вопроса, въ виду того, что въ практикѣ появляются случаи, которые могутъ поставить банки въ безвыходное положеніе. «Вопросъ о контрактахъ, обезцѣнивающихъ залоги», — писалъ, напр., харьковскій земельный банкъ — «кажется, безъ преувеличенія, можно назвать вопросомъ съ угрожающимъ характеромъ». Вслѣдствіе этого и 2-й сѣздъ возобновилъ изложенное выше ходатайство, заявленное правительству 1-мъ сѣздомъ¹⁾.

¹⁾ Сѣданія по этому предмету мы заимствуемъ изъ стенографическаго отчета о засѣданіяхъ 2-го сѣзда.

Надо думать, что законъ 22 октября находится въ связи съ этими ходатайствами; на это указываетъ, по крайней мѣрѣ, общая мысль, лежащая въ основѣ этого закона и заключающаяся въ томъ, что кредитору принадлежитъ право и до наступленія срока обязательству должника принимать мѣры къ огражденію своихъ правъ. Мысль эта представляетъ совершенную новостъ въ нашемъ законодательствѣ. До сихъ поръ у насъ неизмѣнно господствовало представленіе о томъ, что личность и имущественная дѣятельность должника, пока не наступилъ срокъ исполненія обязательства и онъ не оказался неисправнымъ, находилась внѣ всякаго вліянія кредитора. Вмѣшательство послѣдняго въ дѣла должника съ цѣлью охраненія своихъ интересовъ у насъ всегда считалось незаконнымъ посягательствомъ на неприкосновенность имущественной свободы должника. Законъ нашъ ни разу еще не рѣшался ограничить принципиально эту свободу должника. Кредиторъ обыкновенно долженъ спокойно смотрѣть на то, какъ, напр., должникъ неблагоразумными распоряженіями разоряетъ свое имѣніе и уничтожаетъ возможность исправнаго выполненія своихъ обязанностей къ нему, кредитору. Законъ 22 октября представляетъ первую попытку нашего законодательства взглянуть на дѣло съ иной точки зрѣнія, принять въ резонъ и интересы кредиторовъ. Но что же это за попытка? Въ системахъ права, болѣе развитыхъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ ограниченій указаннаго выше начала невмѣшательства въ хозяйственныя распоряженія должника своимъ имуществомъ, — ограниченій, которыя дѣйствительно могутъ привести къ охраненію кредиторскихъ правъ отъ уничтоженія ихъ неразумными или несправедливыми дѣйствіями должника. Въ римскомъ правѣ, напр., эту цѣль преслѣдуютъ нѣсколько разнородныхъ институтовъ, изъ которыхъ особенно важное значеніе имѣетъ *actio Pauliana*, т.-е. право кредитора оспаривать всѣ тѣ юридическія и отчасти хозяйственныя дѣйствія должника, которыя направлены къ тому, чтобы ослабить свою платежную способность и тѣмъ нанести вредъ кредитору. Новѣйшія законодательства также приняли это начало римскаго права и об-

ставили его разными правилами, облегчающими возможность для кредитора выиграть процесс подобнаго рода. Между тѣмъ законъ 22 октября содержитъ въ себѣ лишь слабый намекъ на этотъ, дѣйствительно живой, юридическій принципъ: во-первыхъ, новый законъ нашъ въ извѣстномъ смыслѣ ограждаетъ права не всѣхъ кредиторовъ вообще, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые, пожалуй, менѣе другихъ въ этомъ нуждаются, а во-вторыхъ, какъ ограждаетъ? Что значать слова этого закона: «вчинать противъ владѣльца имущества искъ въ судѣ о взысканіи части ссуды соразмѣрно обезцѣненію?» Значитъ ли это, по крайней мѣрѣ, что кредитное установленіе выправѣ до срока потребовать взысканія этой части ссуды изъ имущества, ему незаложеннаго? Изъ редакціи закона такое право кредитнаго установленія вывести трудно; а если его дѣйствительно нѣтъ, то законъ 22 октября смѣло можно признать произведеніемъ мертворожденнымъ: заломодатели, по древнему, будутъ обезцѣнивать заложенные имѣнія и предоставлять своимъ кредиторамъ лишь крохи, которыя останутся отъ этихъ имѣній. Во всякомъ же случаѣ, читая этотъ законъ и сопоставляя его съ другими, остающимися въ силѣ, законами, невольно приходишь къ заключенію, что въ законодательной практикѣ нашей—въ чемъ она касается системы гражданскаго права—понынѣ царитъ полнѣйшее отсутствіе принципиальности и чего-нибудь похожаго на общее направленіе.

Оканчивая обзорѣніе выпедшихъ въ 1877 году законовъ, относящихся къ судебному дѣлу, намъ слѣдовало бы еще остановиться на такъ-называемой реформѣ кассационнаго производства 10 іюля. Но объ этой реформѣ мы такъ много говорили уже въ истекшемъ году, что теперь рѣшительно нѣтъ охоты возвращаться къ ней. Подождемъ, что скажетъ практика правительствующаго сената о новомъ порядкѣ; авось—вопреки всѣмъ ожиданіямъ—дѣло пойдетъ дѣйствительно успѣшнѣе, чѣмъ было до сихъ поръ. Многое, если не все, здѣсь будетъ зависѣть, конечно, отъ личныхъ свойствъ вновь назначенныхъ

сенаторовъ: при хорошемъ составѣ судей, самый плохой порядокъ судопроизводства будетъ все-таки лучше для общества, чѣмъ самый лучший порядокъ при судьяхъ неумѣлыхъ, лѣнивыхъ или недобросовѣстныхъ. Но гдѣ возьметъ министерство юстиціи столько заслуженныхъ и въ то же время вполне опытныхъ юристовъ, чтобы замѣстить всѣ вновь открытыя закономъ 10 іюня сенаторскія вакансіи? говорили почти въ одинъ голосъ противники сенаторской реформы въ томъ видѣ, какъ она осуществлялась. Найдутся люди, отвѣчали другіе... И дѣйствительно напались: въ декабрѣ истекшаго года замѣщены уже почти всѣ новыя мѣста. Однако, читая послѣднія назначенія, нельзя не замѣтить, что министерство юстиціи, повидимому, истощило уже всѣ свои средства въ этомъ отношеніи; вышло изъ новыхъ судебныхъ мѣстъ все, что можно было взять для пополненія кассационнаго суда по новому, громадному его штату; вышло сразу на сенаторскія мѣста четырехъ председателей и столѣныхъ же прокуроровъ палатъ, взяло даже двухъ председателей окружныхъ судовъ, и все-таки пришлось дать мѣста въ кассационномъ судѣ, между прочимъ, и такимъ лицамъ, которые никогда не служили въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Это послѣднее обстоятельство въ высшей степени знаменательно. Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы человѣкъ, не служившій въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ, абсолютно уже не могъ быть удовлетворительнымъ членомъ кассационнаго суда. Еще дальше мы отъ мысли, что кто-либо изъ лицъ, получившихъ въ послѣднее время такое назначеніе, пошелъ не на свое мѣсто. Нѣтъ; но указанное сейчасъ обстоятельство — что бы тамъ ни говорили — все-таки свидѣтельствуеетъ о скудости юридическихъ силъ въ нашемъ судебномъ сословіи. И, съ этой точки зрѣнія, насъ занимаетъ теперь вопросъ о томъ, не слѣдовало ли бы принять теперь же какія нибудь мѣры въ тому, чтобы въ будущемъ не было затрудненій при замѣщеніи сенаторскихъ и оберъ-прокурорскихъ мѣстъ въ нашемъ кассационномъ судѣ. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться теперь же. Для уголовного департамента этого суда у насъ,

конечно, всегда найдется достаточное число удовлетворительных кандидатов: этому департаменту приходится имѣть дѣло исключительно съ уложеніемъ о наказаніяхъ и уставомъ уголовного судопроизводства, которые дѣйствуютъ, почти безъ малѣйшихъ извѣтій, на всемъ пространствѣ нашей страны; изученіе же этихъ двухъ книгъ—даже изученіе самое глубокое—не требуетъ, конечно, ни обширной теоретической подготовки, ни слишкомъ долголѣтней практики. Человѣкъ даже среднихъ способностей можетъ изучить уголовное дѣло въ 5—6 лѣтъ настолько, что будетъ вполне удовлетворительнымъ членомъ кассационнаго суда, вѣдающаго эту часть судебного дѣла. Слѣдовательно, отъ кандидатовъ на сенаторскія и оберъ-прокурорскія мѣста по этому департаменту, кромѣ заслуженности и хорошаго общаго образованія, требуется весьма не многое; а въ такихъ кандидатахъ недостатка, конечно, не будетъ: заслуженнѣйшіе изъ предсѣдателей или прокуроровъ судебныхъ палатъ—вотъ естественные и вполне удовлетворительные кандидаты въ члены уголовного кассационнаго департамента. Но совсѣмъ другое дѣло—департаментъ гражданскій. Здѣсь ни продолжительность службы, ни самое блестящее общее образованіе ничего не помогутъ безъ образованія спеціальнаго, и притомъ самаго солиднаго. Уже и теперь, при дѣйствіи уставовъ 20 ноября лишь во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гражданскому кассационному департаменту сената иногда приходится очень жутко отъ всевозможныхъ вопросовъ права, которые то и дѣло шлютъ на его разрѣшеніе низшія судебныя мѣста. Читая иное рѣшеніе этого департамента, такъ и видишь, что правительствующій сенатъ шелъ къ своей резолюціи совершенно ощупью, въ потемкахъ и по мало знакомой намъ, русскимъ, тропинкѣ юридическаго мышленія, или—что гораздо чаще видно, что сенатъ сначала рѣшилъ дѣло по чувству естественной справедливости, а затѣмъ уже подгонялъ мотивы, какъ бы соблюдая лишнюю формальность, установленную закономъ. На многихъ рѣшеніяхъ уже и теперь замѣтна слабость юридическаго развитія нашихъ практиковъ. А вѣдь въ настоящее время гражданскому нас-

кассационному департаменту приходится имѣть дѣло, такъ сказать, только съ цвѣточками; ягоды—еще впереди. До сихъ поръ здѣсь рѣшались вопросы матеріальнаго права исключительно почти по 1 ч. X т. Какъ ни плоха эта книга, но она имѣетъ одно огромное удобство для русскаго юриста: при дѣйствіи этой книги, можно всѣ почти спорные вопросы права рѣшать по совѣсти, не рискуя быть уличеннымъ въ юридическомъ невѣжествѣ; потому что въ самомъ сводѣ общихъ началъ права нѣтъ, а брать такіа начала изъ науки и примѣнять ихъ совѣстно и на ряду съ постановленіями свода въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно безъ явной опасности дойти до абсурда; можно и нужно, слѣд., пополнять всѣ многочисленныя пробѣлы свода «здравымъ смысломъ»; а это-то и наиболѣе съ руки русскому цивилисту. Но въ прошломъ году уже начали поступать въ гражданскій кассационный департаментъ дѣла изъ варшавскаго судебного округа, а можетъ быть не далѣе какъ въ будущемъ—станутъ поступать изъ остзейскаго края. Тамъ и здѣсь дѣйствуютъ, какъ извѣстно, особые гражданскіе кодексы, основательное изученіе которыхъ почти невозможно безъ предварительнаго ознакомленія, во крайней мѣрѣ, съ основными началами римскаго права. Рѣшать по совѣсти спорные вопросы права, которые будутъ возникать въ этихъ двухъ окраинахъ, уже не приходится: и поляки и въ особенности остзейскіе нѣмцы привыкли къ самой строгой законности въ гражданскихъ судахъ. Какъ же быть кассационному сенату, который въ большинствѣ состоитъ изъ лицъ, получившихъ только «домашнее» юридическое образованіе и знающихъ римское право развѣ по наслышкѣ? Какъ будетъ справляться съ этимъ дѣломъ нынѣшній составъ сената—не знаемъ; вѣроятно, вся тяжесть предстоящаго ему юридическаго труда упадетъ на меньшинство, а большинству останутся только «отдѣленія». Но было бы огромною ошибкою со стороны нашихъ младшихъ юристовъ не принять теперь же мѣръ къ устраненію указаннаго неудобства въ будущемъ. Если мы и въ будущемъ останемся только при домашнемъ образованіи,

то необходимо придетъ къ слѣдующему: или нашъ верховный судъ потеряетъ всякое значеніе и всякій вѣсъ по своему юридическому безсилію, и жители окраинъ получатъ новый и основательный поводъ презирать все русское; или пополнить составъ сената надо будетъ исключительно лицами, получившими образованіе и служившими на окраинахъ, а русскимъ юристамъ придется довольствоваться скромною ролью низшихъ, домашнихъ судей, гдѣ можно обходиться и безъ римскаго права. Чтобы не случилось ни того, ни другаго — намъ слѣдуетъ, отбросивъ ложный стыдъ и излишнюю самоувѣренность, взяться за учебники и переучиться. Каковы должны быть рядомъ съ этимъ мѣры судебной администраціи — понятно само собою и разяснять ихъ мы не станемъ.

Но легко сказать: взяться за учебники. Давая этотъ совѣтъ нашимъ практикамъ, мы чувствуемъ, что говоримъ почти въ пустынь. Огромное большинство нашихъ судебныхъ дѣателей навѣрное только посмѣялись бы надъ этимъ совѣтомъ, если бы онъ и дошелъ до нихъ какимъ-нибудь чудомъ. Говоримъ: «какимъ-нибудь чудомъ» — по слѣдующему основанію: въ концѣ послѣдней книжки «Журнала Гражд. и Угол. Пр.» за истекшій годъ приложенъ весьма любопытный документъ, подъ наваніемъ: «матеріалы журнальной статистики». Изъ этого документа оказывается, что «Журналъ» имѣлъ въ 1877 году всего 775 подписчиковъ; а между тѣмъ въ этомъ году состояло на лицо 1822 лица въ должностяхъ судей и прокуроровъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, не считая притомъ варшавскаго и тифлискаго округовъ. А мировые судьи? А присяжные повѣренные? Чѣмъ же питаетъ свою юридическую мысль вся эта юридическая публика? Вѣдь специально-юридическое изданіе у насъ въ Россіи только одно и есть, что «Жур. Гр. и Угол. Пр.» — «Юридическій Вѣстникъ» получаютъ почти исключительно члены московскаго юридическаго общества, а «Временникъ» демидовскаго лица вовсе не имѣетъ подписчиковъ. Что же читаютъ наши судебные дѣатели по своей спеціальности? Очевидно, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ: «ничего». Можно бы подумать, конечно, что на каждый судъ

выписывается одинъ экземпляръ «Журнала», которымъ и пользуется весь составъ по очереди и по мѣрѣ надобности. Но тѣже неумолимые «матеріалы» свидѣтельствуютъ, что и этого нѣтъ. Въ новгородскую губернію, напр., выписывается всего два экземпляра: одинъ—въ Тихвинъ и другой—въ Кирилловъ; выписываютъ, очевидно, мировые судьи или судебные слѣдователи; а между тѣмъ въ этой губерніи—три окружныхъ суда. Значить, ни одинъ изъ членовъ и прокуроровъ этихъ судовъ не получаетъ юридическаго журнала и даже не имѣетъ возможности пользоваться имъ отъ другихъ. Гдѣ жъ послѣ этого говорить объ учебникахъ по римскому праву и другихъ мудреныхъ вещахъ? Видно русскіе судьи, какъ нѣкогда купцы, успокоиваются на пословицѣ: «дѣды не знали по-латыни, а жывали лучше, чѣмъ мы нынѣ».

II. С.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ. Сочиненіе *Михаила Малинина*.
Одесса. 1877.

Оцѣнка всякаго научнаго сочиненія можетъ быть сдѣлана съ двухъ точекъ зрѣнія, съ двухъ сторонъ. Можно, съ одной стороны, разсматривать самую задачу, которую себѣ ставитъ авторъ и оцѣнивать, разбирать вопросъ, правильно ли намѣчена цѣль, преслѣдуемая авторомъ, ту ли цѣль преслѣдуетъ авторъ, которую онъ съ точки зрѣнія извѣстныхъ основаній долженъ былъ преслѣдовать. Съ другой стороны, можно принять за отправную точку самую задачу, самую цѣль автора, и уже съ точки зрѣнія этой цѣли разбирать сочиненіе, разсматривать въ немъ выполненіе поставленной задачи, заниматься вопросомъ, правильно ли, удовлетворительно ли разрѣшена поставленная задача. Обѣ стороны оцѣнки находятся иногда въ тѣсной связи между собою, такъ что одна точка зрѣнія выясняетъ неудовлетворительность труда и съ другой; но вслѣдствіе того, что подобная связь не всегда имѣетъ мѣсто, все-таки обѣ стороны разсмотрѣнія должны быть раздѣлены.

Останавливаясь на задачѣ, которую разрѣшаетъ г. Малининъ въ приведенномъ сочиненіи (во введеніи къ нему, стр. 3—5), мы видимъ, что она сводится къ догматическому разсмотрѣнію вопроса о судебномъ признаніи по французскому, германскому и русскому праву; римскимъ и каноническимъ правомъ авторъ

пользуется лишь настолько, насколько они выясняют современную теорию ¹⁾ вопроса, а литературными пособиями — насколько они выясняют источники и их начала; излагая постановления европейских законодательств, автор, где позволяет их единство, создает общую теорию их, отгняя постановления отдельных законодательств и в особенности русского только тогда, когда они представляют отклонения от этой общей теории (стр. 4). В такому приему исследования автора побуждают следующие соображения: основной принцип современного права есть принцип личности, он является и в теории процессуального права определяющим учение о тяжущихся лицах, их правах и обязанностях (стр. 3); в особенности вопрос о судебном признании более другого представляет данные для исследования высказанного основного принципа. «Потребность, — продолжает автор, — в наибольшем жизненном значении должна искать и может находить себе удовлетворение, в области науки, только путем исследования и вскрытия этой идеи в нормах закона, имеющего своей задачей охрану личности. Философский принцип права является живым действующим началом по мере того, как он проникает в сознание общества, но он становится практически обязательным, действующим в жизни началом, следовательно, получает наибольшее культурное значение, когда формулируется в положительном законодательстве и затем подвергается научным исследованиям в своем существе и деталях» (стр. 4). Применение же принципа личности в процессу автор выясняет так: «в процессе с первого до

¹⁾ Очевидно, здесь под теорией автор понимает общия начала или отдельных законодательств или всех их вместе. Такое понятие теории встречается у г. Малинина и в других местах (напр. стр. 41, 126 in f., оглавление VII отгла, стр. 114). Но в иных местах автор под теорией уже понимает иное; так, на стр. 125, говоря о квалифицированном признании по прусскому законодательству, он не находит постановлений о нем и относит поэтому решение данного вопроса к теории, которая, по его словам представляется крайне противоречивою и разнообразною (пр. 16). Здесь уже теория является в виде мнений ученых, или на стр. 138 пр. 51 in f. сказано: французская теория единогласно проводить воззрения, высказанные в тексте.

последняго шага дѣйствія тяжущихся должны имѣть своей внутренней подкладкой нравственное достоинство личности; но само собою разумѣется, что эти требованія о нравственномъ достоинствѣ тяжущагося должны опредѣляться съ точки зрѣнія процессуальнаго права, т. - е. въ томъ смыслѣ, чтобы въ дѣйствіяхъ тяжущагося не было нарушенія правъ личности другихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ; въ этомъ смыслѣ процессуальныя дѣйствія тяжущихся должны быть честны и добросовѣстны; въ этомъ смыслѣ требуется добросовѣстность въ объясненіяхъ и заявленіяхъ стороны относительно обстоятельствъ спорнаго дѣла* (стр. 3). Приведеннымъ мы почти исчерпали содержаніе введенія; мы сдѣлали это для того, чтобы полнѣе выяснитъ задачу, въ разрѣшенію которой стремится г. Малининъ. Изъ вышевыявленной задача эта, казалось, должна была состоять въ томъ, чтобы показать примѣненіе принципа личности къ постановленіямъ о судебномъ признаніи европейскихъ законодательствъ; слѣдовательно, изслѣдованіе автора должно было быть не столько догматическимъ, сколько критико-догматическимъ, — слѣдовало принципомъ личности провѣрять законы о судебномъ признаніи, и тогда былъ бы исполнѣнъ пенятецъ сравнительный методъ, употребленный авторомъ въ изслѣдованіи; сравнивая нѣсколько законодательствъ, онъ могъ придти къ выводу, въ какомъ законодательствѣ лучше проведенъ этотъ принципъ. Но если бы авторъ и поступилъ такимъ образомъ, въ виду поставленной имъ же самимъ дѣли, едва ли пришелъ бы онъ къ результатамъ удовлетворительнымъ. Конечно, принципъ личности играетъ важную роль въ современномъ правѣ; каждый человекъ признается лицомъ въ современномъ государствѣ, и за каждымъ считаются права личности (*Rechte der Persönlichkeit*); но не этотъ принципъ ближайшимъ образомъ долженъ разрѣшать вопросъ о судебномъ признаніи въ гражданскихъ дѣлахъ, не имъ должны опредѣляться особенности началъ законодательства и взглядовъ литературы на счетъ судебного признанія. Какъ мы уже видѣли, принципъ личности проявляется въ гражданскомъ судопроизводствѣ, по мнѣнію г. Малинина, въ томъ, что отъ сторонъ требуется добросовѣст-

ность въ заявленияхъ. Приведемъ по этому поводу слова Ветцелля (*System des ordentlichen Civilprocesses*, 3 изд., стр. 170 § 19 вначалѣ): «такъ какъ сторонамъ предоставлено ссылаться на факты, которые могутъ поддержать предъявленный ими искъ, то отъ нихъ свободного усмотрѣнія должно зависѣть признать истину утверждаемыхъ противною стороною фактовъ или ее оспаривать. Правдивенно, правда, при этомъ они связаны своею совѣстью; но такъ какъ тотъ или другой родъ ихъ заявленій оказываетъ существенное вліяніе на исходъ процесса, то юридически имъ поставлена граница лишь настолько, насколько они подлежатъ наказанію за умышленную ложь въ нѣкоторыхъ закономъ обозначенныхъ случаяхъ». Положеніе, высказанное Ветцеллемъ, тѣмъ болѣе примѣнимо въ нашему судопроизводству, что у насъ нѣтъ вовсе случаевъ, «обозначенныхъ закономъ», о которыхъ говоритъ Ветцелль; поэтому намъ кажется невѣрнымъ положеніе г. Малинина о принципѣ личности. Судебное признаніе, его природа, особенности—опредѣляются въ гражданскомъ процессѣ существомъ гражданскихъ правъ и изъ него вытекающимъ составительнымъ началомъ (*Verhandlungsmomente*) процесса, это начало должно быть, по нашему мнѣнію, поставлено руководящею идею законодательства о признаніи въ гражданскихъ дѣлахъ¹⁾. Но г. Малининъ, несмотря на высказанное имъ о принципѣ личности, вовсе не изслѣдовалъ законодательства съ точки зрѣнія руководящей идеи. Изъ содержанія его монографіи, а также изъ заявленій, сдѣланныхъ имъ во введеніи (стр. 4) и при разсмотрѣніи квалифицированного признанія (стр. 115) видно, что онъ производилъ свое изслѣдованіе престо догматически, притомъ не по одному только русскому праву, но и по римскому, германскому и французскому. Такое quasi-сравнительное догматическое изслѣдованіе вопросовъ права не представляется намъ основательнымъ—по той простой причинѣ, во-первыхъ, что успѣшно его

¹⁾ Правда, добросовѣстность сторонъ требовалась по римскому праву при такъ называемыхъ *interrogationes*, но основныя начала этихъ *interrogationes* рѣзко отличаются отъ началъ современнаго процесса и въ особенности отечественнаго. Съ *interrogationes* мы встрѣтимся ниже.

трудно выполнить, а во-вторых потому, что нѣтъ никакой цѣли сопоставлять законодательства, не дѣлая изъ этого сопоставленія какихъ либо выводовъ. Что касается до успѣшности изслѣдованія нѣсколькихъ законодательствъ разомъ, то, понятно, она только тогда можетъ быть признана существующею, когда каждое законодательство относительно того или другого вопроса изслѣдуемо подробно, всесторонне, когда приняты въ соображеніе всѣ литературныя пособія, касающіяся даннаго вопроса, и правителескіе случаи; вмѣстѣ съ тѣмъ понятно и то, что изслѣдовать всесторонне легче одно законодательство, чѣмъ три или четыре; каждому изслѣдователю потому представляется на выборъ или изслѣдовать одно законодательство, но съ надлежащею полнотою, или заняться изслѣдованіемъ нѣсколькихъ, но уже съ меньшими шансами на удовлетворительность работы. Нечего и говорить о томъ, что кто можетъ изслѣдовать разомъ нѣсколько законодательствъ съ одинаковою подробностью, полнотою и всесторонностью, пусть это дѣлаетъ; но обыкновенно, какъ показываетъ практика, изслѣдователь, занявшійся нѣсколькими законодательствами, не выясняетъ всесторонне вопроса ни по одному, — изслѣдованіе его выходитъ повѣрхностно, ни на одномъ законодательствѣ онъ основательно не останавливается. Отсюда ясно: для изслѣдованія заслуживаетъ предпочтеніе одно какое либо законодательство, тѣмъ болѣе, что даже самый тщательный трудъ по различнымъ законодательствамъ будетъ имѣть лишь цѣну отдѣльныхъ монографій по каждому, если только изъ сопоставленія законодательствъ не сдѣлано никакихъ выводовъ. Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію выводовъ, которые должны быть сдѣланы при сравненіи законодательствъ, и въ виду которыхъ только и можетъ быть признанъ сравнительный методъ. Выводы, съ одной стороны, могутъ быть направлены на оцѣнку постановленій кодексовъ; изъ сравненія ихъ, усненія различія непременно возбудится вопросъ, какое же изъ постановленій лучше, въ какомъ направленіи должно быть измѣнено постановленіе, словомъ вопросъ *de lege ferenda*; понятно, что тутъ сравненіе будетъ очень полезно и приведетъ къ выводамъ вполне

цѣлесообразнымъ. Съ другой стороны, выводъ можетъ заключаться въ сходствѣ или несходствѣ постановленій одного законодательства съ другимъ, но уже не съ цѣлью критики, а съ цѣлью выясненія началъ извѣстнаго законодательства, чтобы выдвинуть ихъ рельефнѣе, представивъ ихъ различіе съ началами другого, или чтобы, показавъ ихъ сходство, объяснить дальнѣйшее развитіе этихъ началъ въ примѣненіи, напр., въ практическомъ случаѣ, болѣе очевиднымъ образомъ; тутъ будетъ идти вопросъ *de lege lata*,—эта *lex lata* будетъ центромъ изслѣдованія, сравнительный методъ займетъ второстепенное мѣсто лишь для уясненія разсматриваемаго законодательства. Можно эти обѣ стороны изслѣдованія соединять, можно ихъ видоизмѣнять, но сущность дѣла отъ этого не перемѣнится. Мы остановимся на особенно интересномъ видоизмѣненіи приѣмовъ изслѣдованія, на созданіи общей теоріи по тому или другому юридическому вопросу, такъ какъ это видоизмѣненіе имѣетъ также непосредственное отношеніе къ разбираемому сочиненію. Общая теорія создается или на основаніи критико-догматическаго метода или на основаніи чисто догматическаго; въ первомъ случаѣ она можетъ имѣть мѣсто и при различіи законодательствъ, во второмъ, очевидно, только при ихъ сходствѣ; поэтому, для созданія общей теоріи въ послѣднемъ случаѣ необходимо сначала изслѣдовать данныя законодательства безъ всякой предвзятой идеи и только тамъ, гдѣ откроется сходство между ними, создавать общую теорію, которая опять-таки будетъ имѣть смыслъ лишь настолько, насколько выясняетъ данное законодательство. Будетъ, конечно, имѣть смыслъ и общая теорія, составленная на основаніи критико-догматическаго метода; но ея значеніе будетъ совершенно другое, нежели только-что представленное; конечною цѣлью первой (сдѣланной на основаніи критико-догматическаго метода) будетъ вопросъ *de lege ferenda*, конечною цѣлью послѣдней—вопросъ *de lege lata*, и потому она должна принять за отправную точку одно какое-либо законодательство, на немъ сосредоточить все вниманіе и выясненіе его сдѣлать своею задачею. Общую чисто догматическую теорію всѣхъ континентальныхъ законо-

дательствъ едва ли возможно создать, въ виду разнообразія не только находящихся въ нихъ началъ, но и развитія ихъ въ подробностяхъ; но даже если и можно себѣ представить, несмотря на это разнообразіе, такой трудъ, который выяснилъ бы сходственные черты этихъ законодательствъ и потому разобралъ бы догматически развитіе несходственныхъ, то онъ едва ли выполнимъ на практикѣ. Обращаясь затѣмъ къ сочиненію г. Малинина, мы находимъ: 1) что, рассматривая разомъ нѣсколько законодательствъ, онъ всесторонне не выяснилъ ни одного изъ нихъ: это уже можетъ быть видно изъ того, что онъ на спорныхъ мнѣніяхъ ученыхъ, касающихся даннаго законодательства, вовсе не останавливается; 2) что изслѣдованіе его не критико-догматическое, а догматическое; 3) что, рассматривая догматически различные законодательства, онъ не беретъ ни одного изъ нихъ за отправную точку и въ выводахъ изъ ихъ сопоставленія, для уясненія того или другаго законодательства, не приходитъ; 4) что если у него и создается общая теорія, то она есть скорѣе результатъ предвзятой идеи, нежели плодъ правильнаго догматическаго изслѣдованія началъ каждаго изъ рассматриваемыхъ имъ законодательствъ. Такимъ образомъ, изъ разбора самой задачи автора, мы отчасти приходимъ къ тому мнѣнію, что не только сама по себѣ она поставлена не вѣрно, но и выполнена не вполне основательно. Дальнѣйшій разборъ и будетъ посвященъ вопросу выполненія поставленной авторомъ задачи. Первый отдѣлъ сочиненія г. Малинина опредѣляетъ понятіе признанія (стр. 7—17); оно такъ характеризуется авторомъ: «признаніе есть заявленіе тяжущихся о прошломъ или настоящемъ спорнаго правоотношенія по собственному понятію и разумѣнію о томъ самихъ тяжущихся» (стр. 8). Авторъ несогласенъ съ опредѣленіями германскихъ ученыхъ; изъ всѣхъ ихъ, наиболѣе подходящимъ къ истинному считаетъ онъ опредѣленіе Лангенбека: *als Geständnis bezeichnen wir im allgemeinen die Aeusserungen einer Partei, aus welcher sich entnehmen lässt, dass in Ansehung einer dadurch bewährten Behauptung einer andern Partei Uebereinstimmung zwischen beiden vorhanden ist* (стр. 17 пр. 1); но чѣмъ это опредѣленіе

подходить ближе къ взгляду автора, нежели опредѣленіе Савиньи, гласящее: «das gerichtliche Geständniss ist die Erklärung, welche eine streitende Partei vor dem Richter des vorliegenden Rechtsstreits über Gegenstände dieses Streites abgibt» (System des heutigen römischen Rechts, Beil. VII, § 308 S. 41) ¹⁾, о которомъ авторъ не говоритъ ни слова. На сколько же вѣрно само опредѣленіе г. Малинина? Во-первыхъ, слова: «по собственному понятію и разумѣнію о томъ самихъ тяжущихся» въ опредѣленіи совершенно излишни, они понятны сами собою; не по чужому же разумѣнію будутъ разсуждать тяжущіеся на судѣ объ обстоятельствахъ, касающихся ихъ дѣла, — они дадутъ вѣдь свои, а не чужія показанія о дѣлѣ. Во-вторыхъ, есть ли признаніе единоличное заявленіе, независимое отъ того, согласно ли оно съ заявленіемъ противника, или нѣтъ? Авторъ, какъ видно изъ опредѣленія, понимаетъ его въ этомъ смыслѣ, что подтверждается еще слѣдующими словами автора, въ которыхъ онъ выставляетъ первый признакъ признанія: «тяжущійся дѣлаетъ заявленіе о спорномъ правоотношеніи независимо отъ того, согласно ли оно съ заявленіями противной стороны, или нѣтъ, — оно само по себѣ есть фактъ выраженія собственного воспріятія представленія или понятія тяжущагося, есть единоличное признаніе. При этомъ у заявляющаго могло быть намѣреніе сказать правду о данныхъ фактахъ или только сказать понятіе о нихъ, независимо отъ вѣрности этого понятія съ дѣйствительностью. Во всякомъ случаѣ, какъ единоличное заявленіе, оно есть прежде всего фактъ, показывающій, что сторона сдѣлала такое заявленіе и, слѣдовательно, должна отвѣчать за него, какъ за свое; но въ глазахъ другихъ лицъ оно недостаточно для констатированія дѣйствительности и достовѣрности заявленныхъ фактовъ и какъ выраженіе субъективныхъ воззрѣній никомъ образомъ не обязательно для другихъ» (стр. 9). На слѣдующей однако стра-

¹⁾ Савиньи смотритъ на признаніе какъ на заявленіе, устанавливающее предметъ спора, и согласенъ съ тѣмъ, что формальная истина устанавливается лишь въ пунктахъ согласныхъ заявленій тяжущихся (ib. S. 41, ср. § 303).

нищъ г. Малининъ замѣчаетъ: «согласное заявленіе тяжущихся о данномъ обстоятельстве дѣла имѣетъ по отношенію въ спору то значеніе, что дѣлаетъ это обстоятельство бесспорнымъ между ними, дѣлаетъ излишнимъ доказыванье его, оно становится юридически извѣстнымъ. Эта юридическая извѣстность и дается признаніемъ, въ ней *лающий смыслъ ея*». То же на страницѣ 87: «изъ понятія о судебномъ признаніи мы видѣли, что оно, будучи *согласнымъ заявленіемъ сторонъ о данномъ предметѣ*, устраняетъ споръ между ними объ этомъ предметѣ, дѣлаетъ предметъ въ этомъ смыслѣ въ глазахъ суда юридически извѣстнымъ». Такимъ образомъ, считая признаніе одностороннимъ заявленіемъ, авторъ самъ признаетъ его значеніе тогда, когда оно согласно съ заявленіями противника. Последнее совершенно вѣрно. Конечно, всякое одностороннее заявленіе стороны можно назвать признаніемъ, но вопросъ состоитъ въ томъ, что должно технически понимать подъ признаніемъ въ процессуальной теоріи, какое изъ заявленій сторонъ имѣетъ особую природу, особую юридическую силу, которая выдѣляла бы его въ особое понятіе. Въ этомъ отношеніи заявленія сторонъ представляются различными: стороны по поводу однихъ заявленій могутъ быть согласны между собою, по поводу другихъ — расходятся. Если заявленіе одной стороны относительно извѣстныхъ обстоятельствъ, играющихъ роль въ спорномъ юридическомъ отношеніи, сходится съ заявленіемъ другой, ихъ согласіе дѣлаетъ необходимость представленія другихъ доказательствъ излишнимъ, заявленіе это получаетъ само по себѣ особенное значеніе въ процессѣ — *probatio probatissima*, и потому можетъ и должно быть выдѣлено, какъ особый случай доказательства, какъ особое техническое понятіе, которому присвоивается и особое названіе признанія. Напротивъ, когда заявленія одной стороны расходятся съ заявленіями другой, является потребность повѣрить эти заявленія другими доказательствами, заявленія сами по себѣ не имѣютъ силы, оцѣнка ихъ производится на основаніи подтверждающихъ ихъ другихъ доказательствъ. Отсюда слѣдуетъ, что одностороннее заявленіе получаетъ значеніе только тогда, когда съ нимъ будетъ согласна другая

тяжущаяся сторона; если же она согласна не будетъ, то пойдетъ рѣчь о другихъ доказательствахъ и ими, а не чѣмъ либо другимъ, будетъ разрѣшенъ данный споръ.

Авторъ для того, чтобы отстоять свое мнѣніе о единоличномъ признаніи, ссылается, главнымъ образомъ, на fr. 9 D de int. in jure fac. XI, I (стр. 9 пр. 6, стр. 13 пр. 15), но, какъ мы уже сказали, теорія *responsiones* на *interrogationes*, по крайней мѣрѣ въ нашемъ уставѣ, не играетъ роли и потому съ точки зрѣнія нашего устава едва ли можетъ упомянутый фрагментъ имѣть значеніе. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ одобрить автора и за то, что онъ признаетъ невыгодности не считаетъ нужнымъ включить въ понятіе признанія.

Въ примѣч. 11-мъ (стр. 11) г. Малининъ находитъ невѣрнымъ мнѣніе Пухты (*Pandekten*, § 98 пр. а), что невыгодность для стороны ея признанія служить лучшимъ основаніемъ для убѣжденія судьи въ достовѣрности признанныхъ обстоятельствъ. Противъ этого самъ онъ замѣчаетъ, «что судья не разсматриваетъ достовѣрность признанныхъ обстоятельствъ; если стороны сдѣлали согласныя заявленія объ одномъ и томъ же спорномъ обстоятельствѣ, для суда, разсматривающаго дѣло, обстоятельство это будетъ безспорнымъ въ производствѣ, хотя бы онъ даже зналъ, что оно фактически невѣрно. Съ другой стороны, признакъ невыгодности, по словамъ автора, не можетъ считаться невыгоднымъ уже и потому, что сторонаумышленно можетъ признать невѣрный, вредный для себя фактъ и это признаніе будетъ дѣйствительнымъ» (ib.). Авторъ тутъ уже не ссылается на римское право, между тѣмъ положеніе Пухты (§ 98 пр. а) подтверждено ссылками; сверхъ того, онъ совершенно игнорируетъ опредѣленіе понятія признанія, какъ оно сдѣлано у насъ въ русской литературѣ. Г. Малышевъ въ своемъ Курсѣ Гражданскаго Судопроизводства (1 изд., т. I, § 64, стр. 295 и сл.) согласно 480 и 112 ст. ¹⁾ гр. суд. опредѣляетъ признаніе, какъ показаніе стороны, удостоверяющее

¹⁾ Напрасно г. Малининъ объясняетъ ст. 480, какъ указывающую на тотъ только случай, когда заявленіе не требуетъ дальѣйшихъ доказательствъ.

дѣйствительность такого отношенія или обстоятельства, которое служитъ къ утвержденію правъ ея противника, и видитъ основаніе доказательной силы его въ распоряженіи частныхъ лицъ своими частными интересами и правами (стр. 296). И дѣйствительно: принявъ въ соображеніе состязательное начало нашего судопроизводства и свободную отчуждаемость гражданскихъ правъ, мы пришли къ выводу, что признаніе заключается въ заявленіи одной стороны, согласномъ съ заявленіемъ другой. Какое же изъ этихъ согласныхъ заявленій считать признаніемъ? Одно изъ нихъ непремѣнно засвидѣтельствуетъ объ обстоятельствѣ, невыгодномъ для заявившаго; это, на основаніи 480 и 112 ст. уст. гражд. судопр., а также на основаніи обыкновеннаго этимологическаго употребленія, и будетъ признаніемъ (см. опредѣленіе *Repaud*, *Lehrbuch des gemeinen deutschen Civilprocessrechts*, 2 изд., § 104, стр. 270 in f.).

Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности объясненія нашей точки зрѣнія; наша цѣль была только указать, что и она имѣетъ свои основанія и что проходить ее безъ опроверженія не слѣдовало автору ¹⁾. Сказаннымъ мы ограничимся относительно 1-го отдѣла. Во второмъ отдѣлѣ (стр. 17 — 42) г-нъ Малининъ специально занимается *судебнымъ* признаніемъ; для наличности таковаго онъ требуетъ: 1) чтобы оно было сдѣлано передъ судебною властью, 2) при производствѣ самаго дѣла и 3) при производствѣ именно того дѣла, котораго оно касалось (стр. 18 — 24). Разсматривая 2-й признакъ, авторъ затрогиваетъ весьма интересный вопросъ, какое значеніе имѣетъ признаніе, сдѣланное въ производствѣ, отиѣненномъ по кассациі, для новаго производства. Онъ приходитъ къ тому выводу, что въ новомъ производствѣ оно имѣетъ силу, но подлежитъ опроверженію (стр. 21). Мотивы этому онъ приводитъ довольно шаткіе: «въ новомъ производствѣ, — говоритъ онъ, — сторона можетъ пользоваться всеми средствами иска или защиты. Въ этомъ смыслѣ признаніе, сдѣланное въ отиѣненномъ производствѣ, является въ новомъ про-

¹⁾ Точно также г. Малининъ не признаетъ *amicus conferendi* (стр. 11).

производствъ того же дѣла по своему значенію не исполнѣ томъ же-
сказаннымъ съ судебнымъ признаніемъ, т.-е. съ признаніемъ,
сдѣланнымъ въ томъ же производствѣ (стр. 22 in f. и 23 вн.
прим. 11 ссылается на Рено, § 104, нр. 4, стр. 271, гдѣ
сказано: что признаніе, сдѣланное при производствѣ исна, въ
которомъ отказано или который прекращенъ самимъ истцомъ,
не имѣетъ значенія для новаго производства по тому же иску, —
но въѣ рдо, уже другое дѣло)». Относительно этого вопроса
важна ст. 810 уст. гр. суд., которая говоритъ: «судебное
установленіе, въ которое обращено дѣло, производитъ вызовъ
табущихся и дальнѣйшій затѣмъ ходъ дѣла подчиняется общимъ
правиламъ. Если рѣшеніе отмѣнено вслѣдствіе нарушенія су-
щественныхъ обрядовъ и формъ судопроизводства, то производ-
ство дѣла продолжается съ того дѣйствія или распоряженія,
которое признано поводомъ кассаци». Слѣдовательно, по край-
ней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, когда признаніе дано до дѣйствія
или распоряженія суда, признаннаго поводомъ кассаци, — оно
имѣетъ полную силу. Относительно остальныхъ случаевъ дер-
жится противоположнаго взгляда съ взглядомъ г. Малинина
г. Малишевъ въ своемъ Курсѣ (т. II, стр. 327—332, § 120,
въ особ. стр. 330 вн.). Остановившись на соображеніяхъ по
этому поводу не входитъ въ кругъ нашей задачи, пришлось бы
выяснить вообще значеніе отмѣненнаго производства для новаго;
здесь достаточно указать, что мнѣніе, выставленное въ Курсѣ,
игнорируется г. Малининымъ. Затѣмъ авторъ рассматриваетъ
признаніе въ уничтоженномъ производствѣ и разбираетъ во-
просъ, какъ оно должно трактоваться въ новомъ производствѣ
по тому же дѣлу, вопреки ясному смыслу 691 и 480 ст.
уст. гражд. судопр. Онъ выставляетъ заключеніе, что призна-
ніе здѣсь не есть судебное въ техническомъ смыслѣ и подле-
житъ опроверженію ¹⁾. Подспорье своему мнѣнію г. Мали-
нинъ видитъ въ томъ, что ст. 691 уст. гр. суд. ничего не
говоритъ о томъ, чтобы въ рассматриваемомъ производствѣ

¹⁾ Также говоритъ онъ въ текстѣ и о признаніи, сдѣланномъ въ производствѣ
возобновленномъ (стр. 22), но въ примѣчаніи (11 а), въ ряду яснаго смысла
ст. 688 уст. гр. суд., онъ сознается, что признаніе сохраняетъ полную силу.

признаніе не подлежало опроверженію (стр. 22); но, кажется, изъ ст. 480 и 481 по этому вопросу можетъ быть сдѣлано какъ разъ противоположное заключеніе.

Въ концѣ отдѣла авторъ анализируетъ процессуальныя формы признанія (стр. 24 и слѣд.). Онъ различаетъ 2 рода признанія: добровольное и послѣдовавшее на вопросы суда или противной стороны (стр. 24 in f. и 25). Относительно перваго авторъ, между прочимъ, весьма удовлетворительно разрѣшаетъ интересный вопросъ о томъ, когда судебное признаніе бываетъ поводомъ кассациі (стр. 26). Что касается до признанія втораго рода, то г. Малининъ (стр. 27 и слѣд.) рассматриваетъ его отдѣльно по всѣмъ законодательствамъ, начиная съ римскаго, и въ признаніи этого рода, кажется, и долженъ былъ проявиться вышеупомянутый принципъ личности, о которомъ авторъ говорить во введеніи. Не выяснивъ различія между *interrogationes in iure* и *confessio* (какъ это сдѣлано у Савиньи: *System des heutigen römischen Rechts. Bd. VII, § 305*, и у Унгера: *System des österreichischen allgemeinen Privatrechts. Bd. II, § 127, пр. 7, 4 изд., стр. 520—522*), необходимое для правильнаго пониманія *interrogationes* въ ихъ первоначальномъ видѣ, г. Малининъ справедливо замѣчаетъ, что по римскому праву сторона въ извѣстныхъ случаяхъ обязана была давать отвѣты (стр. 28 и 29); за недачу ихъ или за ложное заявленіе она подвергалась извѣстнымъ невыгодамъ. Случаи эти также не представлены авторомъ; они относятся, главнымъ образомъ, къ такъ-называемой пассивной легитимациі *ad causam* (Savigny, *System*, Bd. VII, стр. 20 и 22). Они могли быть поставлены и въ другихъ случаяхъ, вообще, гдѣ требовала справедливость (fr. 21 D. XI, I).

Юридическое значеніе *interrogationes*, кромѣ случаевъ признанія, сводилось къ извѣстнымъ невыгоднымъ послѣдствіямъ (въ случаѣ отказа отъ дачи отвѣта или въ случаѣ ложнаго отвѣта); они заключались въ томъ, что противная сторона была вправе принять существованіе самаго невыгоднаго обстоятельства для спрашиваемаго, насколько оно мыслимо въ данномъ случаѣ (Савиньи, *ib.* § 305, стр. 38). Но уже самъ Са-

внѣи замѣчаетъ, что въ дѣйствующемъ римскомъ правѣ, какъ оно принято въ Германіи, эти невыгодныя послѣдствія отпали (стр. 43 п. 2 § 308 *ib.*) и что, слѣдовательно, значеніе *interrogationes* въ такомъ смыслѣ исчезло. Тѣмъ болѣе, какъ будетъ показано ниже, *interrogationes* не играютъ прежней роли въ нашемъ процессѣ; авторъ сдѣлалъ здѣсь замѣтную ошибку изъ желанія составить общую теорію. Какъ бы то ни было, въ средневѣковомъ процессѣ *interrogationes* получаютъ иную форму, форму положительную, въ видѣ прямыхъ заявленій сторонъ — *positiones*. Г. Малининъ не останавливается на нихъ, не разъясняетъ ихъ значенія, ссылаясь на то, что у глоссаторовъ вопросъ этотъ не исследованъ определенно (стр. 30 и 31 въ особ. пр. 41). Занявшись затѣмъ французскимъ законодательствомъ, авторъ объясняетъ такъ-называемый *interrogatoire sur faits et articles* французскаго процесса (art. 324 — 336 *c. de procédure civile*, стр. 32 — 38) и въ результатъ приходитъ въ тому мнѣнію, что лучше всего предоставить суду оцѣнку дѣйствій допрашиваемой стороны (стр. 35). Онъ совершенно не знаетъ о существованіи въ нашей новѣйшей русской литературѣ того мнѣнія, относительно *interrogatoire sur faits et articles*, по которому вопросы служатъ суду для разъясненія неточныхъ и двусмысленныхъ заявленій сторонъ, а не для количественнаго восполненія предложенныхъ ими фактическихъ данныхъ (г. Миловидовъ. Законная сила судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ, Ярославль, 1875, стр. 84; пр. 2, съ ссылкой на Миттермайера). По этому мнѣнію, слѣдственное начало, сивозившее въ римскихъ *interrogationes*, ступенчывается во французскомъ правѣ. На стр. 37 самъ авторъ говоритъ относительно признанія уголовныхъ обстоятельствъ въ гражданскомъ процессѣ: «законодательства въ уголовномъ производствѣ не вынуждаютъ обвиняемаго къ признанію, какое же разумное основаніе можно представить въ пользу обязанности отвѣтовъ на допросы въ гражданскомъ производствѣ о такихъ обстоятельствахъ, за которыя допрашиваемому грозитъ наказаніе или опозореніе?» Но если авторъ признаетъ справедливость этого положенія въ уголовныхъ дѣ-

лажъ, то логично, кажется, было бы признать тоже для гражданскихъ дѣлъ вообще, а не только для уголовныхъ обстоятельствъ этихъ дѣлъ: въ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ прямо затрогиваются государственные интересы, нашли невозможнымъ вынуждать признаніе, тѣмъ болѣе, такое вынужденіе относительно признанія (въ видѣ системы римскихъ *interrogationes*) въ дѣлахъ гражданскихъ, прямо затрогивающихъ только частные интересы, не должно быть ввѣдуемо.

Далѣе, г. Малининъ, указавъ на постановленіе прусскаго права и германскихъ проектовъ, переходитъ къ нашему гражданскому судопроизводству и, въ виду молчанія закона о правѣ суда дѣлать тѣ или другія заключенія изъ нествѣта стороны на вопросы суда, советуетъ руководствоваться общими началами теоріи, какъ они выработаны въ римскомъ, французскомъ и прусскомъ правѣ (стр. 41). Однако, такое заявленіе автора относительно русскаго законодательства неосновательно. Изъ ст. 335 можно прямо и безспорно вывести объяснительный характеръ разспросовъ суда въ томъ смыслѣ, какъ онъ только что указанъ для французскаго кодекса¹⁾ (см. Миловидовъ ib. стр. 101 пр. 1). Слѣдовательно, распространять на него теоріи другихъ законодательствъ, которыя не держатся тѣхъ же основныхъ началъ, не совсѣмъ умѣстно. Авторъ не видитъ различія между началами различныхъ законодательствъ именно въ стремленіи составить изъ нихъ общую теорію; предвзятая мысль о ней всегда будетъ скрывать различіе юридическихъ началъ тѣхъ юридическихъ нормъ, изъ которыхъ она составляется. Въ заключеніе отдѣла г. Малининъ говоритъ объ отвѣтѣ суду отвѣтъ слѣдующее: обыкновенно сторона объясняетъ, почему она не можетъ дать отвѣта; принимая въ уваженіе объясненія, судъ не можетъ дать юридическаго значенія отказу

¹⁾ Относительно французскаго процесса еще можетъ возникнуть сомнѣніе въ вѣрности взгляда г. Миловидова на *interrogatoire sur faits et articles*, такъ какъ судъ въ подобныхъ случаяхъ можетъ вывести неблагоприятныя послѣдствія изъ отказа стороны отвѣчать (art. 327 c. de proc. civ.). Но нашъ уставъ объ этомъ ничего не говоритъ, начало римскихъ *interrogationes* ему чуждо, и въ виду того, что въ ст. 335 его вопросы требуютъ только для разъясненія, цѣль основанія молчанія стороны признать значеніе признанія.

отвѣчать на его вопросы; если же такихъ объясненій не будетъ, то нельзя сказать, чтобы допрашиваемыя обстоятельства считались признанными, но является только предположеніе, что не отвѣчающій хочетъ скрыть истину; слѣдовательно, является предположеніе въ пользу противной стороны, что обстоятельства дѣла дѣйствительно таковы, каковы она ихъ представляетъ (стр. 42). Эти слова, повидимому, противорѣчатъ высказанному авторомъ мнѣнію, на стр. 33 (пр. 47), 38 (пр. 68), 39 (пр. 75), что факты, о которыхъ умолчала сторона, считаются признанными.

III-й отдѣлъ (стр. 42—87) посвященъ разсмотрѣнію признанія со стороны лица, дѣлающаго признаніе, и его преемниковъ. Тутъ сначала изслѣдуется значеніе признанія, дѣлаемаго при раздѣлѣ имущества (стр. 43), и признанія, сдѣланнаго предшественникомъ въ процессѣ, для его преемника (стр. 44). Результатъ изслѣдованія относительно послѣдняго вопроса, что преемникъ можетъ опровергать признаніе своего предшественника, если оно несогласно съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла (стр. 44 и 45). Но, во-первыхъ, такого основанія опроверженія признанія у насъ въ уставѣ не существуетъ. Во-вторыхъ, ст. 638 устава говоритъ о возобновленіи дѣла при такомъ преемствѣ, что производство дѣла начинается съ того дѣйствія, на которомъ оно приостановилось; слѣдовательно, если признаніе было сдѣлано, оно имѣетъ полную силу. Въ-третьихъ, самъ авторъ признаетъ, что изъ признанія возникаетъ для признавшей стороны *obligatio quasi ex contractu* (стр. 99), которая, какъ извѣстно, должна переходить на преемниковъ; если же преемникамъ дать право опровергать признаніе, то и самому признавшемуся слѣдуетъ его предоставить, чего, конечно, кромѣ определенныхъ случаевъ, не признаетъ и самъ авторъ. Высказанный, невѣрный по нашему мнѣнію, выводъ г. Малинина дѣлаетъ только относительно признанія, какъ законченнаго юридическаго дѣйствія. Но на ряду съ этимъ признаніемъ онъ ставитъ другой его родъ, который законченнымъ юридическимъ дѣйствіемъ не является и подлежитъ опроверженію путемъ противодозвательства (стр. 44). Подъ этимъ

вторымъ случаевъ признанія авторъ, вѣроятно, разумѣетъ одностороннее заявленіе стороны, но неужели оно само по себѣ имѣетъ такую силу, что должно быть опровергнуто путемъ противодокладательствъ? Уже изъ того положенія, что истецъ долженъ доказать свой искъ, а отвѣтчикъ свои возраженія (ст. 366 уст. гр. суд.), вытекаетъ противное. Кромѣ того, мы видѣли, что этотъ второй случай признанія—подъ понятіе признанія собственно не подходитъ. Потому авторъ переходитъ къ признанію, сдѣланному однимъ изъ *convortes litis*, и рассматриваетъ его дѣйствіе по отношенію къ другимъ участникамъ (стр. 45 — 50). Здѣсь выдѣляется имъ случай, когда по иску всѣ солидарные соучастники вели вмѣстѣ процессъ,—какъ трактуется тогда признаніе одного изъ нихъ? (стр. 47 и 48). Оно рассматривается обязательнымъ только для сдѣланнаго признаніе, остальные соучастники могутъ опровергать и тѣмъ сдѣлать его для себя лишеннымъ юридическаго значенія (стр. 47). Свои положенія авторъ подкрѣпляетъ ссылками какъ на римское право, такъ и на наше законодательство. Но аргументація г. Малинина не кажется намъ убѣдительною. Изъ смысла словъ ст. 483 уст. гражд. суд., повидимому, можно заключить о томъ, что признаніе солидарнаго участника имѣетъ полную юридическую силу. Сопоставляя ст. 482 и 483 уст. гражд. суд., мы видимъ, что въ первой изъ нихъ законъ опредѣляетъ, что признаніе имѣетъ силу противъ того только, кѣмъ оно сдѣлано; статья же 483 представляетъ исключеніе изъ этого общаго правила и для того, чтобы придать болѣе силы этой статьѣ, какъ исключенію, законодатель и редактируетъ ее такимъ образомъ: «соучастники въ дѣлѣ могутъ быть подвергнуты (очевидно, вмѣсто подвергаются, а не въ томъ, что могутъ и не быть подвергнуты, какъ у г. Малинина, стр. 48) послѣдствіямъ признанія одного изъ нихъ лишь въ случаѣ, если они обязались круговою съ нимъ порукою». Ссылки на уложеніе Алексѣя Михайловича и ст. 1595 уст. торг. также не убѣдительны: они говорятъ о соучастникахъ вообще, не выдѣляя солидарныхъ соучастниковъ. Аргументы изъ римскихъ источниковъ (47 пр. 17 и 18), какъ

и другіе, не имѣютъ за собой доказательной силы въ данномъ случаѣ: fr. 17 D. XI, 1 говорить о невѣрномъ отвѣтѣ на interrogatio и, какъ мы выше указали, едва ли можетъ имѣть рѣшающее значеніе при различіи началъ interrogatioes и нашего устава. (Фрагментъ говорить слѣдующее: если рабъ не принадлежитъ одному, а многимъ, и всѣ солгали, что рабъ не находится въ ихъ власти, или кто-либо изъ нихъ (солгалъ), или злоумышленно устроилъ, чтобы рабъ не былъ во власти (его), то каждый изъ нихъ будетъ отвѣчать солидарно, какъ отвѣчали бы тогда, когда имѣли (раба) во власти. Тотъ же, который ничего злоумышленного не устроилъ, чтобы не имѣть раба во власти, или не отрицалъ — не отвѣчаетъ). А с. 5 C. de duob. reis stip. et prom. VIII, 40 прямо говоритъ противное автору и его объясненіе смысломъ конституціи не подтверждается. Авторъ представляетъ намъ далѣе значеніе признанія несовершеннолѣтняго. Не останавливаясь на выводахъ автора относительно вопроса по римскому, французскому и германскому праву (пр. 41), которые въ общемъ вѣрны, мы не можемъ согласиться съ авторомъ въ его положеніяхъ о русскомъ законодательствѣ. Разобравъ ст. 220 т. X и ст. 19 уст. гр. суд., авторъ говоритъ: «и такъ, опекуны должны исзать и отвѣчать на судѣ» только въ спорахъ о такихъ правоотношеніяхъ, въ которыхъ дѣеспособность этихъ лицъ ограничивается закономъ (стр. 59), и отсюда дѣлаетъ выводы и для признанія. Г. Малининъ, однако, своими словами прямо противорѣчитъ ст. 19 уст. гр. суд., и хотя онъ совѣтуетъ не понимать ее въ широкомъ смыслѣ (стр. 58 inf.), но изъ мотивовъ къ этой статьѣ въ изданіи судебныхъ уставовъ государственной канцеляріи прямо слѣдуетъ противоположное (см. еще Малышева, Курсъ гражданск. судопр., т. 1 изд. 1 стр. 185, гдѣ совершенно справедливо несовершеннолѣтніе признаются деспособными къ процессу вообще; ср. неосновательныя рѣшенія касс. деп. 1873 г. 24 окт. Иванова и 29 ноября Кокушкина). Точно также не согласны мы съ толкованіемъ автора ст. 20 уст. гр. суд. о расточителяхъ; признаніе расточителя, по нашему мнѣнію, не можетъ имѣть силы

безъ согласія попечителя, такъ какъ, по смыслу 480 ст. уст. гр. суд., признаніе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ пенятію уступокъ или, по крайней мѣрѣ, ведетъ къ нимъ. (Авторъ же на стр. 63 (о расточителяхъ говорится вообще на стр. 61—64) утверждаетъ, что расточитель можетъ дѣлать признаніе, но въ виду его ограниченной правоспособности оно можетъ быть оспариваемо; дѣло все тутъ въ томъ, кажется, что авторъ признаетъ за признаніемъ не только значеніе римской *confessio*, но и отвѣта на *interrogatio*; однако, послѣднее при чистотѣ составительнаго начала нашего процесса не можетъ служить руководною нитью для выводовъ). На стр. 64—72 авторъ говоритъ о признаніи несостоятельнаго и при этомъ различаетъ три случая признанія: 1) признаніе, сдѣланное въ производствахъ при объявленіи несостоятельности, 2) признаніе въ производствахъ по объявленіи несостоятельности, ка- сящихся конкурсной массы, и 3) признаніе, сдѣланное въ производствахъ по дѣламъ несостоятельнаго внѣ конкурса. Относительно перваго случая, авторъ приходитъ къ тому выводу, что признаніе должника, на основаніи «временныхъ правилъ о порядкѣ производства дѣлъ о несостоятельности» торговою, имѣетъ значеніе матеріала, подлежащаго свободному усмотрѣнію суда; но признаніе должника въ производствѣ о несостоятельности торговою, на основаніи торговаго устава, имѣетъ рѣшающее значеніе для коммерческаго суда (стр. 66). Положенія эти вполне основательны, но нельзя того же сказать о разрѣшеніи втораго случая. Г. Малининъ допускаетъ здѣсь признаніе лица, объявленнаго несостоятельнымъ, но допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и опроверженіе этого признанія, если оно не соответствуетъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ дѣла или если посредствомъ его несостоятельный должникъ принимаетъ на себя новое обязательство и это послѣ объявленія несостоятельности, но до учрежденія конкурса (стр. 68 и 69). Ст. 484 уст. гр. суд., однако, прямо говоритъ противное: «Признаніе лица, объявленнаго несостоятельнымъ должникомъ, не имѣетъ силы въ дѣлахъ о его иму-

ществъ съ того времени, какъ онъ объявленъ несостоятельнымъ¹⁾ Въ этомъ же отдѣлѣ авторъ признаетъ за несостоятельнымъ право вступить въ качествѣ 3-го лица въ дѣло, въ которомъ конкурсное управленіе участвуетъ въ качествѣ его преемника. Основываетъ свое положеніе авторъ на §63 ст. уст. гр. суд., несмотря на 21 ст. того же устава (стр. 70 и 71); но положенія 21 ст. (но объявленіи должника несостоятельнымъ право его искать и отвѣчать на судѣ переходить къ конкурсному управленію, въ исключеніемъ лишь тѣхъ дѣлъ, въ коихъ управленіе это выдастъ должнику свидѣтельство, что оно отказывается отъ нихъ веденія) такъ категоричны, что не смотрѣть на нихъ для правильнаго разрѣшенія вопроса трудно. Наконецъ, не безъ сомнѣнія, въ виду 484 ст. уст. гр. суд., можно отнести къ рѣшенію авторомъ третьяго случая, въ которомъ признаніе должно имѣть полную силу (стр. 72). Разсмотрѣвъ признаніе лицъ вполнѣ не дѣеспособныхъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію признанія представителя, и вопроса о томъ, какое его значеніе, какую силу оно имѣетъ для представляемаго (стр. 72—89)? Онъ устанавливаетъ сначала принципы римскаго права; они слѣдующіе: 1) по fr. 684 D. de conf. XLII, 2, признаніе, сдѣланное представителемъ, не имѣетъ силы *res judicata*; 2) на основаніи fr. 39 pr. D. de proc. et def. III, 3, представитель отвѣчаетъ за свои *responsiones* на *interrogationes*; въ случаѣ ложнаго отвѣта онъ, а не представляемый, отвѣчаетъ передъ истцомъ (fr. 984 D. de inter. in iur. f. XI, 1), но за то его признаніе имѣетъ значеніе какъ согласное съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла, покуда противное не будетъ доказано (стр. 72 — 76). Намъ кажется, что различіе между *interrogatio* и *confessio* при разрѣшеніи данного вопроса всегда должно имѣть въ виду; *interrogationes* давали римскому процессу слѣдственный колоритъ, который въ нашемъ уставѣ устраненъ. Сверхъ того, въ источникахъ нигдѣ прямо не говорится о предположеніи истинности заявленія представителя: относительно *confessio* fr. 684 D. XLII, 2 прямо

¹⁾ Ср. рѣш. гр. касс. депар. 1874 г. 12 декабря по дѣлу Шокальскаго.

говорить, что признаніе представителя не имѣетъ силы *res judicata*, но болѣе ничего. Относительно *interrogationes* говорится въ указанныхъ выше мѣстахъ, что отгѣты представителя для него обязательны, что сдѣланные ложно они падаютъ съ своими невыгодами на представителя. Такое различіе между *confessio* и *responsi* на *interrogatio* обусловливается существомъ дѣла, и положенія объ *interrogationes* вытекаютъ изъ общей ихъ теоріи. Но повторяемъ, для признанія по нашему законодательству они не могутъ служить руководною нитью. Г. Малининъ считаетъ признаніе представителя неопровержимымъ лишь тогда, когда воля представителя можетъ быть вполнѣ признана за волю представляемаго; онъ различаетъ вообще представительство на судѣ въ силу правъ представлять данное лицо въ матеріальныхъ юридическихъ отношеніяхъ и представительство, установленное спеціально на случай судебного разбирательства (стр. 79). Признаніе первыхъ можетъ быть опровергаемо, когда они нарушили свои обязанности, обусловленные существомъ юридическихъ отношеній, въ которыхъ они состоятъ съ представляемымъ (стр. 80). Насколько подобное правило имѣетъ значеніе для нашего процесса, видно уже изъ того, что несовершеннолѣтніе, не имѣющіе вовсе способности къ процессу, не могутъ имъ воспользоваться, хотя авторъ, неосновательно признающій за ними таковую, считаетъ также возможнымъ и опроверженіе съ ихъ стороны (стр. 80). Съ точки зрѣнія автора можно назвать непослѣдовательнымъ его выводъ относительно общественныхъ учреждений: Представители ихъ могутъ дѣлать признаніе лишь согласное съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла (стр. 81)¹⁾; но вопросъ о согласіи дѣйствительности съ заявленіями сторонъ есть вопросъ другихъ доказательствъ, а не признанія, а сверхъ того ст. 1285 и 1289 уст. гр. судопроизв. не даютъ вовсе твердыхъ опоръ для подобнаго рѣшенія. Говоря о повѣренныхъ на судѣ, слѣд. о томъ случаѣ, когда имѣетъ мѣсто представительство для су-

¹⁾ Такъ какъ выше, въ подобномъ же случаѣ, признаніе имѣетъ силу при другихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію автора, а матеріальное отношеніе между тѣмъ одно и то же.

дебнаго разбирательства, авторъ даетъ право повѣренному дѣлать признаніе и даетъ право представляемымъ опровергать его (стр. 83 и сл.). Здѣсь авторъ совершенно игнорируетъ сказанное по тому же поводу въ учебникѣ г. Малышева (Кур. гр. суд., т. I, 1 изд., §§ 47, стр. 233 и 234): «Нѣкоторые законодательства западной Европы полагаютъ, что эти дѣйствія (признаніе и отреченіе отъ иска) выходятъ изъ предѣловъ обыкновенной довѣренности на веденіе дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ ихъ обязательными для довѣрителя, если онъ своевременно не опротестовалъ ихъ; для такихъ протестовъ и спора устанавливается и особое производство. Другія законодательства склоняются, напротивъ, къ тому, что кто довѣрилъ веденіе дѣла уполномоченному лицу, тотъ тѣмъ самымъ предоставляетъ ему право оканчивать дѣло по его добросовѣстному усмотрѣнію и долгу правдивости, а не налагаетъ на него обязанности непременно спорить противъ всего и ни на что не соглашаться. Они даютъ довѣрителю только право немедленно протестовать противъ дѣйствій повѣреннаго, каковы отреченіе отъ иска или признаніе, или же ограничить его въ этомъ отношеніи особымъ условіемъ довѣренности, запретивъ ему, напр., признавать искъ или отказываться отъ права иска. Этотъ взглядъ на процессуальную довѣренность надобно допустить и у насъ, потому что уставъ гр. судопроизводства не требуетъ, чтобы право на отреченіе отъ иска или на признаніе притязаній противной стороны предоставлено было повѣренному положительнымъ, особымъ условіемъ довѣренности. Представительство въ процессѣ не слѣдуетъ предполагать ограниченнымъ во вредъ противной стороны, тѣмъ болѣе, что, рядомъ съ этимъ внѣшнимъ отношеніемъ, существуютъ внутреннія, такъ сказать закулисныя, отношенія повѣреннаго къ довѣрителю, и послѣдній всегда можетъ ограничить порученіе, какъ ему угодно. Вотъ почему мы думаемъ, что вѣритель даже и особою оговоркою не можетъ отнять у него права давать на судѣ признаніе. Такая довѣренность была бы недостаточнымъ полномочіемъ на веденіе дѣла». Такъ говоритъ г. Малышевъ. Что можетъ сказать г. Малининъ противъ этого, — неизвѣстно. Его аргумен-

тація довольно проста: слѣдуетъ принять общую теорію римскихъ источниковъ, какъ онъ ее понимаетъ; слѣдуетъ это сдѣлать потому, что нѣтъ основанія этого не дѣлать (стр. 83). Но вѣдь въ этомъ спорный вопросъ; чтобъ его разрѣшить основательно, нужно взвѣсить доводы *pro* и *contra*, а этого г. Малининъ не дѣлаетъ, потому его выводы много теряютъ въ своей убѣдительности.—Отдѣлъ IV разбираемаго труда посвященъ предмету признанія (стр. 87—114). Г. Малининъ совершенно вѣрно останавливается здѣсь на правахъ состоянія, какъ на предметѣ, относительно котораго юридическое отношеніе не можетъ быть установлено судомъ на основаніи признанія. Невѣрно только то, что онъ исключеніемъ изъ представленнаго положенія считаетъ признание законности ребенка мужемъ матери, послѣдовавшее при извѣстныхъ условіяхъ (ст. 127 т. X ч. 1, стр. 88—92),—оно не есть судебное признание. Во-вторыхъ, авторъ сюда же относитъ недвижимое имущество; относительно его признание также не можетъ имѣть значенія (стр. 92—94). Здѣсь авторъ говоритъ, что г. Малышевъ въ своемъ курсѣ не высказывается прямо по этому вопросу; можно однако думать, что онъ допускаетъ судебное признание о правахъ на недвижимое имущество. Въ учебникѣ же г. Малышева по этому поводу мы находимъ слѣдующее: послѣ заявленія о томъ, что для нѣкоторыхъ правъ законъ устанавливаетъ извѣстныя формы распоряженія, и что признание, выраженное не въ этихъ формахъ, остается безсильнымъ, составитель учебника говоритъ: «напр., сдѣлки *inter vivos* о правѣ собственности на недвижимое имущество должны совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, а потому признание продажи, даренія и т. п. сдѣлокъ объ этомъ правѣ, данное въ формѣ домашняго документа, не можетъ доказывать, что переводъ правъ дѣйствительно состоялся. Даже признание этого рода, данное у мирового судьи, не утверждаетъ права собственности на недвижимое имущество, потому что мировой судья не рѣшаетъ дѣлъ о правѣ собственности на недвижимое имущество; онъ можетъ рѣшать ихъ по взаимному согласію сторонъ, но если рѣшеніе еѣ основывается на признаніи юридическаго акта, который подлежитъ крѣпостному сбору, такое рѣшеніе

должно быть записано у крѣпостныхъ дѣлъ (Курсъ гр. суд., т. I, 1 изд., стр. 297). Удивительно, какъ г. Малининъ не могъ прямо изъ этихъ словъ заключить о мнѣніи г. Малышева; тѣмъ болѣе это было бы желательно, что, на основаніи только-что приведеннаго взгляда, устранились бы всѣ неудобства, которые г. Малининъ выставляетъ въ виду принятія признанія о недвижимомъ имуществѣ. Въ концѣ отдѣла авторъ выставляетъ ограниченіе признанія относительно юридическаго элемента спора и предметовъ второстепенныхъ, добавочныхъ въ признаніи (стр. 95 — 98). Страннымъ кажется, что авторъ говорить объ ироніи и шуткѣ въ признаніи (стр. 97 *in f.*), когда раньше онъ самъ же заявилъ, что на судѣ шутить нельзя (стр. 13 *in f.*). — Отдѣлъ пятый занимается юридическою силою признанія (стр. 99—103). Здѣсь совершенно вѣрно дается рѣшающее значеніе состязательному началу и затѣмъ рассматриваются случаи столкновенія признанія съ различными другими средствами доказательствъ, напр. письменными документами и т. п. Въ виду того, что признаніе освобождаетъ отъ представленія дальнѣйшихъ доказательствъ (ст. 480 уст. гр. суд.), въ виду его превосходства передъ остальными, вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ просто въ пользу преимуществъ признанія¹⁾. Не такъ рѣшаетъ его авторъ (стр. 101 и 102) и, по нашему мнѣнію, напрасно дѣлаетъ. — Въ отдѣлѣ 6 дѣло идетъ объ опроверженіи признанія (стр. 103—114). Авторъ разбираетъ здѣсь постановленія римскаго и европейскихъ законодательствъ, онъ не признаетъ *animus confitendi*, какъ мы видѣли выше, а вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ примѣнимости началъ опроверженія юридической сдѣлки, совершенной по ошибкѣ или принужденію, въ признанію, и въ этомъ расходится съ элементарными учебниками (Малышева, Рено). Онъ дѣлаетъ, впрочемъ, различіе между признаніемъ договорнымъ и направленнымъ на дѣйствительное константированіе обстоятельствъ дѣла (стр. 108). Такого различія, однако,

¹⁾ Затрудненіе возникаетъ для автора здѣсь потому, что онъ всякое одностороннее заявленіе сторонъ считаетъ признаніемъ.

мы признать не можемъ: вслѣдствіе какихъ бы побужденій ни было дѣлаемо признаніе, оно направляется на обстоятельство, выгодное для противника, содержитъ уступку въ пользу его. При состязательномъ началѣ процесса, суду нѣтъ дѣла до того, соответствуютъ ли дѣйствительности или нѣтъ заявленія сторонъ, когда они согласны между собою; это соглашеніе сторонъ во всякомъ случаѣ являетъ изъ себя юридическую сдѣлку и въ этомъ отношеніи должно подчиняться общимъ началамъ о ней. Да и какъ на практикѣ узнать, есть ли заявленіе сторонъ только констатированіе истины, или же заявленіе, направленное только на уступку права ¹⁾? Также неосновательнымъ представляется намъ взглядъ автора на ошибку въ признаніи. «Признаніе, говоритъ г. Малининъ, являющееся результатомъ одного формальнаго согласія, независимо отъ реальной истины, не можетъ быть опровергаемо доказательствомъ ошибки въ этой истинѣ, такъ какъ послѣдняя часто умышленно не берется во вниманіе» (стр. 108). А какъ же поступать тогда, когда она неумышленно сдѣлана? Фг. 13 D. и фг. 20 XI, 1 ровно ничего не доказываютъ въ пользу автора, — они не говорятъ объ ошибкѣ. Да и что такое умышленная ошибка? Это *contradictio in adjecto*. Наше законодательство въ ст. 482 уст. гр. суд. также допускаетъ опроверженіе признанія ошибкою, и различіа, предлагаемаго авторомъ, между видами признанія не дѣлаетъ. Г. Малининъ допускаетъ и опроверженіе признанія посредствомъ ошибки *ex parte*, но при особенномъ условіи; — какое же это условіе? На это авторъ отвѣчаетъ такъ: «предположимъ такую комбинацію; тяжущійся сдѣлалъ признаніе въ фактическихъ обстоятельствахъ, вообще невыгодныхъ для него; но существуютъ юридическія нормы, пользуясь которыми тяжущійся могъ бы игнорировать эти обстоятельства и не подвергаться невыгоднымъ послѣдствіямъ. Зная, что обстоятельства дѣйствительно были, но, не зная, что существуютъ выгодныя для него юридическія нормы, онъ сдѣлалъ признаніе, узнавъ о юридическихъ нормахъ; онъ передъ судомъ ссылается на

¹⁾ Мы по этому вопросу дали объясненіе выше.

свою ошибку въ правѣ. Но можетъ ли такая ошибка служить основаніемъ опроверженія признанія? Факты признанные не являются недѣйствительными, остаются по прежнему вѣрными, и ссылка на ошибку въ правѣ оказывается прикрытіемъ недобросовѣстнаго отрицанія истины». А объ особенномъ условіи ни слова, и понятно почему правило fr. 2 D. XLII, 2: Non fatetur qui egerat nisi jus ignoravit—примѣняется безусловно (въ примѣчаніи 15 авторъ вполне согласенъ, кажется, съ выставленнымъ положеніемъ). Наконецъ, не безинтересны мысли автора на счетъ положеній ст. 482 уст. гр. суд., что признаніе относительно личныхъ дѣйствій не можетъ быть опровергаемо. Приведа основанія постановленій нашего закона о данномъ вопросѣ, г. Малининъ разъясняетъ ихъ далѣе слѣдующими словами: другое дѣло (сравнительно съ разнообразными случаями, когда опроверженіе не можетъ имѣть мѣста), когда тяжущійся, хотя сдѣлалъ признаніе о своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ, но желаетъ опровергать признаніе въ томъ смыслѣ, что сами признанны имъ дѣйствія должны быть, по его мнѣнію, опровергнуты. Вопросъ въ этомъ случаѣ долженъ рѣшаться соотвѣтственно тому, покрываются ли въ конкретномъ случаѣ судебнымъ признаніемъ тѣ недостатки, по которымъ можно было уничтожить *разъ совершенное судебнo-гражданское правоотношеніе*. Трудно понять, что этимъ хочетъ сказать г. Малининъ (стр. 112).—Въ видѣ прибавленія къ своему труду авторъ въ отдѣлѣ VII разсматриваетъ ученіе о квалифицированномъ признаніи (стр. 115—141). Онъ признаетъ вопросъ о немъ крайне спорнымъ, и потому (?) не находитъ нужнымъ разбирать мнѣній ученыхъ, а останавливается лишь на положительныхъ законодательствахъ (стр. 115). Такой приѣмъ автора довольно страненъ; онъ забылъ правило, ведущее ко всякому правильному рѣшенію: *audiat ut altera pars*; тогда только вопросъ могъ считаться бы вполне разъясненнымъ, тѣмъ болѣе, что сами положительные законодательства несогласны между собою по этому поводу. Мы ограничимся этимъ замѣчаніемъ; разсматривать подробно анализъ г. Малинина значило бы писать новый трактатъ о квалифицированномъ признаніи. Какъ во всемъ трудѣ, такъ и тутъ авторъ

держится преимущественно французской теоріи. Несмотря на наши нѣкоторыя несогласія съ взглядами автора, мы должны сознаться, что его сочиненіе есть хорошій вкладъ въ нашу науку: теоретическія монографіи у насъ такъ рѣдки.

П. Гедримовичъ.

2. 0. 1. 8. 1.
5/10/05 2 12"

Вслѣдствіе оказавшихся неисправностей въ доставкѣ журнала гг. иногороднымъ подписчикамъ, редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе на нижеслѣдующія правила:

1) О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала, причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправления журнала и съ какого номера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣч. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, высылается 70 к., а при переходѣ городскихъ подписчиковъ на Kassационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ 1 р. 50 к.

2) Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается прямо въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы, редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

3) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ, которые подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ и подписныя суммы которыхъ часто передаются въ редакцію не своевременно. Въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться съ жалобами въ то мѣсто, гдѣ они подписались.

4) Отвѣты на всякаго рода запросы гг. подписчиковъ редакція признаетъ для себя обязательными только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Объ изданіи въ 1878 году

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ шесть разъ въ годъ книжками около 20 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города	9 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія:

съ доставкой въ С.-Петербургѣ	13 р.
съ пересылкой въ другіе города	13 р. 50 к.

РѢШЕНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА рассылаются немедленно по выходѣ отдѣльныхъ листовъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, въ С.-Петербургѣ рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой, а въ Москвѣ—на Никольской улицѣ.

Гл. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 2 линія, домъ № 7.

Подписчики на 1878 г., желающіе получить остающіеся экземпляры журнала за прежніе годы, пользуются слѣдующею уступкою: „Журн. Гражд. и Торг. Пр.“ за 1871 г. 3 р. 50 к. вмѣсто 5 р. 50 к., а за 1872 г. 6 р. 80 к. вмѣсто 8 р. 20 к.; „Журн. Гражд. и Угол. Права“ за 1873, 1874, 1875 и 1876 гг. по 7 р. вмѣсто 9 р., и за всѣ 6 лѣтъ—30 р. вмѣсто 47 р. 70 к.

Редакторы издатели: **А. Книримъ.**
Н. Таганцевъ.